

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVI, вып. 4—6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе
къ XVI тому «Извѣстій».
Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ, за-
писанныхъ въ губерніяхъ Казанской,
Симбирской и Уфимской. Н. И. Аш-
марина 1—91.
Протоколы Общихъ Собраній Обще-
ства Археологій, Исторіи и Этногра-
фіи за 1899 годъ 1—20.

Сказки казанскихъ татаръ и сопо-
ставленіе ихъ со сказками другихъ
народовъ. А. К. Насырова и П. А.
Полякова 65—112.
Краткая записка о журнальныхъ и
советныхъ статьяхъ и замѣткахъ о кир-
гизахъ. Дѣйств. члена А. Е. Алек-
горова 65—128.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
1900.

Вышелъ 10 декабря.

2100
3311
12-10

ОГЛАВЛЕНИЕ

XVI ТОМА «ИЗВѢСТІЙ».

СТАТЬИ И ИССЛѢДОВАНІЯ.

	<i>Стр.</i>
Народные способы леченія у башкиръ и крещеныхъ татаръ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. <i>И. О. Матанова</i>	1—14.
Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими. Двѣ сербскія сказки о женщинѣ. <i>И. П. Степановича</i>	15—21.
Представители Казанскаго края на земскомъ соборѣ 1648—49 гг. <i>В. А. Борисова</i>	22—30.
Бакса. (Изъ міра киргизскихъ суевѣрій). <i>А. С. Алехтерова</i>	31—37.
Хвалебная пѣснь Досъ-Ходжи въ честь султана Кенесары Касымова. <i>А. Д. Нестерова</i>	38—57.
Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7154 (1646) года. <i>В. А. Борисова</i>	163—175.
Ардинскій приходъ Козьмодемьянскаго уѣзда. <i>И. С. Яблонскаго</i>	176—212.
Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ. <i>А. А. Дмитриева</i>	257—272.

- Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска. *И. О. Матаица* 273—291.

МАТЕРІАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

- Изъ археологической экскурсіи въ 1898 году по Ядринскому уѣзду. *О. И. А. Архангельскаго* 72—78.
 Нѣсколько словъ о Бахталинской древней перкви. *О. М. А. Иванцоваго* 78—80.
 Археологическія достопримѣчательности Ядринскаго уѣзда Казанской губерніи. *О. И. А. Архангельскаго* 213—225.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

- Къ исторіи Пермскаго края. *Ф. Р. Дягилева и с. Г. Шестакова* 80—83
 Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ. *В. А. Борисова* 83—87.
 Нѣкоторыя данныя для исторіи городовъ Казанскаго края въ XVII вѣкѣ. *Его же* 226—235.
 Писцовая книга города Лаишева 7076 (1568) года. Съ предисловіемъ *В. Б.* 299—304.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

- Мусульманскія сказанія о жезлѣ Моисея. *И. О. Матаица* 87—93.
 Пѣсни, записанныя въ с. Б. Борлѣ Сенгилевскаго у. въ 1875 г. и со словъ по-

III

Стр.

волжскихъ бурлаковъ въ 1878 г. <i>сл. Ш.</i>	
<i>Швещикова</i>	93—106.
Прикамская народная этнографическо- сатирическая пѣсня. <i>В. Ш. Магницкаго</i> . . .	236—239.
Народные способы «лечения» и заговоры противъ болѣзней въ Казанской губерніи. <i>Ш. Чибрикова</i>	305—308.

ХРОНИКА.

О раскопкахъ вблизи д. Пьянковой Осинскаго у. Пермской губ. въ сентябрь 1898 г. <i>Ш. Ш. Новохрещениихъ</i>	58—61.
Тульское епархіальное историко-археоло- гическое товарищество. <i>В. Ш.</i>	61—62.
Библіотека и архивъ П. Г. Осокина. <i>В. Ш. Магницкаго</i>	62—63.
Находки въ Свіяжскомъ уѣздѣ. <i>В. Ш.</i>	63.
Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическа- го Съѣзда въ Кіевѣ. <i>Д. В. Васильева</i> . . .	64—71.
Проколы общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1898 годъ.	143—161.
Докладъ К. В. Харламповича въ Обще- ствѣ Археологій, Исторіи и Этнографіи объ Іосифѣ Курцевичѣ, архіепископѣ Суздаль- скомъ	240—241.
Урочище «Марининъ кладъ» близъ сѣльна Соловнова Казанскаго уѣзда. <i>Ш. Ш.</i> <i>Сламосвой</i>	242.
Программа для составленія чувашскаго словаря. <i>Ш. Ш. Ашмарина</i>	243—248.

Древняя башня въ городѣ Арскѣ Казанской губерніи. *В. А. Борисова* 292—298.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отзывы о новыхъ книгахъ, *И. Е. Натанска* и *В. Б.* . . . 107—119, 124—126 и 252—254.

Замѣтка о сборникѣ гравюръ «Эмблематъ духовный». *И. М. Петровскаго* 119—124.

Отвѣтъ г-ну Богдановскому по поводу его статьи «Къ вопросу о расположеніи городской стѣны Казанскаго посада въ 1552 г.» *В. А. Борисова* 127—136.

Разъясненіе на Отвѣтъ г-на Борисова. *Полнѣтніа Богдановскаго*, съ предисловіемъ отъ имени Совѣта Общества и примѣчаніями *В. А. Борисова* 137—142.

О рѣдкомъ сборникѣ русскихъ пѣсень. *И. П.* 249—251.

По поводу изслѣдованія г. С. Л. Пташникаго о происхожденіи Перваго Самозванца. *И. П.* 255—256.

Прибавленіе къ этой замѣткѣ. *Эд. Ж.* 321.

Литература археологіи, исторіи и этнографіи во второй половинѣ 1899 года (по газетамъ, вѣдомостямъ и нѣкоторымъ журналамъ, получаемымъ Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи. *И. О. Натанска* 309—320.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи за 1899 годъ и списки членовъ.

	Стр.
и должностныхъ лицъ Общества. <i>В. А. Брисова</i>	1— 25.
Сказки казанскихъ татаръ и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ. <i>С. Н. Назирова и П. А. Колякова</i>	1—112.
Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. <i>А. В. Александрова</i>	1—128.
Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ губерніяхъ Казанской, Симбирской и Уфимской. <i>И. Л. Ашмарина</i>	1— 91.
Протоколы общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1899 годъ.	1— 20.

Н. И. Ашмаринъ.

**СБОРНИКЪ
ЧУВАШСКИХЪ ПЪСЕНЪ,**

ЗАПИСАННЫХЪ

**въ губерніяхъ Казанской, Симбирской
и Уфимской.**

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этно-
графіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Катановъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XVI тома «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и
Этн.» за 1900 годъ).

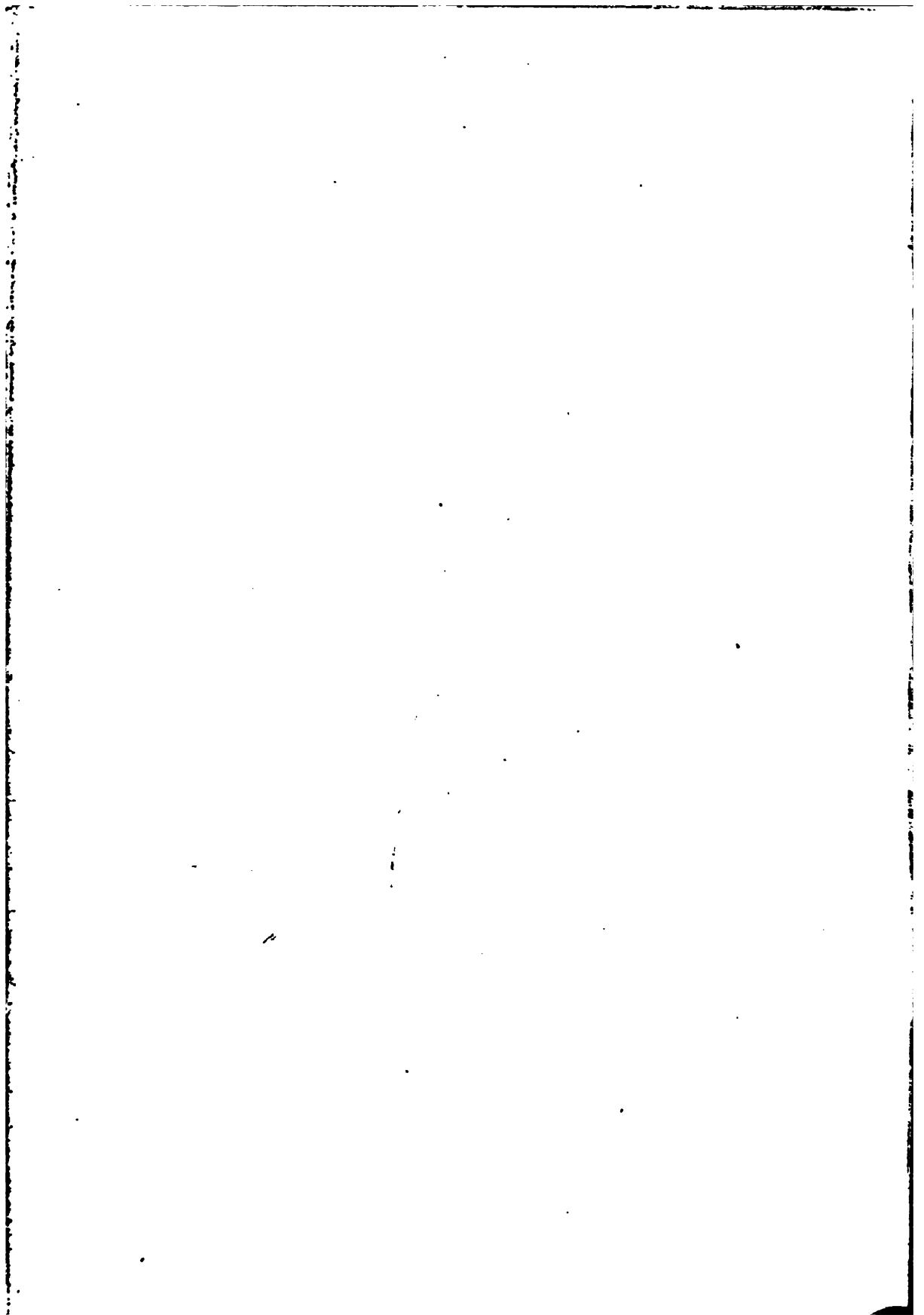
Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ.

Пѣсни, заключающіяся въ этомъ сборникѣ, записаны мною у чувашъ слѣдующихъ селеній:

1) Села Н. Карамалы (Хурамал) и д. Елбулака (Йӱлпӱлак), Белеб. у. Уфим. губ.; 2) д. Шибачева (Шӱпачӱв), Янгильдиной (Мӱнал), Сятра-кассовъ (Сятра-Марка), Верхнихъ Олгашей (Ту-си Олкаш), Березовыхъ Олгашей (Хорӱнлӱх Олкаш) и с. Малаго Карачкина (Пошкӱрт), Козм. у.; 3) с. Мусирмы (Мӱп-Сирма), Цив. у.; 4) с. Тюрлемы (Тӱрлемес), Чебоксар. у. и 5) д. Хошъ-Сирмы (Хош-Сирми), Карсун. у. Симб. губ.

Пять пѣсенъ, записанныхъ въ д. Кильдешъ (Килтӱш), Шуматов. прихода Ядр. у., доставлены мнѣ В. К. Магницкимъ.

Н. А.

Ъ Ё В А Ш Ё У Р Р И С Е М.

I. Сил савърнаѣ, таван, сил савърнаѣ,
Силпе пёрле сёмёрт сыхланаѣ;
Шухашламан зухне сав суретёл,
Шухашласан зёлхем сыхланаѣ.

(Хурамаг).

«Вѣтеръ кружится, родной, вѣтеръ кружится, а отъ вѣтра путаются черемуховые листья. Когда я не думаю, то хожу себѣ спокойно, а какъ стану думать, нѣмѣсть (путається) у меня языкъ».

II. Сўлѣ тусем синѣе тулѣ вѣшлѣ,
Ан уйѣрѣр хўри йенѣшне;
Хализѣенех пёрле пурѣнтѣмѣр,
Ан уйѣрѣр кунтан малашне.

(Хурамаг).

«На высокихъ горахъ ворохъ пшеницы, — не отдѣляйте отъ него ухвостья. До сихъ поръ мы все жили вмѣстѣ, такъ и впредь вы насъ не разлучайте».

III. Сўлѣ тусем синѣе савра кўлѣ,
Савърнайса ишше пулас сук;
Мѣскѣн пусѣнѣе нуша пысѣк пулсан,
Йарѣнайса ўсме пулас сук.

(Хурамаг).

«На высокихъ горахъ — круглое озеро, — да не придется по нему плавать вокругъ. Когда надъ головою бѣдняка нужда великая, то не придется ему вырости на привольѣ».

IV. Сўлс тусем синџе тѣм-тѣм кѣлкан
Сил асталла вѣрнѣ савѣнталла;
Пѣџек кѣна пуџам, самрѣк џунѣм,
Турѣ асталла сырнѣ савѣнталла.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ кустами ковыль; куда подулъ вѣтеръ, туда онъ и клонится. Моя маленькая голова и молодая душа клонятся туда, куда судилъ Богъ».

V. Шурѣ иккен куйанѣн урисем,
Хѣрлѣ иккен тиллѣн урисем;
Шухашларѣм-пѣхрѣм пѣџѣн пуџпа
Ку тѣрлѣ иккен Туррѣн сырнисем.

(Хурамал).

«Видно, у вайца бѣлыя ноги, видно, у лисицы красныя ноги. Подумалъ я, рассудилъ своею одинокою головою — видно таково Божье опредѣленіе».

VI. Куккуксем авѣтаѣ йарѣнса
Сулџѣна кѣџѣ хушшинџе;
Шѣпџѣк авѣтаѣ йарѣнса
Хѣйахпалан хѣмѣш хушшинџе;
Пирѣк ку ѣмѣрсем пртсе пыраѣ
Хуйхѣпа шухѣш хушшинџе.

(Хурамал).

«Привольно поетъ кукушка между листьѣвъ и почекъ деревьѣвъ; привольно поетъ соловей между осокою и тростникомъ, а вся эта наша жизнь только и проходитъ, что между однѣми заботами и горестями».

VII. Хура џѣкѣс вѣсет сўлелле,
Суваџѣсем канас сѣр пур-ши?
Пирѣн ку пуџсем хурлѣхлѣ,
џунѣмѣрсем канас сѣр пур-ши?

(Хурамал).

«Черная ласточка летитъ вверхъ,—есть ли гдѣ отдохнуть ея крыльямъ?
Несчастныя у насъ головы,—есть ли гдѣ отдохнуть нашей душѣ?»

VIII. Ёлѣкъ ъуне епир сѳурерѣмѣр
Сѳартран сѳарга Ыурган пѳалан пек,
Хамѳр пуѳа Ыывѳрлѳхсем Ыилсен
Авѳантѳмѳр хура сѳелен пек.

(Хурама).
(Хурама).

«Въ прежнее время мы ходили рѣзво, какъ олени, перебѣгающіе съ холма на холмъ, а какъ пришли на нашу голову тяжелыя бѣдствія, мы изогнулись, какъ черныя змѣи».

IX. И, кайатпѳр, тѳаван, кайатпѳр,
Кайри ѳѳуреѳерен пѳхса Ыулѳр.
Кайри ѳѳуреѳерен курмасассѳан,
Малти ѳѳуреѳерен пѳхса Ыулѳр;
Малти ѳѳуреѳерен курмасап,
Пусма вѣсне тѳарса пѳхса Ыулѳр.
Пусма вѣсне тѳарсан та курѳнмасап,
Иѳѣ аллѳана сул та пѳртне вѣр,
Алѳек патне пѳх та тѳепеле пѳх,
Хѳш тѳавану сѳукне сѳавѳантан пѳл.

(Хурама).
(Хурама).

«Уходишь ты, родной, уходишь,—гляди намъ вслѣдъ изъ задняго окошка. Если не увидишь изъ задняго окошка, то посмотри изъ передняго. Если не увидишь и изъ передняго окна, то сойди съ крыльца и погляди. Когда не будетъ видно и отъ крыльца, тогда махни обѣими руками и ступай къ себѣ въ избу; посмотри и къ двери и въ передъ избы и тогда узнай, котораго нѣтъ изъ твоихъ родныхъ». (Солдатская.)

X. И, кайатпѳр, тѳаван, кайатпѳр,
Кѣленѳерен кѣпер хывтарса;
Кѣленѳерен хывнѳй кѣпер тѳавѳр пулѣ,
Пирѳен курни илтни сѳакѳй пулѣ.

(Хурама).
(Хурама).

«Эхъ, уходимъ мы, родной, уходимъ, заставивъ намостить стеклянный мостъ; стеклянный мостъ будетъ увокъ, а то, что мы увидимъ и услышимъ, будетъ для насъ печально».

XI. Укълъа халхинъен тухнѣ зухне
Кўлнѣ лаша тула пусларѣ;
Сыв пул, пур пул, тесе аля панѣ зух
Пѣр таванѣм макѣра пусларѣ.

(Хурамал).

«При видѣтѣ изъ полевыхъ воротъ заартачилась (у меня) запряженная лошадь. Когда я жалъ руки, говоря: «Прощайте!», заплакалъ мой родимый братецъ».

XII. Анкарти пѣр хысне йѣгѣн акрѣм,
Кам пырѣ-ши йна сѣлмашкѣн?
Епирех те кунтан кайас пулсан,
Кам пырѣ-ши пире йсатмашкѣн?

(Хурамал).

«Я посѣлялъ за гумвомъ ленъ; кто пойдетъ его брать? Когда намъ придется отсюда уходить, кто пойдетъ насъ провожать?»

XIII. Авѣтаѣ-ѣске куквук, йарѣнса,
Авѣтсан та пѣзѣн майакра;
Асѣнѣпѣр, таван, пѣр-пѣрне, асѣнѣпѣр,
Асѣнсан та пѣзѣн вѣхѣтра.

(Хурамал).

«Привольно кукуетъ кукушка, хотя и кукуетъ, но одинока она на вѣхѣ. Помянемъ мы, родной, другъ друга, помянемъ, но только тогда, когда будемъ въ разлукѣ».

XIV. Сўлѣ тусем синѣе тилѣ йуртсан
Йалти йытѣсен кусне тѣрѣнѣт;
Йалти сѣмрѣв вѣрѣм лайѣх уссен,
Курайман тѣшман кусне тѣрѣнѣт.

(Хурамал).

«Когда на высоких горах рысь бѣжитъ лисица, это раздражаетъ дерзвенскихъ собакъ; если хорошо вырастаетъ молодой парень, это раздражаетъ ненавистниковъ враговъ».

ХV. Сорѣм пуцѣ вилет шоралса,
Шор автан сассисем илтѣнесцѣ,
Аттепеле анне калаѣсцѣ:
Хѣш аѣана парас? тейесцѣ.
Тѣи аслине парас тейесцѣ,—
Тѣи аслийѣн аѣи пит нумай,
Нумай куѣ соѣ, полайат;
Вѣталѣхне парас тейесцѣ,—
Вѣталѣхин арѣм пит ѣслѣ,
Вѣл полмасан вил саланаѣ;
Кѣсѣннинне парас тейесцѣ,
Кѣсѣннинн пуцѣ хѣластой:
Хѣластойѣн пуѣне хѣр турѣ.
Хамѣр вилтен-ѣортран тохса кайнѣ ѣох
Виѣкѣн ѣсѣ ѣорѣѣ ѣѣреме,
Тѣѣрем шорѣ ѣуне ирѣлтерѣѣ,
Нѣр пек хѣрлѣ сѣвѣма шоратрѣ,
Виѣ ѣол порѣнас вѣйѣма пѣтерѣѣ.
Хамѣр ѣѣртен-шивран тохнѣ ѣох
Шѣнѣѣртатса ѣохаѣ солхѣн шив.
Ѧшѣм ѣоннѣ ѣенне вѣртс 'ѣсрѣм,
Ѧшѣм пѣр каннинне пѣлмерѣм,
Пуѣм ѣохалнинне сисмерѣм.
Ѧохалин ѣохалтѣр манѣн айван пуѣѣм:
Кѣрек ста кайсан та пѣр хѣвел,
Хѣвел вон ѣути,
Уйѣхпала ѣѣлтѣр ѣѣр ѣути.

(Хош-Ѧырми).

«Занимается бѣлая заря, слышатся голоса бѣлыхъ пѣтуховъ. Момъ мать и отецъ разговариваютъ: «Котораго парня отдать въ солдаты?» Они думаютъ отдать старшаго, но у старшаго очень много дѣтей: будетъ много слезъ; думаютъ они отдать средняго, но у средняго очень умная жена: безъ

нея весь домъ рвзорится; думаюгь огдаты младшаго: у младшаго голова холостая. Обидѣли холостого парня.

Когда я уходилъ изъ нашего дома, словно острый ножъ разрѣзалъ мнѣ сердце. Растопился бѣлый жиръ моего сердца, поблѣднѣло мое румяное лицо, на цѣлыхъ три года убавилось моей жизни. При выходѣ изъ нашего родного мѣста съ журчаніемъ течеть студеноя вода. Томимый жаждою я прилегу и напился, но не почувствовалъ утоленія жажды,—не замѣтилъ я, какъ пропала моя головушка. Коли пропадать, такъ пусть пропадетъ моя глупая головушка: куда ни пойдешь, вездѣ одно солнце: дневное свѣтило—солнце, ночное—мѣсяцъ и звѣзды».

XVI. Кѣсалхи напор поласса пѣлнѣ полсая

Аса та кнвен полас мѣн,
Сесен хир варрине шѣтас мѣн,
Хорсѣ савапала касѣлас мѣн,
Тѣркус сѣули павкус ѣвас мѣн,
Кѣрхи вѣт сомѣрпа сѣрес мѣн,
Савра силпе вѣссе кайас мѣн,
Хора пѣлѣт сомне сыпѣсас мѣн,
Касѣ-касѣ пѣлѣт полас мѣн,
Вѣттѣн-вѣттѣн вѣт сомѣр сѣвас мѣн,
Наѣар осѣмсене тѣртес мѣн,
Хора халѣх торри еп полас мѣн.

(Хош-Сырми).

«Кабы я зналъ, что въ этомъ году будетъ наборъ, такъ лучше стать бы мнѣ чемерикой безъ сѣмянъ, вырости бы въ чистомъ полѣ, срѣзаться стальною косою, упасть пластомъ до колѣнъ вышиною, согнуть отъ мелкаго осенняго дождя, улетѣть бы мнѣ по вихрю, пристать къ черной тучѣ, стать кучками облаковъ, мелко-мелко падать мелкимъ дождичкомъ, оживлять плохія овини, сдѣлаться богомъ честнаго народа» *)

XVII. Кѣмѣлех сѣрѣ сырулѣ кус Тѣхѣнарсем сыру пѣтнѣтѣн;

*) т. е. оказать ему благодѣяніе. Ср. выраженіе: «турѣ пул» — яви божескую милость, собствъ будь богомъ.

Сага епѣрех кунтап кайсассан,
Асавърсам асран кайвѣжен.

(Хурамал).

«Серебряное кольцо—писанный камешекъ, носите, пока не стерлась на немъ надпись; теперь, когда мы уйдемъ отсюда, вспоминайте о насъ, пока не утрачены воспоминанія».

XVIII. Исех те каймащѣ приѣом корма,
Исех те кайащѣ сѣс хырма.
Приѣоман алакѣ—йѣс алак,
Епѣр ситсе тѣрсан уѣлаѣ,
Епѣр вѣрсе кайсассан хопанаѣ.
И, тытрѣс те тѣратрѣс виѣсене,
Тохайрам, аннеѣм, виѣсене,
Ай икѣ те аршан виѣс вершпок.
И посрѣс те лартрѣс стул сине,
И хырѣс те пѣрахрѣс ман сѣсме,
И шалѣс те пѣрахрѣс сѣп сине.
Пѣр савра сил тохтѣр, вѣѣтертѣр,
Аннеѣм тѣрки сѣне ѣвертѣр,
Шор тоттѣрна сыхса хотѣр-и,
Ирлен -баѣлан тытса пѣхтѣр-и,
Кѣрилтси сине тохса тѣтѣр-и,
Аѣам кплет тесе кѣтгѣр-и.

(Хош-Сыри).

«Не ведутъ меня приѣмъ смотрѣть, а ведутъ меня лобъ забривать. Приемная дверь—мѣдная дверь, при нашемъ приходѣ она растворяется, а какъ вошли туда, затворяется. Ахъ, схватили меня и въ мѣру поставили. Вышелъ я тутъ въ мѣру, матушка, оказалось два аршина и три вершка. Поставили стулъ и посадили меня, сбрили они мнѣ волосы, вывели и выбросили ихъ на сорную кучу. Пусть поднимется вихрь и унесетъ ихъ, и уронитъ на колѣни матушкѣ; пусть завяжетъ она ихъ въ бѣлый платокъ, пусть беретъ и смогритъ каждое утро и вечеръ и, выйдя на крыльцо, пусть стоять и дожидается, что вотъ придетъ къ ней ся сынко».

XIX. Сѣлѣ тусем синеѣ тилѣ йуртаѣ,
Асла сѣула тухасси ине мар;

Халиъзепех пёрле пурăнтăмăр,
Пёр пёринъен уйăрăлма инъе мар.

(Хурамал).

«На высокихъ горѣхъ рысью бѣжигъ лисица; недлеко ей выбѣжать на большую дорогу. До сихъ поръ мы жили вмѣстѣ, но уже недалеко наша разлука».

XX. Аттеçем нанă-тубе йетен çелек,
Çаканса йултар вăта пăтара;
Аннеçем нанă-тубе йетен пир кепи,
Çаканса йултар вăта каштара.

(Хурамал).

«Шапка вязанка, которую подарилъ мнѣ батюшка, пусть виситъ на среднемъ гвоздѣ; рубашка изъ льняного полотна, подаренная мнѣ матушкой, пусть виситъ на среднемъ шестѣ».

XXI. Тăхăнтăм кăтат,
Çиhrăм пуса—
Йенте кайац, тăванăм,
Курса йул.

(Хурамал).

«Надѣлъ я бешметъ, туго подпоясаяся, — теперь прощай, родимый, погляди на меня въ послѣдній разъ».

XXII. Аслă çул хёрринъе сар пушăтлăх,
Çул çыннисем пелес хисеине;
Кунтанах та уйăрăлса и кайсассăн,
Пёр Турăçăм пелё сывлăхна.

(Хурамал).

«На краю большой дороги—желтыя молодыя липы; дорожные люди будутъ знать имъ счетъ. Когда ты распростишься и уйдешь отсюда, лишь одинъ Богъ будетъ знать о твоёмъ здоровьи».

XXIII. Алăхрăмах çулё тусем çине,
Антăм-ёске аслă улăха;

Аслă улăх сийĕ—сарă хăмшăх,
Сарă хăмшсем сийĕ—сарă кайăк.
Сарă кайăксем вĕçсе кайсассăн,
Хумханĕç-ши сарă хăмшсем?
Епирех те кунтан кайас пулсан,
Хуйхăрĕç-ши пирĕншĕн тăвансем?

(Хурама).

«Поднялся я на высокія горы, спустился на большой лугъ; на большомъ лугу желтый тростникъ, на желтомъ тростникѣ желтая птичка. Когда улетитъ желтая птичка, заколышутся-ли желтые тростники? Когда имъ будешь уходить отсюда, будутъ-ли горевать наши родиме?»

XXIV. Орамăрсем тўрĕ мар, воккăр-маккăр,
Сĕрле сўрессисем пит кансĕр.
Орамăрна иртсе пывă зох
Хайу сўти ўнĕ çола орă.
Еп зопрăм та ситрĕм зўрез'омне,
Тăванăма аш'айхинзĕн вăратрăм,
Питĕрнĕ хапхине уçартăм,
Пĕр патĕйан сăрине аstartăм,
Тăванçăм тав тумасăр ёсмерĕм,
Тав тăва тав тăва ёстерзĕ,
Ман айван пуçăма ўсĕртрĕ.
Ўссĕр кăна полтăм хăмларан,
Йăнăш кăна полтăм зĕлхерен.

(Хош-Сырми).

«Въ вась улицы непрямыя,—кривыя, очень неудобно ходить по нимъ ночью. Когда я проходилъ по вашей улицѣ, свѣтъ твоей лучины палъ черезъ дорогу. Побѣжалъ и тутъ скорѣи къ окошку, разбудилъ родного отъ сладкаго сна, заставилъ отпереть запертыя ворота, послалъ его нацѣдить ядову пива. Не сталъ я пить раньше, чѣмъ мой родной выпилъ за мое здорověе: все время онъ угощалъ меня и самъ пилъ, здравствуясь со мною. Опьянилъ онъ мою глупую голову. Пьянѣхонецъ сталъ я съ хмеля, и порядкомъ такъ сталъ ошибаться у меня лывкъ».

XXV. Сўлĕ тусем сине еп алахран,
Сĕр сĕклейми хăвасем еп куртам;

Саб тавансем патне еп вилсессён,
Пус сёклейми сайсем еп вургам.

(Хурамал).

«Поднялся я на высокую гору и увидалъ тамъ такіе тальники, которыхъ не сможетъ поднять земля; когда я пришелъ къ этимъ родственникамъ, я увидѣлъ у нихъ такое угощенье, какого не сможетъ вынести голова».

XXVI. Сургарсемех сўлѣ, урамарсем аслă,
Тунсăх мар пулѣ шăнкăрав сассисем;
Иртепех те вилеп, ваç та вилеп,
Тунсăх мар пулѣ, тавансем, еп сире.

(Хурамал).

«Дома у васъ высокіе, улицы широкія,—надоѣло, поди, вамъ звяканье (ямщицкихъ) колокольчиковъ. Прихожу я къ вамъ и утромъ, прихожу и вечеромъ,—надоѣлъ я вамъ, поди, родные».

XXVII. Сўлѣ тусем синзи пѣр зийе
Хăçанах та пулѣ сѣр зийе!
Таванёпе таванё уйăрăдсассан,
Хăçанах та пулѣ пѣр сѣре!

(Хурамал).

Изъ растущей на высокіхъ горахъ одинокой вишни когда-то еще будетъ сто вишенъ! Если двое родныхъ разлучатся другъ съ другомъ, то когда-то еще будетъ ихъ свиданье!»

XXVIII. Сўлѣ тусем синзе тирек сук,
Пирѣн пуçра çавра селѣк сук;
Асăнман мар, тăван, асăнатпăр,
Вёçсе пырса вурма сунат сук.

(Хурамал).

«На высокіхъ горахъ нѣтъ осокорей, у насъ на головѣ нѣтъ круглой шапки. Не забыли мы тебя, родной,—вспоминаемъ; но нѣтъ у насъ крыль-свъ, чтобъ прилетѣть для свиданья».

XXIX. Ёупрѣм, тухрѣм ѣрама,
Йѣванайса килет сар улма;
Епир сырѣ, есир сарѣ, тѣвансем:
Ѕыртѣр Турѣ пѣрле пуранма.

(Хурамал).

«Выбѣжалъ я на улицу, гляжу—катится желтое яблочко. У насъ волосы темнорусые, у васъ, родные,—свѣлорусые: пусть судить намъ Богъ жить вѣстѣ».

XXX. Ѕеґен хире вирт йатѣм
Кѣлканѣсем ґунса тѣпѣ йулма;
Сирѣн пата, тѣвансем, салам йатѣм,
Саламѣсем йулса хѣвѣр килме.

(Хурамал).

«Пустилъ я палм по чистому полю, чтобы ковыль сгорѣлъ, а корни его остались. Послалъ я къ вамъ, родные, поклонъ, чтобы поклонны остались тамъ, а вы сами прибыли сюда».

XXXI. Хура пуґѣ такѣр пулсан
Кил хѣвалар тилѣ йур ґусан.
Ес пѣрахмасан, тѣванґѣм, еп пѣрахмаґѣп,
Ѕут тѣнґѣре пуґѣм сыв пулсан.

(Хурамал).

«Когда будетъ гладко черное поле, пойдемъ преслѣдовать лисицу, какъ выпадеть снѣгъ. Если ты, родной, не покинешь, то и я не покину, если буду живъ-здоровъ на бѣломъ свѣтѣ».

XXXII. Лайѣх лаша ґине ларсасѣм
Анса утасѣм килмест;
Ѕак тѣвансем патне килсесѣн,
Уйѣрѣлса кайассѣм килмест.

(Хурамал).

«Когда я сяду на хорошую лошадь, то не хочется мнѣ сойти и идти пѣшкомъ; когда я приду къ этимъ роднымъ, то не хочется мнѣ съ ними разставаться».

XXXIII. Ирхипе тѣтѣм тулпалан,
Ўсѣрѣлнѣ нек пултѣм пылпалан.
Ѕак тѣвансем патне килсен
Савѣннѣ нек пултѣм җунпалан.

(Хурамаг).

«Утромъ я всталъ съ разсвѣтомъ и какъ будто опьянѣлъ отъ меда. Когда я пришелъ къ этимъ роднымъ, словно какая-то радость проникла въ мою душу».

XXXIV. Пилѣкѣме җыхнѣ җут пиҗивен
Вѣҗѣсене хѣстерме пѣлместѣп;
Ѕак тѣзансене куриҗҗен курас тетѣп,
Курсан сѣмах каласма пѣлместѣп.

(Хурамаг).

«У свѣтлаго пояса, которымъ я опоясанъ, я никакъ не могу заткнуть концовъ; пока я не вижу этихъ родныхъ. мнѣ такъ хочется ихъ увидѣть, а какъ увижу, не умѣю сказать слова».

XXXV. Кўлнѣ лаша —сарѣ җарха:
Ѕул сулѣнкисенҗе мѣн хуйхѣ?
Тѣвансен пуҗѣ сывѣ җуне
Алѣра мул җувкипҗе мѣн хуйхѣ?

(Хурамаг).

«Запряженная лошадь—саврасый иноходецъ: что за бѣда, что раскати-ста дорога? Когда иши родные живы и здоровы, что за бѣда, что въ рукахъ нѣтъ богатства?»

XXXVI. Ғѣмпѣртенех илтѣм җѣн йевен,
Самартапах илтѣм сарѣ лаша;
Кўлтѣм, тухрѣм хѣнана,
Ғѣлѣкѣм йулҗѣ хѣвана.
Ғѣлѣкѣмсем аса килмерѣ,
Ѕак тѣванѣмсем асран каймарѣ.

(Хурамаг).

«Въ Симбирскѣ купилъ я ременную узду, въ Самарѣ купилъ я савра-
сую лошадь. Запрягъ я ее, выѣхалъ въ гости и оставилъ въ тальникѣ свою
шапку. Не пришла мнѣ и на умъ моя шапка, но съ ума не шлѣ у меня
родиме».

XXXVII. Сѹлѣ тусем сине еп ѡлѡхрѡм,
Сизѣ уйѡх выртнѡ йур куртѡм;
Сизѣ уйѡх выртнѡ йур синзе
Сѡсарпа шашкѡ йѣр куртѡм.
Сѡсарпа шашкѡ йѣрѣнзе
Хура тиллѣн унта мѣн ѣс пур?
Тѡванѣпе тѡванѣ каласнѡ зух
Унта сизѣ йутсен мѣн ѣс пур?

(Хурамап).

«Поднялся я на высокія горы, увидалъ я снѣгу, лежавшій семь мѣся-
цевъ; на этомъ снѣгу, который пролежалъ семь мѣсяцевъ, я замѣтилъ слѣ-
ды кунницы и норки. Какое дѣло черной лисицѣ до слѣдовъ кунницы и
норки? Какое дѣло чужимъ людямъ, когда бесѣдуютъ родной съ род-
нымъ?»

XXXVIII. Шѡнвѡр-шѡнвѡр шыв йухатъ,
Шѡнвѡртѡ зѣппи шыв ѣсет.
Шѡнвѡртѡ зѣппи шыв ѣснѣ зух
Хура пуллѡн мѣн ѣс пур?
Тѡванѣпе тѡванѣ каласнѡ зух
Унта йутсен мѣн ѣс пур?

(Хурамап).

«Съ журчаніемъ течетъ ручей, молодой скворецъ изъ него воду
пьетъ. Когда молодой скворецъ пьетъ воду, какое до этого дѣло лисицѣ-
бѣ? Когда родной бесѣдуетъ съ роднымъ, какое дѣло чужимъ людямъ?»

XXXIX. Сѹлѣ тусем синзе савра кѹлѣ,
Савра кѹлѣ тавра сѹрлалѡх;
Ун сѹрлине тѡван пустарса хур

Сийессусем вилсен симешкён,
Вёрепсе йул, таван, сак йуррама
Ещё асна вилсен йурлама.

(Хурамаг).

«На высокихъ горахъ круглое озеро, вокругъ озера ягодныя мѣста. Набери, родимыи, тамъ ягодъ, чтобы поѣсть, когда придетъ охота; научись отъ меня, родной, этой моей пѣснѣ, чтобы пѣть, когда меня вспомнешь».

XL. Алăкăрсен умё улма йывăç,
Улмисемех сукран илемё сук;
Пуртёрсемех шура, саккăр сарă,
Савнă таванăр сукран илемё сук.

(Хурамаг).

«У васъ на дворѣ растутъ яблони, но нѣтъ у нихъ красы, такъ какъ на нихъ нѣтъ яблокъ; изба у васъ бѣлая, лавки въ ней желтыя, но нѣтъ у нея красы, потому что у васъ нѣтъ милой родни».

XLI. Уйăх суги сап-сугă,
Кун сугине ситес сук;
Йалга хурăнташсем пит нумай,
Хамăр тăвансене ситес сук.

(Хурамаг).

«Очень яркъ свѣтъ мѣсяца, но не сравнится ему съ дневнымъ свѣтомъ; очень много родственниковъ въ деревнѣ, но не сравнится имъ съ нашею кровною роднею».

XLII. Ирă утсем йуртаг, пуçне ухаг
Ирѣ сулсене сывăх тăвашшăн;
Тăвансем пăхаг, куçне хёсет,
Ёмерлехе пёрле пурăнашшăн.

(Хурамаг).

Добрые кони бѣгутъ рысью и помахиваютъ головами,—хотягь сдѣлать ближе дальнюю довогу. Родной мой смотритъ и подмигиваетъ глазами,—хочетъ вмѣстѣ прожить всю жизнь».

XLIII. Хусанта вупис ай мѣн тѣват?
Сыру та сырат, хут сапат.
Пирѣн пиѣзе-нике ай мѣн тѣват?
Кѣреве лартаѣ, сѣй парат.

(Хурамаѣ).

«Каванскій купецъ что дѣлаетъ?—Писма пишетъ, бумаги печатаетъ. Нашъ старшій братъ съ женой что дѣлаетъ?—Ставятъ столъ и предлагаютъ угощенье».

XLIV. Манѣн шурѣ кѣне, пѣрресѣх суса
Саксан шурѣ йур пекех,
Пирѣн сак тѣвансем пит айакра,
Курса калаѣсасси зун пекех.

(Хурамаѣ).

«Если вынуть всего разъ мою бѣлую рубаху, и то бѣлѣтъ она, какъ бѣлый снѣгъ, когда ее повѣсишь. Очень далеко живутъ эти родные: самъ дане съ ними дороже всего на свѣтѣ».

XLV. Сѣлѣ тусем сине йлѣхнѣ зух
Ѣѣн хѣмѣт пѣйивѣсем татѣлѣѣс.
Ѣѣн хѣмѣт пѣйивѣсене сына сына
Вунѣ пѣрне вѣсне тѣм илѣѣ;
Вунѣ пѣрне вѣсне вѣре вѣре
Куѣ умѣнѣи тѣван сѣхалѣѣ;
Куѣ умѣнѣи тѣвана шыра шыра
Нар пек хѣрлѣ зѣрем шуралѣѣ.

(Хурамаѣ).

«При подъемѣ на высокія горы оборвались у меня ременные гужи. То и дѣло связанная ременные гужи, возобилъ я себѣ концм десяти пальцевъ; когда я лулъ на концм десяти пальцевъ, пропалъ мой родной, бы-

шій передо мною; когда я искалъ моего родного, встопилось отъ тоски мое сердце».

XLVI. Йамшѣк пушисем вѣрѣм пушѣ,
Савѣрса сапассисем ъас пулмаѣ;
Пѣр курнѣ ъух тѣван калаѣсса йуд,
Курса калаѣссси ъас пулмаѣ.

(Хурамал).

«Ямшицкіе кнуты—длинные кнуты: нельзя ими скоро ударять съ равна. Когда мы свидѣлись, родной, вели бесѣду, потому что не скоро намъ придется увидаться вновь».

XLVII. Вуниккѣле йавнѣ ъѣн нухайкка
Мѣшѣн сѣтѣлмелле йавнѣ-ши?
Араснайах тунѣ пѣрле ѣснѣ,
Мѣншѣн уйѣрѣлмалла тунѣ-ши?

(Хурамал).

«Зачѣмъ это нагайка, свитая изъ двѣнадцати ремней, свита такъ, что должна развиться? Мы родились порознь, а выросли вмѣстѣ,—зачѣмъ же мы родились для разлуки?»

XLVIII. Урхамахсем ула, сѣлхи хура,
Хаѣ утѣйнѣ епир ларсассѣн.
Сирѣн куѣ-харшиѣрсем йѣшкѣн хура,
Хаѣ шѣлѣйнѣ епир кайсассѣн.

(Хурамал).

«Пѣгіе кони съ черною гривой быст, о помчатся, лишь только мы сядемъ на нихъ. Отъ вашихъ черныхъ, какъ смоль, бровей скоро не останется и слѣда, лишь только мы отсюда уѣдемъ».

XLIX. Вѣс, вѣс, авкѣш, вѣс, авкѣш,
Киттай хир варрине ѣк авкѣш;
Киттай хир варринѣе шурѣ тулѣ,
Уйѣраѣ-ѣе шире пѣр Турѣ.

(Хурамал).

«Лети, лети, лебедь, лети, лебедь, спустись ты, лебедь, среди китайского поля. На китайскомъ полѣ бѣлая пшеница—разлучаешь, смотря, насъ единый Богъ».

L. Алѣкѣрсен умне шѣлса титѣр
Пан-улмисем вустарса выѣама.
Вѣренсе йул, тѣван, сак йуррама
Епир асна килсен йурлама.

(Хурамал).

«Почаще метите у себя на дворѣ, чтобы играть, катая садовыя яблоки. Научись отъ меня, родной, этой моей пѣснѣ, чтобы пѣть ее, когда насъ вспомнешь».

LI. Сѣлѣ тусем синѣе шура курнитса;
Усѣа хупас терѣм сѣлсѣр кун.
Ах, тѣвансем, ъунѣмсем!
Килсе курас терѣм ѣсѣр кун.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ—бѣлая горница; задумалъ я отворить и затворить ее въ безвѣтрный день. Ахъ вы, милые мои, родные! повидать насъ задумалъ я въ свободный день».

LII. Сѣлѣ тусем синѣе сѣлѣ кѣлет,
Сѣлѣ кѣлет тавра вѣт ъѣнтѣр,
Вѣт ъѣнтѣрсем синѣе вѣтѣ кайѣа,
Алгуйине персе ан сивѣт.
Ир те килсѣ, тѣван, ваѣ та килсѣ,
Сивѣ сѣмахна каласа ан сивѣт.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ высокая клѣтѣ, вокругъ высокой клѣтѣ мелкая рѣзьба, на мѣлкой рѣзьбѣ маленькая птичка. Не отваживай се, бросая трость. Прихожу я, родной, и утромъ, прихожу и вечеромъ, не отваживай меня холодными словами».

LIII. Хура вѣрман хыҫне путек йатѣм,
Хѣш хѣрнелле кайнине пѣлмерѣм;
ҫак тавансем патне салам йатѣм,
Хѣш хуларан кайнине пѣлмерѣм.

(Хурамал).

«Пустилъ я ягненка за черной дѣсь, и не знаю, къ которому краю онъ пошелъ. Я послалъ вамъ, родные, поклонъ, и не знаю, черезъ какіе пошелъ онъ города».

LIV. Ҫўлѣ түсем ҫинҫе тулѣ ҫѣрмѣ;
Шыва йарсан кѣмѣл ирѣлмѣ.
Пѣҫѣкҫе пѣр пуҫѣм, ҫамрѣк ҫунҫѣм,
Арҫкал пулсан пуҫѣм хур пулмѣ.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ не сгнѣтъ пшеница; серебро не растаетъ, если его пустить въ воду. Маленькая у меня головушка, молодая душенька, но если будетъ счастье, то не осрамится моя голова».

LV. Аслѣ шыва кѣтѣм йшѣк тесе,
Йнҫѣ куҫлѣ ҫѣрѣ пур тесе;
Йнҫѣ куҫлѣ ҫѣрѣ шыв ҫути,
Епир атте аннен куҫ ҫути.

(Хурамал).

«Вошелъ я въ большую рѣку, думая, что мелко, думая, что есть тамъ перстень съ жемчужнымъ камешкомъ. Перстень съ жемчужнымъ камешкомъ—свѣтъ рѣки, а мы у отца и матери—свѣтъ очей».

LVI. Урхамахсем килет уткѣнса,
Пурҫѣн тилкенине туртѣнса.
Пирѣн таван килет аҫнса,
Сѣсар тир тѣлѣнне (вѣрѣкне) тѣхѣнса.
Сѣсар тир тѣлѣнне пасарта ҫук,
Пирѣн таван пекки йалта ҫук.

(Хурамал).

«Быстро мчатся кони, натягивая шелковые вожжи. Ёдетъ къ намъ, вспомнивъ насъ, нашъ родимый, надѣвши свою кунью шубу. Куней шубы нѣтъ на (всемъ) баварѣ; такой родни, какъ у насъ, нѣтъ во (всей) деревнѣ».

LVII. Хура вѣрман виттѣр тухнѣ ъухне
Аваймарѣм купѣс вукрине;
Пѣлийех те пѣлми ъѣлхемпелен
Кѣреймерѣм тѣвансен кѣмѣлне.

(Хурамаг).

«Проходя по черному лѣсу, не смогъ я согнуть дощечку для середины скрипки; неумѣлымъ своимъ языкомъ не смогъ я угодить своимъ роднымъ».

LVIII. Хура вѣрман виттѣр тухнѣ ъухне
Тимѣрлѣ-ъъѣ пирѣн сѣпасем.
Ашшѣпелен амѣшѣ сывѣ ъухне
Хатѣрлѣ пулаѣ аѣисен пусѣсем.

(Хурамаг).

«Когда мы проѣзжали черезъ черный лѣсъ, наши сани были окованы желѣзомъ. Когда живы и здоровы отецъ съ матерью, то и дѣти бываютъ въ почетѣ».

LIX. Тимѣрлѣ пѣр сѣна—сиктѣрмеллѣ,
Сиктерер-и урам тѣршшѣне;
Тѣванѣпе тѣванѣ тату тѣрса
Ирттерер-и ѣмѣр тѣршшѣне.

(Хурамаг).

«Желѣзомъ обитыя сани—рессорныя, пустимъ-ка мы ихъ подпрыгивать вдоль по улицѣ. Проведемъ-ка мы такъ всю нашу жизнь, чтобы наша родня жила мирно между собою».

LX. Лайѣх лаша лайѣх сѣл сѣреме,
Пирѣн тѣван лайѣх кон корма.

Ҙак лайах лаша җине ларсассан,
Пёрте апса отассам килмере;
Ҙак хамар тавансе тел полсан
Пёрте уйярлассам килмере.
Ей пирён таван кайаҗ уйярлса,
Ылтән көмөл парса та җаранас җук.
Кайаҗ хорё кайаҗ картиче,
Сарә сёлё сапсан та җаранас җук.
Ҙак җынсепён таванёсем мёлле-ши?
Ҙак пирён тавансем ылтән пек,
Рассейре җурен окса пек.
Ёнтё сын поларсам, җас корас җок,
Ҙак кәҗал вилмесен корәпәр.
Ан җувелёр, тавансем, еп килнөшён,
Хавәр та җапла пырәр ханана.
Топмәпәр-ши сирён сәййара,
Тәмәпәр-ши сирён омәрта.

(Хош-Ғырма).

«На хорошемъ конѣ хорошо ѣздить въ дорогу, съ нашею роднею можно жить счастливо. Когда я сѣлъ на эту славную лошадь, никакъ не хотѣлось мнѣ слѣзть и идти пѣшкомъ. Когда я увидѣлся съ нашими родными, никакъ не хотѣлось съ ними разставаться. Уѣзжаетъ отъ насъ нашъ родной, уѣзжаетъ, не удержишь его ни серебромъ, ни золотомъ. Вереницею летятъ дикіе гуси,—не удержишь ихъ, посыпавъ желтаго овса. Какова-то родня у другихъ, а наша родня—словно золото, словно денежки, что ходятъ по Россіи.

Ну, прощайте, увидимся не скоро; если въ этомъ году не умремъ, то увидимся. Не сердитесь, родные, что я пріѣхалъ, пріѣзжайте такъ же и вы къ намъ въ гости: не заслужимъ-ли мы ваше угощенье, не постоямъ ли мы передъ вами?»

LXI. Икё шорә җәмарта пәҗертём,
Хәшә сывәлассине пәлмерём.
Хәшә сывәласса пәлнө полсан,
Йамәттәмәр вәри шыв җине,
Лартмәттәмәр хамәр таван омне,

Сѣнмѣттѣмѣр хамѣр тѣвансе,—
Лартѣттѣмѣр сѣтѣ йот омне,
Сѣнѣттѣмѣр сѣтѣ йотсене.
Сѣк пирѣн тѣван кайаѣ уйѣрѣлса,
Тѣлѣх хор зѣппи нек маѣрса.
Сѣк хамѣр тѣвана корас сѣк,
Пѣр корсан корѣпѣр тѣлѣвре.
Хорѣнѣн та хоппи хот полмѣ,
Сѣк пирѣн тѣвансем йот полмѣс.
Сѣк пѣр кѣр-вонне акнѣ оѣмсене
Пѣр корсан корѣпѣр сѣр-вонне;
Сѣк епѣр хамѣрѣн тѣвансене
Пѣр корсан корѣпѣр Торѣ сѣрсан.

(Хош-Сѣрми).

«Сварилъ я два бѣлыхъ яйца, но не зналъ которое изъ нихъ убудеть. Если бы знать, которое убудеть, не опустили бы мы ихъ въ горячую воду, не поставили бы передъ своими родными, не стали бы потчевать своихъ родныхъ; поставили бы мы ихъ передъ чужими, потчевали бы чужихъ людей. Уходить отъ насъ этотъ родимый, плача при разставаньи, какъ осиротѣлый гусенокъ. Не увидимъ мы этого родного, развѣ только когда во снѣ увидимъ. Берестѣ не быть бумагой, нашей роднѣ не быть чужими. Эти озими, посѣянные осенью, мы увидимъ, если придется, весной; этихъ нашихъ родныхъ мы, если придется, увидимъ, когда на то будетъ Божье опредѣленіе».

LXII. Икелпеле мѣйѣр пѣр тѣслѣ,
Тѣсѣ пѣр те тутѣ пѣр мар;
Тѣванпала тѣван пѣр тѣслѣ,
Тѣсѣ пѣр те ѣсѣ пѣр мар.

(Хош-Сѣрми).

«Жолудь и орѣхъ одинаковы по виду, но хотя видъ у нихъ одинъ, но не одинаковъ вкусъ; двое родныхъ по виду похожи другъ на друга, но хотя по виду и похожи, а характеръ у нихъ различенъ».

LXIII. Вун икѣ те зѣбесѣ—пѣр кашта,
Йорласа йоррисем пѣтмерѣс;

Таванпала таван тѣл полсан,
Калаѣса сѣмахсем пѣтмерѣс:
Шохѣшѣсем ѣре сомѣнѣ.
Сѣмахѣсем ѣлхе вѣсѣнѣ.

(Хош-Сырми).

«Двѣнадцать восточекъ, сидѣвшихъ на одномъ шестѣ, пѣли нескончаемыя пѣсни; когда встрѣтились двое родныхъ, у нихъ пошли нескончаемыя разговоры: ихъ думы лежатъ у сердца, а ихъ рѣчи — на концѣ языка».

LXIV. Ес таста-ѣѣ, таванѣам,
Еп таста-ѣѣ,
Торри йавѣстарѣѣ пѣр сѣре,
Савнѣ сѣмахсе калаѣма.
Калаѣса калаѣса кас турѣам,
Спре ытараймасѣр сѣр вытрѣам,—
Ан ѣвѣнѣр вѣхѣт иртнѣшѣн,
Ѣкѣнѣр ѣмѣр иртнѣшѣн.

(Хош-Сырми).

«Не знаю, гдѣ былъ ты, родимый, и не знаю, гдѣ былъ я, но Богъ судилъ намъ сойтись вмѣстѣ, чтобы говорить милыми рѣчи. Въ разговорахъ съ вами я просидѣлъ весь вечеръ, а потомъ провелъ у васъ и ночь, такъ какъ не могъ отъ васъ оторваться. Не тужите вы, что проходитъ время, а о томъ тужите, что проходитъ жизнь».

LXV. Сѣлѣ тусем сине ѣлѣхѣттѣам,
Урам шѣвассинѣѣн хѣратѣам;
Аслисемпе еп калаѣѣттѣам,
Ѣлѣхем йѣнѣшассинѣѣн хѣратѣам.

(Хурамал).

«Поднялся бы я на высокія горы, но боюсь, что поскользнутся у меня ноги; поговорилъ бы я со старшими, но боюсь, какъ бы не ошибся у меня языкъ».

LXVI. Уѣлѣѣаран тухрѣам, ут кустартѣам,
Кивѣ кѣлкансем тѣпне хускѣтрѣам;

Ура сине тѣтѣм, пѣр йурларѣм,
Кураймап тѣшман ѓѣрине хускатрѣм.

(Хурамап).

«Выѣхалъ я изъ околицы и пустилъ лошадей, — погребовжилъ корни стараго ковыля; всталъ я на ноги и спѣлъ пѣсню, — погребовжилъ сердце ненавистниковъ-враговъ».

LXVII. Кѣлнѣ лашасемех сарѣ пулсан,
Саккѣр хутлѣттѣм Самара;
Пирѣн тѣвансемех сывѣхра пулсан,
Саккѣр хутлѣттѣм-ѓѣ пѣр вунта.

(Хурамап).

«Если бы у меня были саврасыя лошади, то восемь разъ сѣзидилъ бы я въ Самару; если бы наши родные были близко, то я навѣщалъ бы ихъ по восьми разъ въ день».

LXVIII. Аслѣ шыв куккѣрне йѣтѣн акрѣм;
Пѣрѓисерен кѣтат саптарма.
Пѣрѓисерен кѣтат ен саптартѣм,
Синѓѣ пилѣь йилен сѣлетрѣм.
Синѓѣ пилѣк йилене тѣхѣнсассѣн,
Кѣвентелесе шыва кайас сѣк;
Саманисем йывѣр, нуша пысѣк,
Самрѣв кѣрѣм аѓа (вариантѣ: прѣкре) ѓсес сѣк.

(Хурамап).

«Посѣялъ я ленъ при поворотѣ большой рѣки, чтобы изъ каждаго его стебля наткать черной матеріи. Изъ каждаго стебля вслѣлъ я наткать матеріи и заказалъ шить бешметъ съ тонкою талией. Если надѣнешь бешметъ съ тонкою талией, то не пойдешь съ коромысломъ за водой. Времена—тяжелыя, нужда—великая, —не вырости молодому парню!» (Вариантѣ «на привольѣ»).

LXIX. Ах, ах! тенисемех мѣн сѣмах?
Пѣсехисем ѓѣпар мѣн кайѣк?

Пёсехисем зѣпар кук иккен,
Ах, ах! тенисемех хуйхъ иккен!

(Хурама.)

«Что это за слова: «ахъ, ахъ?» Что это за птица, у которой пестрый зобъ?—Пестрый зобъ—это кукушка, а слова: «ахъ, ахъ!»—это горе!»

LXX. Алъхйттам сѣлѣ ту сине,
Сыру сырайттам шурѣ бул сине;
Хамън алъран вилсессѣн
Сырайттам нуцъмъ ирлѣха.

(Хурама.)

«Вошелъ бы я на высокую гору и написалъ надпись на бѣломъ камнѣ; если бы это было въ моей волѣ, то написалъ бы я себѣ счастливую долю».

LXXI. Ирхине пѣр тѣрса вутна хут,
Кайтѣр тѣтѣмѣ йал сине.
Сѣтелне туртса сѣйна пар,
Кайтѣр тану акрука.

(Хурама.)

«Встань ты утромъ и разведи огонь: пусть дымъ отъ него понесется надъ деревней. Поставь столъ и выставь угощенье, чтобы слава о тебѣ пошла по всей округѣ».

LXXII. Ырѣ утсем йуртаѣ сѣлсем йулаѣ;
Ырѣ сѣнсем вилет—йат йулаѣ.
Ешар вилсен мѣнсем йулаѣ?
Сав выѣани-кулни—сав йулаѣ.

(Хурама.)

«Когда рысью бѣгутъ добрые кони, остается дорога; когда умираютъ добрые люди, остается слава. А что останется, когда мы умремъ?—Эти игры и смѣхъ—вотъ что останется».

LXXIII. Аслъ сѹлсем хѣрри сырлаллѣ,
Сийессѹ килсен татса сш.
Манѣн пѣр йуррѣма вѣренетсѣн,
Пѣр йуррѣма нитсе йуд,
Асна килсессѣн йурлама.

(Хурама).

«По краямъ большой дороги много ягодъ, если захочешь поѣсть ихъ-то сорви и ѣшь. Если хочешь научиться отъ меня одной пѣснѣ, то слушай эту пѣсню, чтобы пѣть потомъ ее, когда (меня) вспомнишь».

LXXIV. Сарѣ вурва тѣпѣсем
Кѣвак кѣвакарѣни сѣѣсѣм;
Епир ѣснисем, епир сшнисем
Сак хукасен халал вѣйѣсем.

(Хурама).

«На днѣ желтыхъ ковшей—молоко сивыхъ голубей. То, что мы пьемъ, и то, что мы ѣдимъ,—все это честные труды нашихъ хозяевъ».

LXXV. Кѣвак лашасене сшме пар,
Сѣварлѣхѣсене нсе пар.
Саватни, тѣванѣм, савмастѣн-п?
Савсан аллѣнти куркѣна ѣссе пар.

(Хурама).

«Дай корму сивымъ лошадямъ и возьми у нихъ удила. Любишь, родной, или нѣтъ? Если любишь, выпей ковшъ, который у тебя въ рукѣ».

LXXVI. Сѹлѣ тусене мѣнма (или: ѣмма) тунѣ?
—Пѣлан пѣрушѣ вуртса йѣванма.
Пире атте-анне мѣ тунѣ?
—Йрѣ сшнсемне курса каллашма.

(Хурама).

«Зачѣмъ сотворены высокія горы? — Чтобы валялся на нихъ молодой олень.—Зачѣмъ родили насъ отецъ и мать?—Чтобы видѣться и знаться съ добрыми людьми».

LXXVII. Сиксе сиксе шыв йухсан,
Сырапёсем йепле тўсет-ши?
Куҫё курсан, ҫунё савсан,
ҫёри йепле тўсет-ши?

(Хурамал).

«Когда волнуясь течет вода, какъ это только выносить ея берега! Когда глаза видятъ, а душа любить, какъ это только терпять сердце!»

LXXVIII. Сўлтейех те Турă, ҫёрте патша,
Арахматах тёнҫе тыттишён;
Ах аттеҫём, тегеҫ, ах аннеҫём!
Арахматах пире тунăшăн.
Аттепелеп анне пире туман пулсан,
Аҫтарах-ҫё пире ку кунсем.

(Хурамал).

«Спасибо небесному Богу и земному царю за то, что они управляютъ міромъ. Ахъ, батюшка и матушка! спасибо вамъ за то, что насъ родили. Если бы не родили насъ отецъ и мать, гдѣ бы намъ (видѣть) эти (счастливые) дни!»

LXXIX. Куркърсемех сарă, сăрăр хура,
Ёҫсесемех килсе тăрат-ҫе;
ҫёлхёрсемех ҫемҫе, питёр ашă,
Каласассăм килсе тăрат-ҫе.

(Хурамал).

«Ковши у насъ желтые, пиво — черное, такъ и хочется мнѣ его попить; языкъ у васъ пѣжный и лицо привѣтливое, — такъ и хочется мнѣ съ вами поговорить».

LXXX. Авăтат-ҫе кукук, авăтат
Сул хёрёнҫи пёҫҫен майакра.
Асăнман мар, тăванăм, асăнатăп,
Асăнатăп пёр пёҫҫенҫи ларнă вăхăтра.

(Хурамал).

«Кукуеть кукушка, кукуеть на одинокой придорожной вѣшкѣ. Не заблѣ я тебя, родной,—вспомни:ю... вспоминаю, когда сижу одинокой».

LXXXI. Къвав сѣрмансенѣн хѣрѣх пѣрме,
Сирѣм пилѣк сумлѣх йѣс тѣмме.
Сан куҫ-харшпелен ман куҫ-харши—
Сирѣм пилѣк сумлѣх куҫ-кѣски.

(Хурамаг).

«У сняго кафтана сорокъ сборокъ, на немъ мѣднхъ пуговицъ на двадцать пять рублей. Мои брови и твои брови—словно двадцатипятирублевое зеркало».

LXXXII. Алъхрѣмах сѣлѣ тусем сине,
Антѣм-ѣске аслѣ улѣха.
Аслѣ улѣхсенѣе къвав сѣске,
Кѣрейес-ѣе сѣске хушшине;
Пѣѣккѣ пѣр пуҫѣм, сѣмрѣк тунҫѣм,
Хутшѣнас-ѣѣ ыр сѣн хушшине.

(Хурамаг).

«Поднялся я на высокія горы и спустился на широкую луговину. На широкой луговинѣ синіе цвѣты; хорошо бы зайти въ эти цвѣты. Моей маленькой головѣ и молодой душѣ хорошо бы пристать къ добрымъ людямъ».

LXXXIII. Хура вѣрмансенѣн варринѣе
Хурѣѣка йѣви лараѣ силенсе;
Хурѣѣкисем хурѣѣн тѣрринѣе,
Сунѣѣсем пѣлѣт хушшинѣе.
Пѣѣмѣрсем ырѣ сѣн ай аллинѣе,
Тунѣѣмѣрсем Турѣ аллинѣе.

(Хурамаг).

«Посреди темнаго лѣса качается ястребиное гнѣздо; ястреба — на верхушкахъ березъ, а ихъ крылья—въ облакахъ. Наше тѣло въ рукахъ добрыхъ людей, а наши души въ рукахъ Божіихъ».

LXXXIV. А́лхр́амах с́лэ тусем с́ине,
Ант́ам-ёске Самар шывё с́ине.
Самар шывё урла́ и каш́у́зен
Йу́пах ты́хр́семех ут пулёс.
Епирех те тепре килсе кури́у́зен
Алл́рти а́р́р́семех ар пулёс.

(Хурамал).

«Поднялся я на высокія горы и спустился на рѣку Самару. Пока перейдешь черезъ рѣку Самару, ваши годовалые жеребята станутъ лошадьми. Пока мы придемъ опять и увидимся снова, ваши крошечныя дѣти вырастутъ мужчинами».

LXXXV. Анкарти пёр хы́сне виртсем йат́ам,
Х́ант́ар зё́ппи *) пурне пёлмерём.
Х́ант́ар зё́ппи пурне пёлнё пулсан,
Сёсен хире тухса йарас мён.
У́стертёмёр пёве сар́й х́ам́аш пек,
Йалта т́ашман пурне пёлмесёр.
Йалга т́ашман пурне пёлнё пулсан,
Шыва с́арттан пулса з́амас мён,
Шыва с́арттан пулса з́амас мён,
Ыр́й сын умне каш́ма пулас мён,
Ыр́й сын умне каш́ма пулас мён,
Ки́сма́ссерен в́а́-в́а́ ав́на́с мён.

(Хурамал).

«Пустилъ я палы повадь гумна, а не зная, что тамъ былъ молодой боберь. Кабы знать, что тамъ молодой боберь, такъ пустить бы мнѣ палы по чистому полю».

Выростила я свой (стройный) станъ, какъ желтый камышъ, не зная что есть враги въ деревнѣ. Кабы знать, что есть въ деревнѣ враги, выр-

*) Х́ант́ар—боберь, животное, о которомъ чуваша въ настоящее время уже не знаютъ и которое, какъ видно изъ пѣсни, смѣшиваютъ съ какою-то птицею. Слѣдовало бы сказать не х́ант́ар зё́ппи, а х́ант́ар сурри?

нугъ бм лучше въ воду, обернувшись шукой (2), стать бм лучше мостицомъ передъ добрыми людьми (2) и выблась изгибаться при каждомъ переходѣ».

LXXXVI. Ай-хай та пиѳъсѣм, Шакай пиѳъе!

Савян шамму-шакву стѣлте выртаі ши?
— Ъѣвтѣрлѣ кѣпер леш вѣсѣнѣ,
Кайу ути капанѣ айѣнѣ,
Самай круттѣ сыран хѣрринѣ.
„Виѣ кон виѣ сѣр выртрам, зон тохмарѣ.
Шие шѣхартам, аннесѣм, ес илтмерѣн,
Кѣѳак тортрам, аннесѣм, ес кормарѣн,—
Савян зоне ман зонѣм тохрѣ .

(Хош-Сырми).

«Ахъ ты, дядя, дядя Шагай! гдѣ-то лежатъ теперь твои кости? — На томъ концѣ рѣшетчатого моста, подѣ стогомъ оганнаго сѣна, на краю самаго крутого обрыва. «Три дня и три ночи лежалъ я, не умирая. Я свистѣлъ, матушка, и ты не слышала, я манилъ, и ты не видала,—тутъ и вышла изъ меня душа».

LXXXVII. Ирхине те тѣтам, питме сурѣм,

Тѣтам Торѣ омне кѣл-тума.
Хам кѣллѣме туса пѣтертѣм,
Илтѣм портѣсѣма алѣма,
Карѣм аслѣ олѣха суреме.
Шор хѣвине касса хѣвартѣм,
Ирхине те тѣтам кайс'илтѣм,
Пан олми пахѣине сат йатѣм,
Ирлѣн-каслѣн шѣварса ѣстертѣм.
Ирхине те тѣтам, касса килтѣм,
Шорѣ хѣваран пѣкѣ автартѣм,
Шус костарса йѣс онкѣ сѣштартѣм.
Еп тортрам та кѣлтѣм торѣ утма.
Тѣнес мар-ѳѣе шорѣ йор сине,
Варлас мар-ѳѣе сарѣ кѣрѣкме,

Шайтас мар-ѳе шорă алăма.
Вонă порне вѣсне тăм илѳе.
Вонă порне вѣсне вѣре, вѣре
Нар пек хѣрлѣ сăнăм шоралѳе,
ѳере сомăнѳи сăвăм шăранѳе.

(Хош-Сырни).

«Всталъ я утромъ, умылся и сталъ передъ божницею молиться. Кончилъ я свою молитву, взялъ въ руки топорикъ и пошелъ гулять на широкую луговину. Нарубилъ я тамъ блага тальнику и вернулся, а на утро всталъ опять, принесъ и посадилъ его въ яблоновомъ саду, и выростилъ его, поливая утромъ и вечеромъ. Всталъ я утромъ, срубилъ бѣлую талину, отдалъ согнуть изъ нея дугу, велѣлъ выложить ее жезью и вбигъ въ нее мѣдное кольцо. Взялъ, запрягъ я свою гнѣдую лошадку. Хорошо бы не свалиться мнѣ на бѣлый снѣгъ, не замарать бы мнѣ дубленого полушубка, не ознобить бы мнѣ моихъ бѣлыхъ рукъ. Ознобилъ я себя всѣ десять пальцевъ. Когда я дулъ на концы десяти пальцевъ, поблѣднѣло мое румяное личико, истомилось мое сердечушко».

LXXXVIII. Сѣсѣн хир варрине сарăк аярăм,
Сарăкѣсем полѳѣс полмалла,
Су-ѳисем сарăлѳѣс касмалла.
Пѣр сарăкне кăларса шоратрăм,
Хопписене ытрăм хирелле.
Шап-шарă та арăм еп илтѣм,
Йонашар йăхрăм анкартне;
Пѣрехсех те сарăм сенѣкне,
Мѣлле Торă турѣ зон тѣлне,
Йешле зонѣ тохса кайрѣ-ши?
Еп зопрăм та антăм килелле,
И тортса та вѳлтѣм торă утма,
Костарса йăхрăм анкартне,
Сѣклерѣм те хотăм сыннăма,
Костарса та карăм хирелле,
Хѣрлѣ сыра кайса йăваятартăм,
Сине сыран ышша антартăм,
Икѣ орампалан таптарăм.

Шап-шаръ та сесе шӓттӓр-и,
Хеп-херлӓ те сырла пистӓр-и
Манӓн зонӓм райа тохтӓр-и.

(Хош-Сырма).

«Посылал я рѣпу въ чистое поле. Рѣпа уродилась хороша, а листья
ея развернулись такъ, что ихъ стало можно срѣзывать. Выкопалъ я одну
рѣпу, облупилъ ее, а кожурки отъ нея бросилъ въ поле. Бѣлую-разбѣлую
взялъ я себѣ жену. Побѣжалъ я съ нею на гумно, всего только разъ ударилъ
ее вилами, и какъ это угораздилъ меня Богъ попасть прямо противъ души!
Какъ это только вышла изъ нея душа! Побѣжалъ я тутъ домой, вывелъ и
запрягъ свою гнѣдую лошадку, быстро примчался на гумно, поднялъ и по-
ложилъ свою женушку и помчался съ нею въ поле. Свалилъ я тамъ ее подъ
красный яръ, обрушилъ на нее крутой берегъ, притопталъ его обѣими но-
гами. Пусть выростутъ тамъ бѣлые-разбѣлые цвѣты, пусть поспѣютъ тамъ
красныя ягоды; пусть душа моя попадетъ въ рай».

LXXXIX. Ах тӓвансам, зонсам, тавтӓшшам!

Тӓвӓр орампа килтӓмӓр,
Тӓвансам петне ситрӓмӓр,
Аслӓ орампа килтӓмӓр,
Асӓннӓ сӓре ситрӓмӓр.
Шу синѣ хорсам пит нумай,
Тивак текен пӓри те сок,
Пирӓн тӓван пӓрт толли,
Ки.ѣах текен пӓри те сок.

(Сатра-Марка).

«Ахъ, родные, милые, свесстники! Шли мы по узкой улицѣ и пришли
къ нашимъ роднымъ; шли мы по широкой улицѣ, пришли на то мѣсто, о
которомъ мы вспоминали. Много гусей на рѣкѣ, но ни одинъ изъ нихъ не
кричитъ: гага! Вся изба наполнена нашею роднею, но ни одинъ изъ нихъ
не говоритъ мнѣ: «или сюда!»

XC. Сӓртра ларан пӓрлӓхен
Сулѣзи виттӓр ворӓнатъ,
Херлӓ зӓреллӓ авай пор,
Херӓх сын виттӓр вӓл ворӓнатъ.

Олпут зонлй йсна пор,
Отмйл сын виттёр вйл ворѣнат.
Йсна кймаки—шйрса кймака,
Шйтйкй сйккйр пёсерет,
Йтаримасйр килетёп.

(Сатра-Марка).

«Ягоды костяники, растущей на пригоркѣ, виднѣются черезъ ея листья; Нашу румяную тетеньку видно изъ-за (толпы въ) сорокъ человекъ. Нашего зятя, съ душою господина, замѣтно изъ-за (толпы въ) шестьдесятъ человекъ. Печь у нашего зятя—бисерная; она печеть вухлмй хлѣбъ. Никакъ не могу я утерпѣть, чтобы не прійти сюда».

ХСІ. Пирён вокки кук хораѣ,
Пирён инки су хораѣ.
Кук хоранён вокки пор,
Су хоранён инки пор.

(Сатра-Марка).

«Нашъ дядюшка--какъ «кукушкинъ котелокъ»^{*}), а наша тетка--какъ котелокъ съ масломъ. У насъ есть дядя, похожій на «кукушкинъ котелокъ», и у насъ есть тетка, похожая на котелокъ съ масломъ».

ХСІІ. Хйта ханхи пахъалйк,
Воннйкён тапса усрймйр,
Сохрйм сёртен илтёнцѣ.
Хир, хир орлй килтёмёр,
Хёрлѣ пиллѣ полѣ-и-ха!
Йал, йал орлй килтёмёр,
Йала-ййша йорѣ-и-ха!

(Сатра-Марка).

«У свята ворота двухстворчатныя. Насъ пришло двѣнадцать человекъ и мы отворили ихъ, пнувъ ногою, такъ что раздалось на цѣлую версту. Мы

^{*} Круглые шарики (изъ тѣста) величиною съ куриное яйцо, съ углублениемъ на поверхности. См. Магнитскій, Матер. къ объяснен. стар. чув. вѣры, стр. 114—116.

пришли из-за нѣсколькихъ полей, — посмотримъ, будетъ-ли она румяна; мы приѣхали из-за нѣсколькихъ деревень, — посмотримъ, угодитъ-ли она деревенскому народу».

XCIII. Йатѣм йолтѣр йал сине,
Коѣм йолтѣр хѣр сине,
Кѣлетви пѣтѣр хампала.
Коѣ йоратаѣ зипере,
Алѣ йоратаѣ семсене,
Ори посаѣ хыт сѣре.

(Сатра-Марка).

«Пусть слава обо мнѣ останется въ деревнѣ, пусть моя глава останутся на дѣвушкѣ, а мое тѣло пусть идетъ со мною. Глаза любятъ, что красиво, руки любятъ то, что мягко, а ноги ступаютъ по жесткой землѣ».

XCIV. Тавайеки синзи тонвати
Сарѣ вѣткѣсам сырѣннѣ;
Сарѣ вѣрѣм хѣрсене
Сарѣ азисем сырѣннѣ.

(Сатра-Марка).

«Пень, стоящій на склонѣ горы, обгѣпшия отовсюду желтые муравьи; высокихъ русыхъ дѣвушекъ обгѣпили русые парни».

XCV. Йалти йашѣ азийѣ
Сар хѣр тѣлне ситсен
Иѣ алине шорт сапат,
Хѣрсен зонѣ хосканаѣ.

(Сатра-Марка).

«Когда молодой деревенскій парень цоравняется съ русою дѣвушкою, онъ громко ударяетъ въ ладоши, такъ что у дѣвушки вздрагиваетъ душа».

XCVI. Ах, пире хѣр йатлаѣ!
Хѣр йатне пѣхсассѣн,
Епѣр олаха та тохас соѣ!

Ах, пире ват йатла!
Ват сын йатне пӕхсассӕн,
Епӕр пасара та тохас фок!
Ах, пире йаш йатла!
Йаш сын йатне пӕхсассӕн,
Епӕр орама та тохас фок.

(Ғатра-Марка).

«Ахъ, какъ бранягъ насъ дѣвушки! Если смотрѣть на дѣвичью брань, то намъ нельзя и на посмѣлки ходить! Ахъ, какъ насъ бранягъ старики! Если смотрѣть на брань стариковъ, то намъ нельзя будетъ и на базаръ выйти! Ахъ, какъ бранягъ насъ молодежь! Если смотрѣть на брань молодыхъ людей, то намъ нельзя будетъ и на улицу показаться!».

ХСVII. Сарӕ, сарӕ хӕрсене
Савса Торӕ фотатнӕ,
Хора, хора хӕрсене
Хорӕнташшӕн фотатнӕ.
Йалта фипер азине
Хӕрсем хӕсӕр поласран
Торӕ она фотатнӕ;
Фипер, фипер хӕрсене
Фоп фӕвашшӕн фотатнӕ.

(Ғатра-Марка).

«Русскъ, русскъ дѣвушкѣ любя содалъ Тора, черныкъ, черныкъ дѣвушкѣ онъ содалъ для родства. Красиваго деревенскаго юношу Тора содалъ, чтобы дѣвушки не оставались безплодными; красивыхъ, красивыхъ дѣвушкѣ онъ содалъ для поцѣлуевъ».

ХСVIII. Тохрӕм аслӕ орама,
Йорларӕм йорӕ пӕр фавра,
Ташман фӕрине тапратрӕм.

(Ғатра-Марка).

«Вышелъ я на широкую улицу, спѣлъ куплетъ пѣсни,—потревожила сердца враговъ».

XCIX. Вѣрмана вѣтѣм—ѡтрашки,
Пала вѣтѣм—сынъ сѣмах.
Мѣскершѣн ѡапла полтѣмѣр-ши?
Бѣлхе ѡвар ѡавѣрѣнмаѡ,
ѡанпа ѡавѣнашкал полтѣмѣр.

(ѡтра-Марка).

«Взошелъ я въ лѣсъ—трупоба, взошелъ въ деревню—людскіе покоры.
Отчего это мы сдѣлались такими?—Не умѣемъ мы путемъ слова молвить,
оттого это съ нами и случилось!».

C. Симѣс пѣкѣ авѣнмаѡ,
ѡамрѣв кѣкѣр ѡавѣрѣнмаѡ.
ѡанпа ѡан пек полтѣмѣр.
ѡамрѣв бѣлхе ѡаварпала.

(ѡтра-Марка).

«Зеленая дуга не гнется, молодая грудь неподатлива. Потому съ нами такъ и случилось черезъ наши молодыя рѣчи».

CI. Хор хыѡѡѣн бѣхѣ вѣѡнѣ,
Бѣхѣн ѡнатти вѣскерех полнѣ.
Манѣн бѣлхе тѣмсарах полнѣ,
ѡанпа йоримарѣм халѣха.

(ѡтра-Марка).

За гусемъ полетѣла курица, но крылья у нея оказались коротковаты.
Мои рѣчи были глуповаты, поэтому я не угодила людямъ».

CII. Олт оралѣ хорт кѣкѣра,
Епѣр пайан хѣнара.
Топѣлха торта авѣнмаѡ,
Пѣкѣ ѡмне ѡыпѣсмаѡ;
Пирѣн бѣлхе ѡаврѣнмаѡ,
ѡынсам ѡмне ѡыпѣсмаѡ.

(ѡтра-Марка).

«Шестиногія пчелы—на почкахъ деревьевъ, а мы сегодня сидимъ въ гостяхъ. Оглобли изъ таволги не гнутся и не прилаживаются къ дугѣ; у насъ языкъ путемъ не поворачивается и не можетъ приладиться къ людямъ».

СIII. Хянтър тѣслѣ йѣтгѣм пор;
Алѣкран алѣка зопатъ поѣѣ.
Кайас полѣ йорамѣ.
Хорѣва кослѣ арѣм пор,
Тѣреберен тѣреѣене зопатъ поѣ:
Кайас полѣ, йорамѣ.

(Сатра-Марка).

«У меня есть дома собака бобровой масти; навѣрное, она бѣгаетъ изъ двери въ дверь. Нельзя, надо уходить! Есть у меня дома жена съ зоркими, какъ у ястреба, глазами; вѣроятно она бѣгаетъ отъ окошка къ окошку: нельзя, надо уходить!»

СIV. Авнѣ тырри холѣм полсан
Солталѣкѣен хойхѣм сок.
Хоцѣм хѣрѣ су полсан
Емѣртѣженех хойхѣм сок.

(Сатра-Марка).

«Если у меня густъ постѣнный хлѣбъ, то цѣлый годъ я не знаю заботы. Если у меня будетъ здорова хозяйка, то до конца жизни я не буду знать горя».

СV. Кѣрен лаша, кѣтра силхе
Йортаѣ, йортаѣ кил майлѣ,
Солѣ кѣскелет.
Пирѣя сонн сонатлѣ,
Шта солѣнкѣ, онта зопатъ;
Пирѣн лашн таканлѣ,
Шта сѣра, онта зопатъ.
Пирѣн сонн—хоплѣ сонн,
Хоплѣ сонн йѣс топан.
Сутн йолтѣр сол сине,
Йр йат йолтѣр йал сине.

(Сатра-Марка).

«Игривая лошадь съ кудрявою гривой рысью бѣжитъ, направляясь къ дому, и все меньше и меньше оставляетъ пути. У насъ сани съ отводами,— гдѣ раскаты, туда онѣ и катятся; лошадь у насъ подкована,— гдѣ есть пиво,

туда она и бѣжитъ. Сани у насъ обшиты лубкомъ, у сажей, обшитыхъ лубкомъ—мѣдныя полозья. Пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ, пусть добрая о насъ слава останется въ деревнѣ.

CVI. Кѣтүре лаша нумаи та,
Тимѣр-кѣвака ситес сок.
Мѣншѣн питѣ лайх тет,
Катаран сүтѣ корѣнат.
Шорта кайѣк йѣви нумаи та,
Тѣкец йѣвине ситес сок.
Тѣкец йѣвине ма мохтан?
Вѣл тѣмна шѣлса тѣват тет,
Савѣншѣн пит мохтатѣп.
Сак йалта ырѣ сын пит нумае,
Сак хоѣана ситес сок.
Ку хоѣана ма мохтан?
Ку хоѣа хыт ѣстерет,
Савѣншѣн пит мохтатѣп.

(Сатра-Марка).

«Много коней въ табунѣ, но далеко имъ до сиваго коня. «Почему, говорятъ, онъ хорошъ?» — «Потому что издали свѣтлѣется». Много въ болотѣ птичьихъ гнѣздъ, но не сравниться имъ съ гнѣздомъ ласточки. «Почему ты такъ хвалишь ея гнѣздо?» — «Потому, что она гладко обмазывается его глиной, поэтому я ее такъ и хвалю». Много въ деревнѣ добрыхъ людей, но далеко имъ до нашего хозяина. «Почему ты такъ хвалишь этого хозяина?» — «Потому что онъ славно угощаетъ, за это я его и хвалю».

CVII. Отѣра лараван кѣпѣан йывѣс,
Сайхаха йориман,
Цирѣн пѣк тѣмса сын
Етеме йориман.

(Сатра-Марка).

«Растущая въ рождѣ глухая жимолость оказалась негодною на жерди для сарая. Такіе, какъ мы глупые, люди оказались негодными для людей».

CVIII. Цирѣн моѣин сакѣр ампар,
Сакѣр ампар хошшиуѣ

Сўлти ампар пор тет.
Сўлти ампарга
Тёрлэ пилле тўшек пор;
Тёрлэ пиллэ тўшек синзе
Хёрпе кёрў вайй-выль-ъат;
Хёрпе кёрў хошшинзе
Порсан тоттър вайй выль-ъат;
Порсан тоттър хошшинзе
Потене сурн зон хошаѣ.
Аѣине шоръ ан калър:
Хёрпе ыртаѣ хёрелет;
Хёрне хора ан калър,
Арпа ыртсан саралаѣ.

(Сатра-Марка).

«У нашего дьяла восемь амбаров; между восемью амбарами есть, говорят, верхний амбаръ. Въ верхнемъ амбарѣ лежитъ перина съ пестрою наволочкою; на этой перинѣ съ пестрою наволочкою женихъ съ невестою игру играетъ; между женихомъ и дѣвушкою шелковый платокъ игру играетъ; въ этомъ шелковомъ платкѣ перепеленокъ душу прибавляетъ. Не говорите, что парень бѣлъ: если полежитъ съ дѣвушкой, то покраснѣетъ; не говорите, что дѣвушка черна: полежитъ съ мужемъ—пожелтѣетъ».

СІХ. Лаше кавак полтър-ъвѣ,
Хўри силхи кѣтра полтър-ъвѣ,
Тохна кёрме лайх полтър-ъвѣ.
Арѣм сарѣ полтър-ъвѣ,
Ик сўс хёрри кѣтра полтър-ъвѣ,
Асѣ-хапѣлѣ лайх полтър-ъвѣ.

(Сатра-Марка).

«Была-бы (у меня) свая лошадь, хвостъ и грива были-бы у нея кудрявыя, чтобы хорошо было и вѣзжать и выѣзжать. Была-бы (у меня) русая жена, съ вьющимися на лбу и вискахъ волосами, и была-бы у нея хорошій умъ».

СХ. Шѣши сѣмен мырине
Пире воккѣ туса парассѣ,

Шәләм-сәварәм йолмарә.
Тәрне сүмен пәрсиңе
Пире көккәй туса парзәс,
Шәләм-сәварәм йолмарә.
Сарә хәр сыйас пәрәнәкне
Пире көккәй туса парассә,
Шәләм-сәварәм йосанзә.

«Изъ орѣховъ, которые даже мыши не стануть ѣсть, они испекли пирога и даютъ намъ. Я испортилъ себѣ весь ротъ и зубы.—Изъ гороха, который не стануть ѣсть журавли, они испекли для насъ пирога. Я испортилъ себѣ весь ротъ и зубы.—Изъ тѣхъ пряниковъ, которые стали-бы ѣсть и русскія дѣвушки, они сострадали намъ пирожокъ. Ротъ и зубы у меня поправились».

(Шәпазав).

СХІ. Хоҗи майри хорзә пек,
Хәни вәрли тәмана пек.
Кайас полә, йорамә!
Тәмана пек полтәмәр.

(Ғатра-Марка).

«Ховляшка какъ ястребъ¹⁾, а гости—какъ сови. Нужно, я думаю, уходить, а то мы совсѣмъ осовѣли».

СХІІ. Йорларәм, йорларәм, йорә топрәм,
Синзә пизкәпе пыл топрәм;
Есрәм, сирәм пәр таләм,
Кайас полә, йорамә.

(Ғатра-Марка).

«Пѣлъ я, пѣлъ и нашель пѣсню, а потомъ нашель въ бочкѣ медъ-пилъ я и ѣлъ цѣлмя сутки, пожалуй надо домой итти,—нелзя».

СХІІІ. Шәнкәрзә тәппи шәләмсам
Алйран шәртган йамарәс;
Йәйра холи йәймәксам
Алйран тәвәт йамарәс.

(Ғатра-Марка).

¹⁾ Т. е. совсѣмъ трезвая, бодрая.

«Молодые скворцы мои меньшие братья не выпускали из рук ширтан; ивовыми вѣтвями мои младшія сестры из рук не выпускали сырцевъ».

СХІV. Ах тавансам, фонсам, тинтѣшшам!

Тавансам петне килнѣ фох
Тават ан кѣпи те тавѣр полѣѣ.

(Сатра-Марка).

«Ахъ, родные мои милые и пріятель! Когда я пришелъ къ своимъ роднымъ, моя рубашка, спитая изъ четырехъ полотнищъ, стала узкою».

- СХV.** 1) Хамѣр вырнѣ орпине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Пиѣпеле инкиѣа
Сассинѣемех ойѣратпѣр.
2) Хамѣр вырнѣ толлине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Авипеле йисниѣа
Сассинѣенех ойѣратпѣр.
3) Хамѣр вырнѣ сѣллине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Йѣмѣкпала шѣллѣма
Сассинѣенех ойѣратпѣр.

(Шѣпаѣав).

1. «Жатый нами ячмень мы унаемъ прямо по снопамъ, брата и его ховляку мы унаемъ по одному голосу. 2. Жатую нами пшеницу мы отличаемъ прямо по снопамъ, сестру и ея ховяина мы унаемъ прямо по голосу. 3. Жатый нами овесъ мы унаемъ прямо по снопамъ, младшую сестру и брата мы унаемъ по одному голосу».

СХVІ. Атѣи саѣ сирлаѣах;

Сирла нумай сирѣмѣр та
Санпа хѣрлѣ полтѣмѣр.
Атѣи саѣ кѣпсѣлѣх,
Кѣпсѣ нумай сирѣмѣр та
Санпа синѣе полтѣмѣр.

Атти саѣ хорлѣханлѣх;
Хорлѣхан нумай сирѣмѣр та
Ѕанпа хорлѣхлѣ полтѣмѣр.
Атти саѣ сертелѣх;
Серте нумай сирѣмѣр та
Ѕанпа сѣмса полтѣмѣр.
Атти саѣ сѣмерглѣх;
Сѣмерт нумай сирѣмѣр та
Ѕанпа хора полтѣмѣр.
Атти саѣ потранлѣх;
Потран нумай сирѣмѣр та.
Ѕанпа лотра полтѣмѣр.
Хора тесе ан хорлѣр,—
Ойра похра хоп-хора,
Похра варри шоп-шорѣ.
Сарѣ тесе ан мохтан,—
Ойра вѣскѣн сап-сарѣ,
Вѣскѣн варри хоп-хора.

(Шѣпаѣав).

«У отца въ саду ягодныя мѣста; много мы ѣли ягодъ, оттого и стали румяны. У отца въ саду коровки; много мы поѣли коровокъ, оттого и стали тонкими. У отца въ саду смородина; много мы ѣли смородины, оттого и стали печальны. У отца въ саду много снити; много мы поѣли снити, оттого и стали мягкими. У отца въ саду черемуха; много мы ѣли черемухи, оттого и стали черными. Не обманывайте насъ черными,—въ полѣ куколь черный-пре-черный, а серединка у него совсѣмъ бѣлая. Не хвались, что ты русъ: въ полѣ метлика русая-прерусая, а серединка у нея совсѣмъ черная».

СХVII. Шѣшвѣ лартрѣм сат турѣм,
Мыри полѣ шоп-шорѣ,—
Хѣрсем коли вѣл полѣ.
Омлосси лартрѣм сат турѣм,
Аѣасен коли вѣл полѣ.
Атти пѣрѣ шорѣ пѣрт,
Шор порсѣнна мѣкланѣ:
Килес билет, кайас килес.

Апи кѣмаки шор кѣмака,
Шорѣ порпа шоратнѣ:
Килес килет, кайас килмес.
Полтѣр сакки шорѣ сак,
Шор хѣйѣрпа шоратнѣ:
Ларас килет, тѣрас килмес.

(Шѣпаѣав).

«Насадилъ я орѣшинъ и развелъ садъ. Орѣхи уродилися бѣлме-пре-бѣлме, но всѣ ихъ оборвали дѣвушки. Насадилъ я яблонь и развелъ садъ, но всѣ яблоки оборвали ребѣла. У батюшки изба—бѣлая, пробита она бѣлымъ шелкомъ: ходить къ нему хочется, а ухолить отъ него не охота. У матушки печь—бѣлая, выбѣлена она бѣлымъ мѣломъ: приходитъ къ ней охота, а назадъ уходитъ не хочется. У свояченицы лавки—бѣлая, выбѣлены онѣ бѣлымъ пескомъ: сидѣть на нихъ хочется, а вставать съ нихъ не хочется».

СХVIII. Ирхи лѣву ир атат,
Вѣрман орлѣ илтѣнет,
Хоѣама сасси тоѣанат.
Тохса пѣхрѣм—нихам та ѡок.
Ирхи зѣкес ир йорлат,
Вѣрман орлѣ илтѣнет,
Хѣр-полтѣрѣн сасси тоѣанат.
Тохса пѣхрѣм—нихам та ѡок.
Ирхи шѣпѣѣк ир йорлат,
Сѣнтѣр орлѣ илтѣнет,
Орина сасси тоѣанат,
Илтессѣн зѣре ѡомне вьртат.

(Ту-ѡи Олкаш).

«Рано кукуеть утренняя кукушка; ея кукованье слышится изъ-за лѣса; кажется, что это голосъ тещи. Вышелъ я, посмотрѣлъ—нѣтъ никого. Рано шебечеть утренняя ласточка, ея шебетанье слышится изъ-за лѣса; кажется, что это голосъ свояченицы. Вышелъ я и посмотрѣлъ—никого нѣтъ. Рано поеть утренней соловей, его пѣніе слышится черезъ Сундырь; кажется, что это голосъ Орины: какъ услышу, такъ и проникаетъ въ сердце».

СХІХ. Ой варринѣе вѣрѣм зѣршѣ,
Вѣрѣм зѣршѣра лѣш торат,

Лаш торатра сар вуку,
Сарала-сарала вай атат,
Ќа та полат перён нини.

(Ту-си Олкаш).

«Посреди поля—высокая ель, на высокой ели все сплошь сучья, на сплошных сучьях желтая кукушка, поетъ она расправляя то и дѣло свои крылья: это наша сноха».

СХХ. Нарт, нарт! кукалѣ,
Ларахан шуа йоратат;
Кив-как! хорѣ
Йохахан шуа йоратат.
Перён пиѳи Михаили
Ќипер хѣре йоратат:
Тытасшан та выѳасшан.

(Ту-си Олкаш).

«Утка-крякушка любитъ стоячую воду, крикливый гусь любитъ воду проточную. Нашъ братецъ Михайла любитъ красивыхъ дѣвушекъ: хочеть поймать ихъ и съ ними поиграть».

СХХІ. Ула лаша—тамаша,
Ака туртмас, тамаша;
Ќурен лаша—тамаша,
Ќуре туртмас, тамаша.
Ах, йиснаѳам, улпутѳам,
Аппана савмас, тамаша!

(Хурама).

«Чудесная пѣгая лошадь не везетъ, диковина, плуга; чудесная рыжая лошадь, диковина, не везетъ бороны! Ахъ, зятекъ мой, сударикъ мой, не любитъ, диковина, мою сестрицу!»

СХХІІ. Ей мѣнтаран тѣмани
Назарланнѣ пек пулнѣ,
Серсийѣпе тус пулсассан
Самайланнѣ пек пулнѣ.

Аѣа ѣипер Ентѣри пур,
Наѣарланнѣ пек пулнѣ,
Сарѣ хѣрцелен тус пулсассѣн
Самайланнѣ пек пулнѣ.

(Хурамаг).

«Охъ, эта сова! она сначала какъ будто похудѣла, но когда подружилась съ воробьемъ, то словно поправилась».

Есть у насъ красивый парень Андрей. Сначала онъ какъ будто похудѣлъ, но когда подружился съ русою дѣвушкою, то, кажется, поправился».

СХХІІІ. Мѣн-Сырма урамѣ аслѣ урам,
Пире сѣреме тѣвѣр пулѣѣ;
Хула урам тѣвѣр урам,
Пире сѣреме ирѣк пулѣѣ.
Хусантан тухаѣ хура сул,
Ик айѣккипеле сѣр йуна;
Хѣвелех хѣртсе пѣхнѣ зух
Ик айѣккипе сѣр йухаѣ.
Епѣрех тухса кайнѣ зух
Аттепе аннен ик хура кусран
Шѣпѣр-шѣпѣр шыв йухаѣ.
Шурѣм пус килет шуралса,
Шурѣ пир карса зарас суе;
Хѣвелех пѣхаѣ хѣрелсе,
Хѣр:ѣ хѣмаз карса зарас суе;
Кайнѣ хур кайаѣ пулѣккипе,
Шулѣара тулѣ сапса зарас суе;
Епѣр кайатпѣр пулѣккипе,
Ылтѣнна кѣмѣл парса зарас суе.
Турпас сине тѣм ѣкнѣ,—
Нумаѣ тѣмастѣ, хаѣ, ирѣлет;
Ах аттесѣм, аннесѣм!
Нумаѣ тѣмастпѣр, хаѣ кайатпѣр.
Алѣбран тухрѣм, тѣйѣлтѣм—
Аттепе аннерен уйѣрѣлтѣм;

Сенёкрен тухрам тайлтам —
Пизъепе пикерен уйярлтам;
Кётекрен пярэнтэм тайлтам —
Тантэшсенъен уйярлтам;
Пус халхинъен тухрам, тайлтам —
Йал-йышсенъен уйярлтам;
Пусса тухрам тайлтам,
Фёрпе шывран уйярлтам.
Улэхрамах сүлэ ту сине
Хёвелле писнэ сырлашай.
Фалтэр витёр сул курьнат;
Епёр кайас сул мар-ши?
Хёвел витёр хёр курьнат;
Епёр плес хёр мар-ши?
Уйях витёр уй курьнат;
Епёр вэрчас уй мар-ши?

(Мян-Сырма).

«На Мусирминскихъ широкыхъ улицахъ стало тёсно намъ ходить; на узкихъ улицахъ города стало вольно намъ гулять. Изъ Казани выходить черная дорога, по обѣимъ сторонамъ ея крашенные столбы; когда жарко печетъ солнце, то по обѣимъ сторонамъ ея течетъ краска. Во время нашего ухода у батюшки и матушки изъ черныхъ глазъ градомъ текутъ слезы. Занимается бѣлая заря, не удержишь ее, растянувъ бѣлый холстъ; свѣтитъ красное солнышко, не удержишь его, натянувъ красный кумачъ; вереницею летятъ дикіе гуси, не удержишь ихъ, расчлпавъ крупной пшеницы; мы уходимъ цѣлюю толпою, не удержишь насъ, дѣря залотохъ и серебромъ.

На щепки выпалъ морозъ, — не долго онъ продержится, скоро растаетъ; ахъ, батюшка и матушка! не долго мы здѣсь пробудемъ, — скоро уйдемъ отсюда. Вышелъ я изъ дверей, поклонился — разстался съ отцомъ и матерью; вышелъ я изъ сѣней, поклонился — разстался съ старшимъ братомъ и его женою; завернулъ я за уголъ и поклонился — разстался я съ своими друзьями; вышелъ я за околицу и поклонился — разстался со всею деревнею; вышелъ я въ поле и поклонился — разлучился съ землею и съ водою. Поднялся я на высокую гору за ягодами, созрѣвшими на солнцѣ. При звѣздахъ виднѣется дорога, — не по этой ли дорогѣ намъ идти? При свѣтѣ солнца виднѣется дѣвушка, — не та ли это дѣвушка, которая была бы нашею невестой? При луиѣ виднѣется поле, — не то ли поле, гдѣ мы будемъ биться?»

СХХІV. Җөвөл (2) җөкеҗсем,
Хуралта хушшинҗе вөсенён йәвнсем.
Хуралта хушшисенҗен снл вөрсен,
Хуйхәраҗсә җөкеҗён җөпннсем.
Патшаран сырусем кнлссесён,
Хуйхәраҗсә җамрәк аҗасем.

«У ласточекъ-щобетуннй гнҗала свнтн между постройкнми. Когда между построекъ подуетъ вѣтеръ, то молодыя ласточки горюють. Когда придутъ царскія бумаги, начинается горевать молодые парннн».

СХХV. Илтән та пөр җашәк, көмөл кашәк
Ан выҗатәр вөрекөр снйёнҗе;
Кайас сұлсем вәрәм, кунссем вөске:
Ан йәпатәр сөмсө җөлхөрне.

(Хурамаг).

«Золотоу чашкою и серебряною ложкою не играйте за вашнмъ столомъ. Намъ предстоитъ длинный путь, а дни коротки,—не утѣшайте насъ своимъ нѣжнымъ языкомъ».

СХХVІ. Атти сарайё олтә столпаллә,
Җән сирәппи кайса үррө.
Хорләхан йәвәс хорланат;
Ай атти те ай апи!
Пирён хорланас нумай полё.
Вөрене йәвәс вөренет;
Ай пиҗи те ай инки!
Пирён вөренес нумай полё.
Сөмөрт йәвәс сөмөрлет;
Ай йисни те ай аки!
Пирён сөмөрлес нумай полё.
Хәва йәвәс авәнәт;
Ай шәлләм та ай йәмәк!
Пирён авәнәс нумай полё.
Йөри-тавра хөр тантәш

Коѣм хысне тѣрса йолѣс;
Йѣри-тавра нвѣл тантѣш
Коѣм хысне тѣрса йолѣс.

(Шѣпаѣав).

«У батюшки сарай—на шести столбахъ; самый крѣпкій изъ нихъ повалился. Смородиновое дерево печалится; ахъ, батюшка! ахъ, матушка! много придется намъ печалиться. Кленъ-дерево учится; ахъ, братецъ; ахъ, сношенька! многому придется намъ учиться. Дерево—черемуха ломается; ахъ зятекъ, ахъ, сестрица! много придется намъ ломаться. Таль-дерево гнется; ахъ, братецъ, ахъ, сестрица! много придется намъ нагибаться. Окружавшія меня сверстники дѣвущки всѣ пропали у меня изъ глазъ; окружавшіе меня сверстники всѣ скрылись у меня изъ очей».

СХХVII. 1) Атѣин улѣ тѣватѣ ул:

Виѣсѣшѣ те толѣ вѣлти,
Еп пѣѣзенех сѣлѣ вѣлти.
Атѣин улѣ тѣват ул:
Виѣсѣш киле йолаѣсѣ,
Ман пѣѣзенех кайас полаѣт.
Апин улѣ полаѣѣѣн
Кошав сурн полас мѣн,
Кѣмака синѣзех выртас мѣн.
Атѣин улѣ полаѣѣѣн
Анѣѣк сурн полас мѣн,
Йр сын хирѣс тохас мѣн.

2) Алѣкран тохрѣм тайѣлтѣм—

Атѣи апиран ойѣрѣлтѣм;
Сенѣкрен тохрѣм, тайѣлтѣм—
Пѣѣпие инкиран ойѣрѣлтѣм;
Хапхаран тохрѣм, тайѣлтѣм—
Пѣснпие акиран ойѣрѣлтѣм.

(Шѣпаѣав).

1) «У нашего отца четверо сыновей: трое изъ нихъ—пшеничные снопы, только я одинъ—овсяный снопокъ. У отца четыре сына: трое остаются дома, а мнѣ одному приходится уходить. Чѣмъ бы быть мнѣ сыномъ у ма-

тушки, лучше бы стать котенкомъ и лежать на печкѣ. Чѣмъ бы быть мнѣ синомъ у батюшки, лучше стать бы маленькимъ кутенкомъ и выбѣгать на встрѣчу добрымъ людямъ».

2) «Вышелъ я изъ дверей и поклонился,—разстался съ отцомъ и матерью»; вышелъ я изъ стѣнъ и поклонился,—разстался съ старшимъ братомъ и снохою; вышелъ я изъ воротъ и поклонился,—разстался съ вятемъ и старшею сестрою».

СХХVIII. Хёрлѣ холѣ пак хёр тавтѣш,
Хуа холли пак ул тавтѣш,
Лепле ордѣсах каѣас-ши!
Су полѣр та пор полѣр,
Тив те корѣп те кормѣи.

(Ту-си Олкаш).

«Сверстницы мои, похожія на вѣтви вербы, сверстники мои, подобные вѣтвямъ тальника, какъ мнѣ съ вами разстаться! Будьте живы и здоровы,—неизвѣстно, увижу ли я васъ еще, или нѣтъ».

СХХIX. Ой варринѣ мѣн йоман:
Атти терѣм—ѣёнмерѣ;
Ой варринѣ мѣн ѣѣка;
Апи терѣм—ѣёнмерѣ.
Карѣм ситрѣм, косран сѣтрѣм,
Су пол терѣм—ѣёнмерѣ:
Алуна сол та косна хоп.
Ой варринѣ мѣн хорѣн;
Аки терѣм—ѣёнмерѣ:
Алуна сол та косна хоп.

(Лап-Олкаш).

«Посреди поля—огромный дубъ; я сказала: «батюшка!», но онъ не откликнулся. Среди поля большая липа; я сказала: «мама!», но она не откликнулась. Ушелъ я далеко и пропалъ у нихъ изъ глазъ; сказала: «пропайте!», но мнѣ не отвѣтили ничего... Махни рукою и закрой глаза! Среди поля высокая береза; я сказала: «сестрица!»—но мнѣ не отвѣтила она. Махни рукою и закрой глаза!»

СХХХ. 1) Ој ваџи^ии^а мѣн јоман;
Аѣти а^аа пырдѣм да,
Улѣм у^аа^к м^аа^арѣ.
Ој ваџи^ии^а мѣн сѣса:
Ази а^аа пырдѣм да,
у^аа^к улѣм а^аа^арѣ.

2) Аѣти^и сѣџи^и боли^иа^и
Куку сѣџи^и болас^иѣ^и,
Јѣс^аа^и јѣѣ^а ѣѣ^ас^иѣ^и,
Куку! а^аа адас^иѣ^и.
Ази сѣџи^и боли^иа^и
Мырѣ сарлан^и болас^иѣ^и;
Ыр сын хѣрѣ^аа^и татѣ^ир^иѣ^и,
Хора дѣлѣт сѣ^аа^ар^иѣ^и.

(Пошкѣрт).

Бунинское переложение:

- 1) Хпр варринѣ мѣн йуман;
Ате тесе пытам та,
Килех, мвѣлѣм, темерѣ.
Хпр варринѣ мѣн ѣа;
Ане тесе пытам та,
Килех, мвѣлѣм, темерѣ.
- 2) Ате мвѣлѣ пулиѣзен
Куккук ѣѣпи пудас мѣн,
Пѣвѣсран йвѣѣса вѣсес мѣн,
Кукку! тесе авѣтас мѣн.
Ане мвѣлѣ пулиѣзен
Мѣѣр курланки пудас мѣн,
Ыр сын хѣресем татѣ^ар мѣн,
Хура тѣлѣп сѣлсѣѣр мѣн.

1) «Посреди поля—огромный дубъ; я подумалъ, что это отецъ и подошелъ, но онъ не сказалъ мнѣ: «Подойди сынокъ!» Посреди поля—большая липа; я подумалъ, что это мать, и подошелъ, но она не сказала мнѣ: «Подойди, сынокъ!»

2) «Чѣмъ бы быть мнѣ дѣтищемъ у батюшки, лучше быть бы дѣтенышемъ кукушки, перелегать съ дерева на дерево и куковать. Чѣмъ бы быть мнѣ дѣтищемъ у матушки, лучше стать бы гранками орѣховъ; дочери добрыхъ людей сорвали бы ихъ и нашили бы себѣ черныхъ тулуповъ».

СXXXI. *Мѣн одѣра мѣн μ ѣшкѣ,
Мѣри ларат шоп-шорѣ;
Чѣн дѣси^ми^д сарѣ мѣрѣ.
 μ ѣ^р сарѣнза ζ и^дѣ^к
И^рѣи тѣмба тѣсѣнат полѣ.*

(Пошкѣрт).

«Въ большой рощѣ растетъ большая орѣшина, на ней растутъ бѣлые-прѣбѣлые орѣхи; на самой верхушкѣ—желтые орѣхи. Пока мы вернемся назадъ, они, навѣрно, осыплются отъ утреннихъ морозовъ».

СXXXII. *Шѣвѣ те шѣвѣ шаланѣ
Куллен те шывшѣн макѣраѣ.
Аѣа ѣипер (савѣ пур)
Куллен те хѣршѣн макѣраѣ.*

(Хурамал).

«Шѣвѣ (2) авоага (?) каждый день плачетъ о водѣ. Красивый парень (такой-то) ежедневно плачетъ о дѣвушкѣ».

СXXXIII. *И^рѣѣ куак лажѣ жонажар,
Ста ζ ѣ^д ави^м, ондала.
И^рѣѣ вадѣ кашкѣр жонажар.
Ста сорѣк пол^ди, ондала.
И^рѣѣ жаш ача жонажар,
Ста ζ ѣ^рѣ^ди, ондала.
И^рѣѣ ζ ѣ^р ача жонажар,
Ста олак, ондала.*

(Пошкѣрт).

Тытса та кѣрес тытѣара
И шуҕ цустарса кѣретпѣр.

(Хурамал).

«На ваше крыльцо, на которое намъ войти, мы входимъ, усталъв его сукномъ; скобку, держась за которую мы должны войти, мы сначала обили жостью».

СXXXVIII. Пуставран сарнѣ пусмѣра
Пустарса кѣртер терѣр пулѣ,
И, шуҕ цустарнѣ тытѣара
Тыттарса кѣртер терѣр пулѣ.

(Хурамал).

«Вѣроятно вы рѣшили привести насъ, заставивъ ступать по вашей лѣстницѣ, усталанной сукномъ; вѣроятно вы рѣшили привести насъ, заставивъ держаться за вашу скобку, обложенную жостью».

СXXXIX. Мерѣнтен сарнѣ кѣмакѣра
Кѣртсе кѣтартар терѣр пулѣ;
Шур курнитса нек пѣртѣре
Кѣртсе выѣатар терѣр пулѣ.

(Хурамал).

«Вѣроятно вы захотѣли привести насъ къ себѣ, чтобы показать вашу печь, сбитую изъ коралловъ; вѣроятно вы вздумали привести насъ къ себѣ чтобы дать намъ поиграть въ вашей избѣ, похожей на бѣлую горницу».

SXL. Сирѣп йашкѣра сѣмесен
Ѣремер патне пѣмарѣ (Вариантъ:
пирѣп Ѣремер виртмарѣ);
Сирѣп сѣрѣра ѣсмесен
Пусѣмар патне пѣмарѣ.

(Хурамал).

«Когда мы не ѣли вашей похлебки, мы не могли наѣсться влосталь; пока мы не пили вашего пива, мы никакъ не могли захмелѣть».

SXLI. Утмѣл туратлѣ тупѣлха
Утмѣл улѣха сарѣлнѣ

(Вариантъ: аслă улаха сарăлнă);
Пирĕн хăта тăхлађан ырă йађе
Таврари йала сарăлнă.

(Хурамал).

«Таволга, имѣющая шестьдесятъ вѣтвей, разрослась на шестьдесятъ лугвинъ (Вариантъ: «на большой лугвинѣ»). Добрая слава нашего свята и свахи прошла по всемъ окрестнымъ деревнямъ.»

СХLII. Вуникĕ шăллă урапа
Пĕр йĕр те сывĕен кусинъђе,
Кивĕмĕр ырă сын пулинъђе,
Пĕр ас та сывĕе тăринъђе.

(Хурамал).

«Ахъ, еслибы колеса о двѣнадцати спицахъ все бѣжали ровно по колесамъ. Ахъ, если бы наша сноха оказалась доброю женщиною и во всемъ поступала умно!»

СХLIII. Пахѣ та пахѣ вупăста
Пуслă та пулин, лайăх-ђе.
Ђипер те кивĕм (савă пур)
Ашшĕ амăшĕ пек аслă пулинъђе.

(Хурамал).

«Хорошо, кабы капуста, растущая въ огородахъ, уродилась съ крупными вилками. Хорошо, если бы хорошенькая сноха (няня) оказалась такою же умною, какъ ея отецъ и мать.»

СХLIV. Ёанкър та ёанкър ёен йёвен
Ырă ут та пусне йуринъђе.
Кивĕм те ырă (савă пур)
Пирĕн те ађана йуринъђе.
Пирĕн ађана йурама
Турă ас-хакъл паринъђе.
Сусĕ те вăрам тийасĕ,
Асне те вĕске тийасĕ:

Сўсё те вёске пулиньбё,
Асё вёрям пулиньбё.

(Хурамал).

«Хорошо, кабы злонкая ременная узда оказалась годною для (головы) добраго коня. Хорошо, если бы наша добрая сношенька угодила нашему парню. Ахъ, если бы Богъ далъ ей ума-разума для того, чтобы угодить ему. Говорятъ, что у нея волосъ дологъ, а умъ очень коротокъ: вотъ если бы у нея волосы оказались коротки, а умъ оказался долгимъ!»

СXLV. Пёрбё те лёрбё пёрлехен
Су-ўсёсем виттёр вурёнаѣ.
Ах, пирьбёсёмех (женихъ) улпутсём
Хёрпу та виттёр вурёнаѣ.

(Хурамал).

«Костянику, на которой много ягодъ, видно сразу изъ-за нея листьесъ. Ахъ, братецъ мой! сударикъ мой!—даже сквозь околышь онъ замётенъ»

СXLVI. Лапка (2) йур сёваѣ,
Шур пурт сине шуратаѣ.
Аѣа зипер (савъ пур)
Пёр хёр пусне шуратаѣ.

(Хурамал).

«Густыми хлопьями падаетъ снѣгъ, покрывая бѣлизною крыши бѣлыхъ избъ. Хорошенькій парень (такой-то) покрываетъ бѣлымъ голову дѣвушки».

СXLVII. Тиллит-тилит тийассё,
Тёкме виттёр пёхассё.
Каѣзи матур тийайса
Еп те пырап тийассё.

(Хурамал).

«Онѣ говорятъ: «Тиллит-тилит!» и поглядываютъ сквозь частоколъ. Любуясь на красиваго парня, онѣ говорятъ другъ другу: «И я пойду (за него замужъ)».

CXLVIII. Петѣр илѣ Окашран,
Епѣр илес, илес полсан,
Хамѣр йалтан тохмастпѣр.
Пирѣн арѣм поласси
Ѕут муѣиххи муѣенѣ,
Ик хут ѣохи муѣенѣ.
Сарѣ вѣрѣм хѣрсене
Шѣрѣса витѣр коѣ корѣт,
Хора лотра хѣрсене
Кѣшкар витѣр коѣ кормаѣ.
Ѕав той хѣрѣнѣ ѣѣр хѣр пор,
Пире йораллѣ пѣре ѣок.
Пѣре те ѣок лин, пѣре пор,
Он та варли виѣѣ тет.
(Вариантѣ: Он та хоѣи пор корѣнатѣ).
Епѣр она парас ѣок.

(Шѣпаѣав).

«Петрѣ взялъ жену изъ Олгаши, а мы, если придется жениться, то не возьмемъ ниоткуда, кромѣ своей деревни. У нашихъ будущихъ женъ на шеѣ блестящія мониста и въ два ряда серебряныя ожерелья. Высокихъ русыхъ дѣвушекъ видно даже сквозь бусинку, а низенькихъ черноватыхъ дѣвушекъ не замѣтишь и сквозь вьюшку. На эту свадьбу собралось сто дѣвушекъ, но ни одна изъ нихъ не годна для насъ. Хоть, положимъ, и совѣмъ нѣтъ годныхъ, но одна все же есть, только и у той, говорятъ, цѣлыхъ три дружка. (Вариантѣ: «да и у той, кажется, ховяинъ есть»). Мы ее не дадимъ».

CXLIX. Ѕавѣ йалтан илмешѣн
Пирѣnten ыр сын кирлѣ мар.
Илѣпѣр, илѣпѣр, илѣпѣрех,
Илмесен те астарар,
Ора вурѣнне постарар.
Атѣи окѣи ѣок тет,
Ѕок та полсан ѣѣр тенкѣ.
Ѕѣр тенкѣлѣх хѣрсене
Илѣпѣр, илѣпѣр, илѣпѣрех,
Илмесен те астарар,

Астарар, костарар,
Хамър майлă савърар.

(Шăпажав).

«Что бы жениться на здѣлшихъ деревенскихъ—лучше насъ и жениховъ не надо. Женимся мы, женимся, непременно женимся,—а если и не женимся, такъ давайте (хоть) завлечемъ, а потомъ заставимъ бѣгать за собою. Отецъ говоритъ, что нѣтъ денегъ.—хоть и нѣтъ, а все сто рублей найдется. На сторублевыхъ дѣвушкахъ мы женимся, женимся, непременно женимся.—а если и не женимся, такъ давайте завлечемъ; завлечемъ, свертимъ и привяжемъ ихъ къ себѣ».

СІ. Лаши пѣр йортаѣ,
Посне пѣр утаѣ,
Вѣрѣм пѣр солне
Ситешшѣн.
Ай аѣти те ай апи,
Ыгла майсѣрах йоратап!

(Сатра-Мѣрка).

«Лошадь все бѣжить рысцою и помахиваетъ головою, чтобы поскорѣе пробѣжать длинную дорожку. Ахъ, батюшка, ахъ, матушка! ужъ очень я васъ сильно люблю!»

СІІ. Аѣтч, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѣрѣн-и?
Мѣлѣр кукку илтѣн-и?
Кукку саси лайѣх-и,
Пирѣн сасѣ лайѣх-и?
Апи, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѣрѣн-и?
Мѣшѣр шѣпѣѣк илтѣн-и?
Шѣпѣѣк саси лайѣх-и,
Пирѣн сасѣ лайѣх-и?
Пѣтѣи, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѣрѣн-и?
Мѣшѣр шанкѣра илтѣн-и?

Шанкѣра сасси лайѣх-и,
Пирѣн сасах лайѣх-и?
Ипки, мапа сотрѣн-и?
Сотрѣн-п те побрѣн-и?
Мѣшѣр ѣѣкеѣ илтѣн-и?
Ѣѣкеѣ сасси лайѣх-и,
Пирѣн сасах лайѣх-и?

(Шѣпаѣав).

«Ну что, батюшка, продалъ ты меня?—продалъ и богатымъ сталь?—разбогатѣлъ и пару кукушекъ купилъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или голосъ кукушки?—Ну что, матушка, продала ты меня?—продала и богата стала?—разбогатѣла и купила пару соловьевъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или соловьиный?—Ну что, братецъ, продалъ ты меня?—продалъ и богатымъ сталь?—разбогатѣлъ и пару колокольчиковъ купилъ?—Что же, по твоему, лучше, звонъ колокольчиковъ или мой голосъ?—Ну что, невѣстушка, продала ты меня?—продала и стала богатая?—разбогатѣла и купила пару ласточекъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или голосъ ласточки?»

СЛII. Сѣм, сѣм, сѣм, вѣрман,
Сѣм вѣрманта осланкѣ,
Осланкѣра теверлѣ.
Текерлѣ сурѣ хѣп-хѣрлѣ,
Сѣк ѣал хѣрѣ сап-сарѣ.
(Ѣѣѣ) илтѣ саррине
Пирѣ пурѣѣѣ хори те,
Сѣк ѣал хѣрѣ полтѣр-ѣѣѣ.

(Шѣпаѣав).

«Темный (з) лѣсъ. Въ темномъ лѣсу поляна, на полянѣ—пиголица. Дѣтеныши у пиголицы—яркокрасные, а въ этой деревнѣ дѣвушки совершенно русыя. (Такой-то) вяжъ за себя русую, а намъ бы ладно и чернолѣтнюю, только бы дѣвушка была изъ этой (нашей) деревни». (Свадебная).

СЛIII. Вѣг, вѣг, вѣт вѣрман,
Вѣт вѣрманта вѣт кайѣк.

Кайскѣ вѣсѣ кайнѣ ъох
Хѣви йолаѣ хомханса.
Хѣрѣ токса килнѣ ъох
Амѣш йолаѣ макѣрса;
Кинѣ пурса кѣрнѣ ъох
Пирѣн апи хѣпѣртет.

(Шѣпаѣав).

Мелкій (3) лѣсъ, Въ мелкомъ лѣсу мелкія птички. Когда птичка залетаетъ, то таловые кусты качаются. Когда дочь выходитъ замужъ, то мать ея плачетъ; когда къ намъ въ домъ приходитъ (новая) сноха, то наша мать радуется». (Свадебная).

CLVI. Апи каларѣ хѣр пѣхма,
Саррине, вѣрѣмне,
Тота хѣрри сѣхине.
Ори сине пос терѣ,
Хѣрне намѣс ту терѣ.
Атти каларѣ хѣр пѣхма,
Хорине, вѣрѣмне,
Сѣс хѣрри кѣтрине.
Ори сине пос терѣ,
Хѣрне намѣс ту терѣ.

(Ту-сѣ Олѣаш).

«Мать велѣла мнѣ присматривать невѣсту,—русую и высокую, съ тонкими губами. «Ты, сказала она, наступи ей на ногу и этимъ пристыди ее».— Отецъ велѣлъ мнѣ присматривать невѣсту,—бронетку и высокую, съ вьющимся на лбу и вискахъ волосами. «Ты наступи ей на ногу», сказалъ онъ: «и этимъ пристыди ее»:

CLV. Вон-ие йоман пѣр котра,—
Кассан каска полмѣ-ши?
Сорсан соркам полмѣши?
Тусан катка полмѣ-ши?
Ох, сукка, Пѣлави!

Тусан арӓм полмѣ-ши,
Пӓхма зипер полѣ-ши?

(Ту-си Олкаш).

Двѣнадцать дубовъ всѣ растутъ отъ одного корня. Если срубить эти дубья, то не выйдутъ ли изъ нихъ кряжя? Если расколоть ихъ пополамъ, то не выйдутъ ли изъ нихъ плахи? Если выдѣлать эти плахи, то не выйдутъ ли изъ нихъ кадки?—Ахъ, эта сука Пелагел! Нельзя-ли сдѣлать ее бабой? Хороша-ли тогда будетъ она на взглядъ?»

CLVI. Сак пурт хысӓн отма сол,
Отма сол мар, йасар сол.
Йасар цусѣ—Орина.

(Ту-си Олкаш).

«За эту избою проторена тропинка,—не тропинка, а распутная дорожка. Зачиница распутства—Орина».

CLVII. Шип (3), букву!

Шип буккуйӓн (*куккуйӓн*) вис сурӓ,
Перѣн апин (*аби*) олт сурӓ.
Тохсам, пӓхсам, ай апи,
Хѣрлѣ пиллѣ хѣр килѣ.
Ним парса та ним сӓмес,
Толӓ пѣррѣк анӓах сӓнет (*с'и э_т*).

(Ту-си Олкаш).

«Шипъ (3) кукушка! У кукушки три дѣтеныша, а у нашей матери—шестеро. Выходи, мама, посмотри,—къ намъ пришла румяная дѣвушка. Она не ѣстъ ничего, чего ей ни дай, кромѣ однихъ только пшеничныхъ зернышекъ».

CLVIII. Ёлѣк Васли калазѣ:

Хора лотра хѣрсене
Хора пурт нивѣс туас теуѣ.
Ох, зох, зох полѣ-и?
Хун аллине кѣррѣ-и-ха?

Туйё-и-ха (чит. *туји-ха*) та тумё-и-ха?—
Ецёр ова ворапяр.

(Ту-си Олкаш).

«Прежде Василий бывало говорилъ, что черноватыхъ низенькихъ дѣвускъ стоитъ только ставить вмѣсто стульевъ подъ черную набу. Ну что, кажется пришлось подѣломъ? Кажется, теперь попалась и въ свои руки? Посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ теперь такъ (какъ говорилъ тогда).

CLIX. Лаша лайах-ташлат,
Аѣа лайах-йорлат,
Хёрсем лайах ларашшян,
Ларашшян та пырашшян;—
Ецёр псе каймастпяр.
Питех пырас килет тѣк (*хулэ т тѣк*),
Ой хацхине тохса тяр,
Сорпан-масмак ѣиксе тох.

(Ту-си Олкаш).

«Хороша лошаля,—такъ и паяшетъ въ упряжкѣ; хорошъ парень,—такъ и заливаеця пѣснями; хороши дѣвицы,—такъ и готовы сѣсть и ѣхать съ нами,—только мы ихъ не беремъ съ собою. Если ужъ такъ хочется съ нами ѣхать, то выходите къ полевымъ воротамъ, захвативъ съ собою сорбанъ и масмакъ».

CLX. Сүл хёрринѣя пултарап
Тевѣл пуспе сарѣхвѣ;
Тавра йалсен каѣѣисем
Хёр суйласа сарѣхвѣ

(Хурамал).

«Боршовникъ, растущій по краямъ дороги, пожелтѣлъ отъ концовъ (тележныхъ) осей; парни окрестныхъ деревень пожелтѣли, выбирая себѣ невѣсть».

CLXI. Сүл хёрринѣя пултарава
Кѣтвѣ сыра пуславѣ;

Тавра йалсен каѳѳисене
Майӳх сыра пуѳлана.

(Хурамаг).

«Борщовникъ, растуѳий на краю дороги, стали обляпывать муравьи; у парней окрестныхъ деревень стали пробиваться усы».

СЛXII. Сул хѳрринѳи кашлинѳѳ
Ан сийӳр—тутӳр пӳсалѳ;
Тавра йалсен каѳѳисене
Ан кайӳр—йатӳр пӳсалѳ.

(Хурамаг)

«Не ѳште козловикъ, растуѳий по краямъ дороги, потому что у васъ заболятъ губы; не выходите вѳмужъ за парней изъ окрестныхъ деревень, потому что вы потеряете доброе имя».

СЛXIII. Ъакак (2) ѳакалат,
Симѳс хѳрине пӳркалат;
Ъипер нике, сарӳ нике,
Сарӳ хѳрине пӳркалат.
Пирѳн пиѳѳе, сѳвѳсѳ.
Аршӳнѳе ѳышкалат,
Пирѳн нике, кѳвѳсѳ,
Кѳвентипе ѳышкалат.
Айтӳр, кайӳр вӳрмана
Хура сырла пуѳтарма.
Хура сырла пыл пекех,
Пирѳн тӳван ѳун пекех.

(Хурамаг).

«Сорока стрекочетъ и вертитъ своимъ сизымъ хвостомъ; красивая русая тетушка повертываетъ своимъ желтымъ хвостомъ. Нашъ дядя портной—поколачиваетъ аршиномъ, а наша тетка—пѳвунья—постукиваетъ коромисломъ. Пойдемте въ лѳсъ собирать ежевику. Ежевика сладка, какъ медъ, а наша родня мила, какъ своя душа».

CLXIV. Вуникé йáран йешéл суган,—

Ан касáрсем, ыт сáмрáк.

Ка́зби ватá хéрé сáмрáк,—

Ан илэрсем, ыт сáмрáк.

Тавра йалсен кўллинџе

Сакáр мáшáр шапн пур,

Хамáр йалсен кўллинџе

Тáхáр мáшáр сáрттан пур.

Тавра йалсен вáййинџе

Сакáр мáшáр урса пур.

Хамáр йалсен вáййинџе

Тáхáр мáшáр тантáш пур.

(Хурамаг).

»Не срѣзывайте лука, растущаго на двѣнадцати грядках: онъ очень молодъ. Женихъ старъ, а невѣста—молодая, не берите ея, ужъ очень она молода. Въ озеркахъ сосѣднихъ деревень восемь паръ лягушекъ, а въ озерѣ нашей деревни—девять паръ шукъ. Въ хоровахъ окрестныхъ деревень восемь паръ вдовцовъ, а въ нашемъ деревенскомъ хоровадѣ—девять паръ (молодыхъ) сверстниковъ».

CLXV. Хирте куйан йёрри пур,

Йáлла ларма хéрé пур.

Кайри зўреџёр хысёнџе

Сарá казба́ йёрри пур.

Хура зёкес пулам-и,

Хуралтáр сине ларам-и?

Сарá кайáк пулам-и,

Сарайáр сине ларам-и?

Џáпар куккук пулам-и,

Тыгáр сине ларам-и?

И, тытаймáр, тытаймáр,

Тытсан та пума́й усраймáр.

Кайáс вáхáт си:сессён,

Пыл-сахáр парса зáраймáр.

(Хурамаг).

«Въ полѣ есть заячьи слѣды, въ деревнѣ для посидѣнокъ есть дѣвушки. За вашими задними окошкомъ есть слѣды русаго парня. Не стать ли мнѣ черною ласточкою и не сѣсть ли на ваше строеніе? Не стать ли мнѣ желтою птичкою и не сѣсть ли на вашъ сарай? Не стать-ли мнѣ пестрою кукушкою и не сѣсть ли къ вамъ на перила? Нѣтъ, не поймаете вы меня, не поймаете, а и поймаете, такъ не надолго удержите. Когда придетъ пора мнѣ уходить то не удержите вы меня ни сахаромъ, ни медомъ».

Хѣр йѣрри.

CLXVI. Хурамал урам аслă урам,
Аслă та пулсан мамăклă;
Ун мамăвне снл сѣвлѣ,
Манăн пуца Турă сѣвлѣ.
Хурамал хирѣ сарă сѣске,
Йепле ытарса тухăп-ши?
Бекен хирѣ кăвак сѣске,
Йепле ытара кѣрѣп-ши?
Епѣ ытара кѣреймѣп,
Турă ытара кўрттѣр-и!

(Хурамал).

Плачь невѣсты.

«Кармалинская улица—широкая, хоть и широкая, да пуховая. Пухъ съ нея подниметь вѣтеръ, а мою голову подниметь Богъ. Въ кармалинскомъ полѣ—желтые цвѣты,—какъ мнѣ съ ними;будеть разставаться? Въ кеже-ниагинскомъ полѣ синіе цвѣты,—какъ я рѣшусь на разлуку, чтобъ пойти туда? Не смогу я разлучиться и пойти туда: пусть самъ Богъ ведетъ меня, если я здѣсь лишняя».

CLXVII. Урхамахсем улттăн, утсăм пѣвзен:
Сăк туртаймѣ тесе хăратăп,
Ситѣ йутсем ситзѣн, еп пѣр пѣвзен,
Кун кураймăп тесе хăратăп.

(Хурамал).

«Аргамаковъ семь, а у меня лошадка—одна: боюсь, что не свезетъ она вова. Чужихъ людей семеро, а я одинока: боюсь, что не выдать мнѣ (свѣтъ) дней».

CLXVIII. Пухат шывсем, йухат шывсем
Пухат шывсем Шурă Атăл сийсѣнѣ.
Пухрѣ карѣ, йухрѣ карѣ
Шурă аккăш тѣпписем (2).
Астап сѣклентѣс (2)
Астап сѣклентѣс самрăк хуртăкисем (2),
Тапрѣ карѣ (2),
Тапрѣ карѣ шурă аккăш тѣппине (2).
Тѣкпе сăлтѣс (2)
Тѣкпе сăлтѣс сўлѣ сыран хѣрринѣ (2),
Мамăкпе пухрѣс (2),
Мамăкпе пухрѣс сѣнѣ сыннăн артине (2).
Кайассѣ хѣрсем (2),
Кайассѣ хѣрсем сѣнѣ сѣре мул пухма (2),
Килессѣ хѣрсем (2),
Килессѣ хѣрсем сѣнѣ сѣртен мул пухса.
(Йăлпăлак).

«Течетъ вода по рѣкѣ Бѣлой, поплыли по ней бѣлые лебедята. Откуда ни возьмись молодые ластеба, убили они бѣлаго лебеденка. Его перья ошпи пали на высокому берегу, а пухъ собрали въ сундукъ молодой жены. Дѣвушки идутъ на новыя земли, чтобы тамъ добро наживать; дѣвушки приходятъ съ новыя земель съ нажитымъ тамъ добромъ».

CLXIX. Сўлѣ ту синѣ ват йуман (2),
Йуман та мар, мѣн те мар,
Пуссази (2).
Тийак ази пулайтѣ (2),
Сўсне вырăсла кастартѣ,
Пуссази (2).
Парлак синѣ сырлапăх (2),
Сырла та мар, мѣн те мар,
Пуссази (2).
Пике хѣрѣ пулайтѣ (2),
Сўсне супа турарѣ,
Пуссази (2).

Ураһни абаһки кѣвак сѣске (2),
Тайһла, тайһла ташлар-и,
Пуссаһи (2).
Иъ кас хѣрѣ пѣр килсе)
Пухѣна пухѣна выһар-и,
Пуссаһи (2).
Пухѣна пухѣна выһани (2)
Шыв йухһипе йухат пуһ,
Пуссаһи (2);
Саврѣна, саврѣна выһани (2)
Савра силпе кѣсет пуһ,
Пуссаһи (2);
Тытѣна, тытѣна выһани (2)
Тыкѣр вѣсне йулат пуһ,
Пуссаһи (2).
Сѣһѣ ту сине йлѣхсан (2)
Анас тесе ан калѣр,
Пуссаһи (2);
Сакай вѣйһа тухсассан (2)
Кѣрес тесе ан калѣр,
Пуссаһи.
Тиркен, тиркен вѣр пѣтти (2),
Сусѣр сисе пулас сук, пуссаһи.
Вырѣн сарса минтер хурсан
Пѣһѣен ыртса пулас сук, пуссаһи.

(Йѣлпѣлав)

На високой горѣ старый дубъ. Оказалось, что это и не дубъ, а пи-сарской синъ, остригшійся по-русски. На заброшенной землѣ ягодники. Ока-залось, что это и не ягоды и не что, а барынина дочка, причесавшая себѣ волосы, намазавъ ихъ масломъ. По сторонамъ улицъ синіе цвѣты: давайте плясать, покачиваясь. При участіи дѣвушекъ съ обонихъ концовъ деревни давайте играть, собравшись вмѣстѣ. Наши обшія игры, вѣроятно, улаивуть по теченію воды; наши круговыя игры, вѣроятно, улетѣть по вихрю; наши перемежающіяся игры, вѣроятно, останутся въ углу закоулка (?) Если под-ниметесь на высокую гору, то не говорите, что надо спуститься внизъ; когда выѣдете въ этотъ хороводъ, то не говорите, что надо идти домой. Просыпную

кашу, наложенную на блюда, нельзя будетъ ѣсть безъ масла; если постелешь постель и положишь подушку, то нельзя будетъ спать въ одиночку.

CLXX. Сўлѣ ту синѣе виç ѡвас;
Тарие касса тан тавас (2).
Хамарпа ўснѣ хѣрсене (2)
Куçран пѡхса çуп тавас (2).
Пиçи-пиçми сырлашѡн (2)
Ѓѣрес ѡйтса ан тухѡр (2),
Ўси-ўсми хѣрсемшѣн (2)
Пар ут вўлсе ан тухѡр (2).
Ѓѣрес ѡйтса шыва ансан (2)
Сѡртан пулли лекинѣѣ (2);
Пар ут вўлсе тухсассѡн
Ырѡ сын хѣрѣ лекинѣѣ (2).
Пире ырѡ сын хѣр памѣ (2):
Тухѡç халѣ сырлана,
Епир савѡнтан вѡрлѡпѡр (2).

(Йѡлпѡлав).

»На высокой горѣ три осины; нужно обрѣзать ихъ верхинки и сдѣлать ихъ равными. Дѣвушка, выросшихъ вмѣстѣ съ нами, надо поцѣловать, посмотреть имъ въ глаза. Не выходите съ черясомъ за годы, которыя еще не совсѣмъ созрѣли; не выѣжайте на парѣ лошадей за дѣвушками, которыя еще не совсѣмъ выросли. Когда пойдешь съ черясомъ за водой, хорошо, кабы попал рыба шука; когда выѣдешь на парѣ лошадей, хорошо, кабы попалась дочь добраго человѣка. Добрые люди не выдадутъ за насъ своихъ дочерей; погоди, вотъ онѣ пойдутъ по годы, мы ихъ тамъ и украдемъ.

CLXXI. Сўлѣ ту синѣе туйралѡх (2).
Вайу, скаши, вайу, скаши, вайуна,
И-и-и, савратинки, е мила *).
Туйри лайѡх пѣренене (2).

*) Непереводимый припѣвъ. Слова «скаши» и «мила» — русскія — скажи, милая.

Ваһу скаши etc.

Пёренн лайӑх вёлет тума (2),

Кёлежё лайӑх мул тытма (2),

Мулё лайӑх хёр шме (2),

Хёрё лайӑх выџама (2),

Тутн сџхе буп тума (2).

(Пӑлпӑлак).

«На высокой горѣ дубнякъ. Дубнякъ хорошъ на бревна; бревна хороши на клѣтъ; въ клѣтн хорошо класть добро; на добро хорошо купить дѣвущку; съ дѣвущкой хорошо играть, а въ ея тонкія губы хорошо цѣловать»

CLXXII. Вётлѣх айё пёрлѣхен.

Вётё, вётё тийаттӑр,—

Пёрлѣхен нумаӑ сине епир.

Савӑнна вётё пулӑӑ епир.

Лутра, лутра тийаттӑр,—

Пиртен лутра кӑвакал,

Хура, хура тийаттӑр,—

Пиртен хура хурӑӑхан,

Пёкрёс, пёкрёс тийаттӑр,

Пиртен пёкрёс сысна пур.

(Хурамаӑ).

«Подъ кустами растеть костяника. Вы называете насъ мелкими: много мы ѣли костяники, оттого мы и стали мелки. Вы зовете насъ низенькими,—утки еще ниже насъ; вы говорите, что мы черны,—смородина еще чернѣе чѣмъ мы; вы обзываете насъ горбатыми,—свиньи еще горбатѣе насъ».

CLXXIII. Тёттёрпн арман айёӑџе

Вис пӑталка туӑӑ сурат (2).

Увӑӑн кёрпине мён сийат?

Шур кӑвакал, сав сийат (2).

Шурӑ кӑвакал вёстертём,

Шур йур сине ўкертём (2).

Шурӑ пёркенџек вёстертём,

Хёр пус сине ўкертём (2).
Улём та тёрки вѣстертём,
Аслѣк сине ўкертём (2);
Утѣ та тёрки пѣстертём,
Ыр ут умне ўкертём (2);
Шурсай та тёрки вѣстертём,
Хёр ѓёр-сине ўкертём,
Пушѣт та тёрки вѣстертём,
Арсин умне ўкертём (2).
Мамѣкран минтер хѣпартрам,
Хёр кут айне ўкертём (2);
Тимѣртен пуван сѣпартѣм,
Каѓѓ урайне ўкертём (2).

(Хурамал).

«Подъ маленькой быстро вертящейся мельницей обдирають три пудовки пшеницы. — Кто ѣсть ея отруби? — Ихъ ѣсть бѣлая утка. — Я пустиль летѣть бѣлую утку, — она полетѣла и сѣла на бѣлый снѣгъ; я пустиль летѣть бѣлую фату, — она пала на голову дѣвушки. Я пустиль летѣть пукъ соломы, и она упала на сѣновалъ; я пустиль летѣть пукъ сѣна, и онъ упалъ передъ добрымъ конемъ. Я пустиль летѣть мотокъ шелку, и онъ упалъ на колъни дѣвушки, я пустиль летѣть связку лыка, и она упала передъ мужчиною. Я набилъ нухомъ подушку и положилъ ее подъ сидѣнье дѣвушкѣ я велѣлъ сковать желѣнный стулъ, и поставилъ его подъ ноги парню».

CLXXIV. 1. Шур-шур акка, шур акка,
Ѓуреѣ виттѣр пѣх, акка!
Ыттах пѣвѣ ситмесен,
Арѓа лартса пѣх, акка!
Ыттах ѓуву савсассѣп,
Туттѣр йарса пѣх, акка!
И, кирлѣ мар, кирлѣ мар, —
Туттѣру вѣсѣ хѣрлѣ мар.
Сан хѣрлѣпе мѣн тѣван? —
Кѣр, тутѣна ѓун тѣван.
2. Ѓѣпар, ѓѣпар сѣмарта
Йѣп ѓивмешкѣн вырѣн сѣх (2);

мѣнъ жолма
срѣдѣ да.

қорға.
мѣнъ сѣзасъ.
срѣдѣ да,
қорға.

Болма
болма
қорға,
қорға.
болма

мѣнъ болма
қорға, маман
қорға

де кереложел

еңе мѣнъ нум
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ
еңе мѣнъ сѣмъ
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ.

де нумлужен
рѣмъ нумасъ м
дѣмъдѣсѣ бѣсес
есе азѣтасъ мѣнъ
де нумлужен
урдѣмънъ нумасъ
дѣрѣсехъ тагы
мѣнъ сѣмъдѣр м

мѣнъ болма
срѣдѣ да,
қорға.
мѣнъ сѣзасъ.
срѣдѣ да,
қорға.

Болма
болма
қорға,
қорға.
болма

(Туркмен).

мѣнъ болма
қорға, маман
қорға

еңе мѣнъ нум
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ
еңе мѣнъ сѣмъ
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ.

(Туркмен).

де нумлужен
рѣмъ нумасъ м
дѣмъдѣсѣ бѣсес
есе азѣтасъ мѣнъ
де нумлужен
урдѣмънъ нумасъ
дѣрѣсехъ тагы
мѣнъ сѣмъдѣр м

Болма
болма
қорға,
қорға.
болма

(Туркмен).

мѣнъ болма
қорға, маман
қорға

еңе мѣнъ нум
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ
еңе мѣнъ сѣмъ
кытѣмъ та,
дѣмъ, темерѣ.

Епир вѣйна тухсассан,
Каѳѣ тѣма ырѣн сук (2).
Тѣма ырѣн сук тесе (2).
Ерленетрим, каѳѣсем (2)?
Сѣр сум укѣса пур тесе (2)
Мухтанатрим, каѳѣсем (2)?
Сѣр сум парса хѣр илсен (2),
Ђарайрѣр-и хѣрсене? (2).
3. Ан хуйхѣрѣр, ватѣсем,
Куланай пѣрахѣс пулаѣ тет,
Ан хуйхѣрѣр, ѣамрѣксем,
Хѣр хѣрѣх сум пулаѣ тет.
Хѣр хѣрѣх сум пулнаѣ ѳух
Пирѣн ыне тин илес.
Хѣр ыѣс сѣр сум пулнаѣ ѳух
Пирѣн каѳѣа тин кайас.

(Хурамал).

1. «Бѣлая сестрица, бѣлая сестрица! посмотри, сестрица, сквозь окошко. Если ты не достанешь до окошка, то подставь подь ноги сундукъ и посмотри. Если ты дѣйствительно любишь, то попробуй послать платокъ. Нѣтъ, не надо не надо,—концы у твоего платка не красные. Ну, да что мнѣ дѣлать съ твоею красниною? давай-ка я поцѣлую тебя въ губы».

2. «Въ пестрое яйцо некуда воткнуть иголки; когда мы выйдемъ въ хороводъ, то парнямъ негдѣ бывать стоять. Что, парни? вы досадуете, что вамъ негдѣ стоять? Что, парни? вы хвалитесь, что у васъ есть сто рублей? Если вы возьмете дѣвушекъ, заплативши за нихъ по сту рублей, то сумѣете ли еще вы съ ними справиться?»

3. «Не горюйте, старики,—говорятъ, что податей не будетъ; не горюй, молодежь,—говорятъ, что дѣвушки будутъ по сорока рублей.—Только тогда намъ надо брать снохъ, когда невѣсты будутъ по сорока цѣлковыхъ *).—Только тогда намъ надо выходить замужъ, когда невѣсты будутъ по триста рублей **).

CLXXV. Урам варѣнѣи ѳѣп ыурѣк
Сысна кулли пулайѳѣ.

*) Говорятъ старики.

***) Говорятъ дѣвушки.

Тавра йалсен хёресем
Урса кулли пулайтѣ.
Урам варѣнѣи туплашка
Тапрѣм пѣхрѣм—курвашка.
Тавра йалсен хёресем
Пурте вѣсем курвашка.
Авкѣш пырат хир тѣрѣх,
Сасси пырат ту тѣрѣх.
Хёрѣ пырат урам тѣрѣх,
Каѣѣи пырат шыв тѣрѣх.
Йарѣм (2) хурт-куссѣ
Сапрѣм йатѣм Самара.
Самар урамѣ хурт-куссѣ,
Епир уна пухас сук,
Пухсан пухѣ савра сил.
Сынсен вѣмѣѣ пит пысѣв:
Епир уна кѣрес сук,
Кѣрсен кѣрѣ ырѣ сын.

(Хурамал).

«Трава, растущая среди улицы, досталась въ добычу свиньямъ; дѣвушки окрестныхъ селеній сдѣлались добычею вдовцовъ. Среди улицъ торчать кочка (?). Я подошелъ и пнулъ ее ногою, — хватъ, — не кочка, а потаскушка. Дѣвки окрестныхъ деревень всё до одной потаскушки. Лебедь летитъ вдоль поля, а его голосъ рѣзается вдоль горы; дѣвушка идетъ по улицѣ, а парень идетъ по берегу рѣчки. Цѣлыя снѣжки ужомки рассыпала я по Самарѣ. Не намъ собрать ужомку съ самарскихъ улицъ, а собереть ее кружащійся вихрь. Очень ужъ горды люди: не намъ имъ угодить, а если кто я угодитъ, такъ добрые люди.»

CLXXVI. Ъашки (2) шур шѣрса
Тапса тѣкса пулмарѣ.
Вѣйѣа тухман хѣрсене
Пѣр йатласа пулмарѣ.
Епир вѣйѣа тухсассѣн,
Визет урам племѣ,

Епир вайран кърсесен,
Кайаг урам илемэ.

(Хурамал).

»Бѣлый бисеръ, насыпанный въ чашки, не удалось пнуть и рассыпать; дѣвушка, которая не выходитъ въ хороводъ, ни разу не удалось побранить. Когда мы выйдемъ въ хороводъ, то улица становится красивою, а когда мы разойдемся изъ хоровода по домамъ, то улица теряетъ всю привлекательность.»

CLXXVII. Кукѣр кутлѣ шур хурѣн
Кукѣри майѣн саврѣнаг.
Епир выѣсси, куласси
Султалѣкра саврѣнаг.
Касѣ-касѣ пѣлѣт тухаг,
Салантар, кайтар тѣнѣне.
Епир выѣсси, куласси
Кайинѣзѣ ѣмер тѣршѣне.

(Хурамал).

»Береза, кривая съ корня, поворачивается по своей кривизнѣ; наши игры и веселье повторяются изъ года въ годъ. Поднимаются кучки облаковъ,—пусть разойдутся они по всему міру. Ахъ, если бы наши игры и веселье продолжались всю нашу жизнь.»

CLXXVIII. Кѣпер синѣи шурѣ йур
Нумаг тѣмѣ, хаѣ пѣтѣ.
Ей мѣнтарѣн вѣйисем,
Нумаг тѣмѣ, хаѣ пѣтѣ.
Епир вѣйна тухнѣ-сѣе,
Есир ѣмма тухмастар?
Пирѣн тантѣш тухнѣ-сѣе,
Сирѣн тантѣш тухман-ни?
Алѣхмѣттѣм ту сине,—
Вѣлтѣр вѣсен укѣа пур:
Тухмѣттѣм-ѣзѣ сак вѣйна,
Тун илѣртен тантѣш пур.

(Хурамал).

«Бѣлый снѣгъ, выпавшій на мостъ, не долго пролежитъ, скоро растаетъ. Ахъ, не долго продолжатся эти милыя игры, скоро онѣ минуютъ. Мы уже вышли въ хороводъ, почему же вы не выходите? Наши сверстники уже вышли, а ваши—развѣ нѣтъ? Не сталъ бы я подниматься на гору, да есть тамъ деньги, летящія колеблясь; не сталъ бы я выходить въ этотъ хороводъ, но тамъ есть подруга, прельщающая сердце.»

CLXXIX. Шѣшкѣ тѣрѣх (3) шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
Шѣшкѣ тѣрѣх шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
Сивѣ те пулсан еп ѣсмѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи.
Ѣсерем ѣипѣен (3) шыв йухаѣ а-ѣ-ѣу-ѣи.
Ашѣ та пулсан (3) еп еѣп а-ѣ-ѣу-ѣи.
Йал варрипѣен (3) шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
Тавра йал аѣи (2) сарѣ аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи,
Сарѣ та пулсан (3) еп савмѣп а-ѣ-ѣу-ѣи.
Хамѣр йал аѣи (2) хура аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи,
Хамѣр йал аѣи хура аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи.
Хура та пулсан еп савѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи,
Хура та пулсан еп савѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи.
(Хурамал).

«По орѣшнику вода течетъ; хоть и холодна она, но не буду ее пить. По лужайкѣ вода течетъ; хоть и тепла она, но стану ее пить. Посреди деревни вода течетъ. Парни въ окрестныхъ деревняхъ русые, но хотя и русые, а не стану ихъ любить; наши деревенскіе ребята—черноватые, но хотя и черноватые, а буду ихъ любить.»

CLXXX. Пыратѣм, пыратѣм ѣулпалан, ѣулпалан,
Пѣр лап ѣырла тѣл пултѣм, тѣл пултѣм.
Татап (2)—пѣтмѣѣ-кам, пѣтмѣѣ-кам,
Киле таврѣпас килет-кам, килет-кам.
Вѣрман виттѣр тухна ѣух, тухнѣѣ ѣух
Пѣр йывѣѣа куѣ хыврѣм, куѣ хыврѣм;
Касса каймѣѣсин лайѣх-ѣѣ, лайѣх-ѣѣ.
И, кайѣѣсин кайѣѣс ха-ѣ, кайѣѣс ха-ѣ,—
Вѣрманта йывѣѣѣс пѣтмен ха-ѣ, пѣтмен ха-ѣ.
Йал-Йал виттѣр тухнѣѣ ѣух, тухнѣѣ ѣух
Пѣр сар хѣе куѣ хыврѣм, куѣ хыврам;

«Кармалинская гора такая высокая, что моя лошадка не может на нее взбѣжать; у нашихъ немилостивиковъ—недруговъ онѣмѣли языки, такъ что не могутъ слова молвить.»

CLXXXIV. Урамѣртан кушис иртсе пыраї:
Илсен, илмесен те тухса кур.
Савагѣн-и, тѣван, савмастѣн-и?
Савсан, савмасан та пырса кур.

«По вашей улицѣ проѣзжаетъ торговецъ: хоть ты купишь, не купишь, а видишь посмотрѣть. Любишь ли ты меня, родной, или не любишь? Хоть ты любишь, не любишь, а приходи повидѣться.»

CLXXXV. Хурамал сырми тѣршѣ йешѣл курѣ,
Утѣм сѣйас вурѣксем ку мар;
Сврѣн сѣрѣр-шывѣрсем пит илемсѣр,
Епир тѣрас сѣр-шыв кунта мар.
(Хурамал).

«По кармалинскому оврагу—зеленая трава, но не такая это трава, чтобы бѣсть моей лошадакѣ; ваша здѣшняя сторона ужъ очень неприглядна: не здѣсь тотъ край, гдѣ мы будемъ жить»

CLXXXVI. Шурѣ кѣвакал зѣпписем
Кѣл, кѣл урлѣ, кѣл урлѣ;
Кѣл урлѣ та пулсан курас-зѣ.
Ширѣн тѣвансем пит айакра,
Айакра та пулсан курас-зѣ.
(Хурамал).

«Бѣлые утята за озеромъ, но все-таки хотѣлось бы на нихъ посмотрѣть; наши родные очень далеко, но все-таки хотѣлось бы мнѣ ихъ повидѣть.»

CLXXXVII. Шорѣ тецсѣ, илемлѣ тецсѣ
Олма йѣвѣссин зѣзекне;
Сарѣ тецсѣ, лапѣх тецсѣ
Вон-сѣз солхи хѣрсене.

Ан пур, аѣам, хўме сїамне
Хўми кусё ху сїане;
Ан ил, аѣам, наѣар хёре,
Хойхи йолё ху сїане.

(Тёрлемес).

«Говорятъ, бѣлы и красивы яблонныя цвѣты; говорятъ, русы и пригожи семнадцатилѣтнія дѣвушки. Не подходи, парень, близко къ забору, а то упадешь оный на тебя; не бери, парень, плохую невѣсту, а то будешь съ нею горе мнкатъ».

CLXXXVIII. Шорї пўрт тїрне хїма витнё
Сїамїр суса витесрен.—
Хёр пур сїисём хёрне сыхлассё
Хёрё тохса кайасран.
Шорї пўртён рїлапёнѣ
Сїамавар вёрет кїмрїксїр.
Епир иртсе кайнї фохпе
Пирён тївансём кїмїлсїр.
Пёѣиксїс кўлё, саврака кўлё,
Кўлё варринѣ сїл полнїѣѣ;
Пёѣиксїс пїтлё, факїр кўслї
Пирён Торї сїрни полнїѣѣ.

(Тёрлемес).

«Бѣлая изба покрыта тесомъ, чтобы не проливало во время дождя; тѣ, у кого есть дочери, стерегутъ ихъ, чтобы дочки не вышли (тайкомъ) замужъ».

«Въ чуднї бѣлой горницы безъ углей кипитъ самоваръ; когда мы проходимъ мимо (я не заходимъ), то обижются наши родные».

«Маленькое озеро—кругленькое озеро; хорошо, если бы посреди его былъ родникъ. Хорошо, кабы дѣвушка съ маленькимъ личикомъ и равноцвѣтными глазами была нашею суженою».

CLXXXIX. Муѣи пире хїватїар йар,
Хїватїар йар та хёрие пар.
Хёрё полтїр тўшеклё,
Тўшекки полтїр сїтгїлї,
Сїтгї полтїр сїссалё,

Сўси полтър тенкеллэ,
Тенки полтър патшаллэ;
Патши полтър мараллэ,
Мари полтър ажаллэ,
Аъи полтър картгуслэ.
Каргус сунже вай-выжат,
Пирён алэра хёр выжат.

(Килтеш).

«Дядь, пусти насъ къ себѣ въ постояльцы и отдай ты за насъ свою дочку. Чтобъ съ периной была твоя дочка, чтобъ перина была съ простыней, простыня чтобъ была съ бахромомъ, бахрома чтобъ была все съ рублями, а рубли чтобъ были съ царями; у царей чтобъ были царицы, у царицъ чтобъ были ребята, чтобъ ребята все были въ фуражкахъ. Ихъ фуражки такъ вотъ и играютъ *), у насъ въ ручкахъ невѣста играетъ».

СХС. Пятък (2) пытана,
Пытана уйра атмасан,
Уйан кёрнэк килес сок.
Епир туйа каймасан,
Туйан кёрнэк килес сок.

(Килтеш).

«Пить, пить, перепелка! Если перепелка не будетъ кричать въ полѣ, то у поля не будетъ никакой привлекательности. Если мы не пойдёмъ на свадьбу, то и свадьба будетъ неприглядной».

СХСІ. Вон-икъ фэрэш пёр котра,
Тораттисем пёр майлэ.
Пирён лашисем кил майлэ,
Епир хамър хёр майлэ.

(Килтеш).

«Двѣнадцать слей всѣ растутъ изъ одного корня, а ихъ вѣтви всѣ въ одномъ направленіи. Наши лошади норовятъ, какъ бы домой, а мы сами норовимъ, какъ бы за дѣтками».

*) Т. е. красивы, блестящи.

СХСII. Хёрсен тапши сарайһиңе,
Полштоф кёленҗи сак айһиңе,
Сётёк күлек кот айһиңе,
Хора кипи пуҗ айһиңе.
Йаш аҗасам йалт та йалт,
Сарай ахк шолт-шолт-шолт!

(Килтёш).

«Ловушка для дѣвченокъ—подъ сараемъ, полштофная посуда подъ лавкой; рваный күлекъ—подстилка, черная ветошка—изголовье. Молодые ребята такъ и спуютъ, а ворота сарая такъ и хлопають».

СХСIII. Сарӓ, вӓрӓм арӓм-ӓрӓ;
Айта туйа терём те,
Порҗӓв тогтӓр җок терё.
Ах, шёлма, шалкӓй-җке,
Йӓпӓшт шӓлаӓ куҗ шуне!
Хора, вӓрӓм арӓм-ӓрӓ.
Айта туйа терём те,
Хора постав җок терё.
Ах, шёлма, шалкӓй-җке,
Йӓпӓшт шӓлаӓ куҗ шуне!

(Килтёш).

«Была у меня высокая русая жена; я сказалъ ей: пойдёмъ на свадьбу,— а она отвѣчаетъ: нѣтъ шелкового платка. Ахъ, шельма, какая жалость: такъ и утираетъ втихомолку слезы!

Была у меня высокая жена, брюнетка; я сказалъ ей: пойдёмъ на свадьбу,— а она отвѣчаетъ: нѣтъ чернаго кафтана. Ахъ, шельма, какая жалость такъ и утираетъ втихомолку слезы!

СХСIV. Йалти сӓра—йантӓ сӓра;
Йантине мённе пёлмерёмёр,
Тытрӓмӓр та ёсрёмёр.
Йалти инке—йантӓ инке;
Йантине мённе пёлмерёмёр,
Тытрӓмӓр та выҗарӓмӓр.

(Ту-җи Олкаш).

«Деревенское пиво—готовое; мы не справлялись о томъ, готово ли оно, или нѣтъ, а взяли да выпили. Деревенская тетка—готовая; мы не освѣдомлялись о томъ, готовая она, или нѣтъ, а взяли да доиграли».

СХСV. Ҙакъ йалън хѣрѣсем
Пирѣн йала пырашъан
Торра така парнѣ тет;
Така шурпи писиъзен
Йасар восма кайнѣ тет;
Йасар җопса килиъзен
Шурпи типсе ларнѣ тет.

(Ту-җи Олаш).

«Чтобы попасть (замужъ) въ нашу деревню, дѣвушка этой деревни принесли въ жертву барана. Пока поспѣвала баранья похлебка, онѣ побѣжали таскаться, а пока онѣ таскались, похлебка успѣла вся выкипѣть».

СХСVІ. Мѣншѣн сѣра тутн җокъ
Амъшнем хѣмла татнѣ җох
Картъ орлѣ йѣрт та йорт!
Ҙанна сѣра тутн җокъ.

(Ту-җи Олаш).

«Почему у пива нѣтъ никакого вкуса?—Когда мать ея (невѣсты) рыла хмѣль, то она то-и-дѣло таскалась черезъ заборъ,—поэтому пиво и невкусно».

СХСVІІ. Сорѣх-Орп ѣлѣ полпѣ мѣпаръци-бон. Аҗасам
пѣр сѣре пустарѣнса ѣреттипе килѣрен йорласа сурезъѣ:
Йар, йар, инки, алъкне,
Ҙут хѣйине суттине,
Кас воккѣ.ъне сулине,
Ас сѣрине ыррине.

Ола кошак, шор кошак
Шашан тѣрѣх җопкалат,
Котне шѣрпѣк тирнѣ тет.

Сорѣх-ори, Варвари,
Сорѣхсам пыѣв тузѣр-и,
Арѣмсам аѣа тузѣр-и.
Хѣрсем хѣсѣр полѣзѣр-и.

(Ту-си Олѣаш).

«Раствори, тетенька, дверь, засвѣти свѣтлую лучину, нарѣжь маслянаго пирога, нацѣди хорошаго пива».

«Пѣгая и бѣлая кошки бѣгають по подѣнницамъ и, говорятъ, зановнам себѣ вадницамъ».

«Овечья нога, Варвара, овцм пусть приносятъ ягнать, бабм пусть родять ребятъ, а дѣвки пускай будутъ бедѣтнми».

СХСѢІІІ. Аѣа, арѣм, киле вас (=кайас),
Килте (хиллѣ) аѣасам макѣраѣзѣ полѣ (=полѣ),
Овкошваран овкошкайа пѣхаѣзѣ полѣ.

(Ту-си Олѣаш)

«Поѣдемъ, жена, домой: дома, поди, ребятишки плачуть, изъ окошка въ окошко посматривають». (Застольная).

СХСІХ. Пиѣи мана ереке ѣстерет (ѣс' мѣрѣм):

Киле кайтѣр, тет (мѣрѣ) полѣ,

Ѣѣр выртмасѣр каймастѣп.

Инки мана сѣра ѣстерет:

Киле кайтѣр, тет полѣ.

Ѣѣр выртмасѣр каймастѣп.

(Ту-си Олѣаш).

«Братъ подчуетъ меня водкой,—навѣрно, чтобы я (поскорѣе) ѣхалъ домой,—но я не пойду, не переночевать. Сноха угощаетъ меня пивомъ,—навѣрно, чтобы я (поскорѣе) убрался домой,—но я не поѣду, не переночевать здѣсь ночь». (Застольная).

СС. Йорлас марах тесе-ѣзѣ,
Пиѣин ѣеркви Йорлатрѣ,

Йорлас марах тесе-ѳѳѳ,
Инкин корки Йорлатрѳ,

(Гу-ѳя Олкаш).

«Совѳѳѳ не хотѳѳъ было я пѳѳъ, но заставилъ меня пѳѳъ братнинъ
стаканчикъ. Совѳѳѳ не хотѳѳъ было я пѳѳъ, но меня принудилъ снохинъ
ковшинъ».

Примѣчанія къ чувашскимъ пѣснямъ.

Х. „Пирѣн курни илтни сакă пулѣ“ *собств. значить: «это будетъ то, что мы увидимъ и услышимъ».*

ХV. „Нър“ или „нар“ (последняя форма встрѣчается чаще) — старинное слово, значенія котораго чуваша въ точности не знаютъ. Форму „нър“ (*ндр*) я приравниваю тат. нѢР — *привлекательность*, откуда нѢрлѢ — *красивый*, отъ араб. نور — *свѣтъ*. Форма „нар“ м. б. происходитъ отъ араб. نار — *огонь*, евр. נֵר — *свѣтъ*. У курмышскихъ чувашъ выраженіе „нар тăкăнат“ *) употребляется въ томъ случаѣ, если говорятъ о человѣкѣ съ здоровымъ цвѣтомъ лица.

ХVI. „Аса кивен“ (соб. *чемерика мужескаго пола*): чемерика — однодомное растеніе, а потому выраженіе „АСА КИВЕН“ трудно объяснить. Можно предположить, что здѣсь имѣется въ виду другое растеніе.

ХХ. Йѣтѣн сѣлѣк (тат. *цѣтѣн бурѣк*), соб. *«льняная шапка»*, — особый родъ шапки съ околышемъ изъ искусственнаго мѣха.

ХХI. Кăтат (тат. *кытат*) — черная матерія въ родѣ казинега.

ХХIV. Патѣян чит. *пад'жан*.

*) Букв. «сыплется свѣтъ»

«Когда приходитъ гость, хозяинъ нацѣживаетъ пива, наливаетъ его въ ковшъ и сначала пробуетъ самъ, а потомъ опять наливаетъ въ тотъ же ковшъ пива и подаетъ его гостю. Гость беретъ въ руки ковшъ и говоритъ хозяину: „Тавъсйе (тавъсйа) ёлѣкхисене, хъта“ (Спасибо, свать, за прежнее угощенье). Хозяинъ ему отвѣчаетъ: „Тавахъ та, курнй пулсас-сйн, курманни нумай пулат“ (Спасибо и тебѣ, если ты еси отъ насъ видѣлъ: давно уже мы съ тобою не видѣлись). Гость выпиваетъ предложенный ковшъ и протягиваетъ его хозяину, говоря: „Тытахъ, хъта“*) (Ну, держи, свать). Тотъ не беретъ конша и со словами: „Ес-ха, ёс“ (Пей, пей) наливаетъ ему еще другой ковшъ. Выпивъ и второй ковшъ, гость опять протягиваетъ его хозяину: но тотъ не беретъ у него ковшъ и наливаетъ ему въ третій разъ, говоря, что „виёсё куркасър пулмаст“ (меньше трезъ ковшей нельзя). Хозяинъ принимаетъ отъ гостя ковшикъ обратно только тогда, когда тотъ выпьетъ всѣ три ковша. Передъ тѣмъ, какъ выпить третій ковшъ, гость говоритъ: „Тавъ сана, хъта“ (Привѣтъ тебѣ, свать). Хозяинъ отвѣчаетъ ему: „Тавахъ“ (Привѣтъ и тебѣ). Послѣ этого выпитаго съ привѣтствіемъ ковша хозяинъ снова наливаетъ въ ковшъ пива и пьетъ самъ, привѣтствуя гостя: „Тавъ сана“ (Привѣтствую тебѣ). Слѣдующій послѣ привѣтствія ковшъ онъ опять вручаетъ гостю. Такимъ образомъ они пьютъ, привѣтствуя другъ друга, до тѣхъ поръ, пока гость не распрощается съ хозяиномъ и не уйдетъ домой».

XXX. „Вирг“ (тат. ұрт, кирг. брт)—*палы*, степные пожары.

XLIV. „Курса калаçасси бун пекех“, соб. «свиданіе съ ними такъ же (дорого), какъ своя душа».

XLVIII. „Ха.ъ шалъивё“ соб. «скоро сотрутся (брови)».

LVIII. Хатёрлѣ—тат. кадърлі, отъ араб. قدير.

LX. „Тавансе“—сокращенная форма дат.-вин. падежа.

*) Въмѣсто „хъта“, разумѣется, могутъ быть и другія родственныя наименованія, смотря по отношеніямъ между гостемъ и хозяиномъ.

LXIV. Префиксъ невѣдѣнія „та, те“ иногда употребляется для выраженія усиленія, напр. таста (таста, тапта) *несть идъ, очень далеко*; такам — *несть кто, тацсан несть кода, очень давно.*

LXXI. „Тав“ = тат. „дан“ — *слава, откуда „давныкы“ — сладкий.*

LXXIV. „Халад“ отъ араб. *حلال* — *законный (против. حرام).*

LXXXI. Здѣсь блескъ черныхъ бровей сравнивается съ блескомъ драгоценнаго зеркала.

LXXXVII. „Ђере сомѣнѣи сѣвѣмъ шѣранѣѣ“ букв. значить: *«растопился жиръ около моего сердца».*

LXXXVIII. Слова: *«пусть душа моя попадетъ въ рай»* я отношу не къ самому рассказчику, а къ его убитой женѣ. Ёунѣмъ здѣсь ласкательное выраженіе, подобное тат. *цавымъ.*

XC. „Хѣрдѣ ѣрердѣ“ — *румяный, букв. «имѣющій красное сердце».*

XCIII. Если притяжательный сурфиксъ 3-го лица въ словѣ „ѣлетви“ понимать въ его собственномъ значеніи, тогда это мѣсто можно перевести такъ: *«пусть мои взоры останутся на дѣвушкѣ, а ея образъ пусть слѣдуетъ за мною».* Слово „ѣлетве“ означаетъ въ чув. языкѣ не только *тѣло, но и видъ, образъ, изображеніе, картинку.*

CIV. Хоѣамъ хѣрѣ, букв. *«дочь моего тестя».* встрѣчается въ пѣсняхъ въ смыслѣ: *«моя жена».*

CVII. „Отѣ“ у анатри — *островъ*, а у вирѣалъ кое-гдѣ употребляется для означенія рощи или небольшого лѣса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полемъ. Въ ядр. у. словомъ „отѣ“ обозначаютъ также лѣсную поляну. Срав. тат. „атау“ — *островъ и холма.*

CVIII. „Сѣлти ампар“ — *амбартъ въ два этажа. Порѣанъ тотѣр* — *передникъ, а „потене сѣри“ — membrum virile.*

Конецъ правильнѣе перенести такъ: «Не говорите, что парень блѣденъ, потому что онъ, полежавъ съ дѣвушкою, станетъ румянымъ; не говорите, что дѣвушка черна: полежавъ съ парнемъ, она станетъ русою (бѣлою, т. е. поправится тѣломъ)».

СIX. *Асѣ-хацѣлѣ*, обыкн. *асѣ-хакалѣ*—*умъ-разумъ*, изъ чув. *ас*—*умъ* и араб. *عقل*; тат. *акыл*—*idem*.

СXIV. Рубашка стала узкою отъ чрезчуръ обильнаго угощенія.

СXXII. Объясненіе выраженія „мѣнтарѣн“ см. въ моихъ «Матеріалахъ для изслѣд. чув. яв.», стр. 29; иногда это словъ употребляется для того, чтобъ выразить сожалѣніе, привязанность, любовь.

СXXIII. *Сѣр йуца*—крашеные верстовые столбы, «версты полосаты», воспѣтыя поэтомъ.

СXXV. Первые двѣ строфы имѣютъ такой смыслъ: «не пируйте въ мое отсутствіе, а вспоминайте о моей горькой долѣ».

СXXVII. Пшеничный снощъ на видъ красивѣе, или, какъ говорить народъ, «аккуратнѣе», чѣмъ овсяный.

СXXVIII. Вѣтви вербы и ивы здѣсь являются образцомъ стройности и изящества.

СXXX. Последнія двѣ строфы надо понимать такъ: дочери добрыхъ людей пусть сорвутъ орѣхи, продадутъ ихъ, и на вырученныя деньги нашьютъ себѣ тулуповъ.

СXXXII. Ш а л а н к ѣ .

Перъ вѣхѣгра Турѣ шаланкѣпа ула курака шыв кѣларма хушнѣ. Шаланкѣ Турѣ хушнине илтсен: „Йепле кѣларас-ши?“ тесе шухѣшласа ѣсласа вѣссе сѣренѣ; ула куракъ Турѣ хушнине аса та илмен, вѣл: „Йепле пыра тѣрантас-ши?“ тесе шухѣшласа хѣрѣк турат сѣнѣе ларнѣ.

Вѣссе сѹресен-сѹресен, шаланкѣ сѹре пѣр пиѣтвѣй (хѣ-
лаꝑ) пек ꙗвса (алтса) пѣхнѣ та сѣвѣнтах сѣртен шыв пал-
васа тухлѣ. Вара хавасланнипе вѣл ꙗсрах сѣвѣнса тасалнѣ
та, илемлѣ прасник тумтирѣ тѣхѣнса Турѣ патне шыв кѣлар-
нине калама вѣссе кайнѣ. Ула курак сѣвна курсан Турѣ
умѣнѣ ырѣ йатлѣ пуласшѣн нылѣѣк синѣе ыртсѣ йѣвалан-
нѣ та ꙗсрах Турѣ патне шаланкѣ хысѣѣн кайнѣ.

Турѣ патне ситсен, шаланкѣ каланѣ: „Есѣ хушнѣ тѣ-
рѣх епѣ шыв кѣлартам“, тенѣ. Ула курак каланѣ: „сук, вѣл
кѣларман, епѣ кѣлартам шыва. Вѣл епѣ сѣл патѣнѣе ѣслесе
тѣнине курѣе те, ырѣ йатлѣ пуласшѣн сѣкѣнта манран мал-
тан вѣсейсе килѣе. Акѣ манѣн тумтирѣм те сѣл патѣнѣе ѣс-
лесе саꝑсим варланса пѣтрѣ“, тенѣ.

Вара Турѣ ула курака ѣненнѣ те шаланкѣ сине асап
хунѣ: „Мана улталама тытѣнвѣшѣн сѹмѣр суса шыв кулен-
месѣр есѣ шыв кураймѣн ѣнтѣ“, тенѣ.

Шаланкѣ шыв кѣлараѣ, ула курак пырса ѣсет.

Переводъ:

Иволга (?)

Однажды Богъ велѣлъ иволгѣ и воронѣ добыть (изъ земли) воду.
Иволга, услышавъ Божье повелѣнiе, летала и раздумывала, какъ бы это до-
быть воды, а ворона и не думала о Божьемъ повелѣнiи, сидѣла на сухомъ
сучкѣ и размышляла о томъ, какъ бы утолить свой голодъ.

Иволга полетала, полетала, потомъ попробовала рыть землю; когда она
вырыла яму около печатной сажени глубиною, то изъ земли брызнула вода.
Тогда иволга образовалась, надѣла нарядную правдичную одежду и полетѣла
къ Богу, сказать, что она добыла воды. Когда ворона увидала это, она, чтобы
заслужить у Бога похвалу, вывалялась въ грязь и полетѣла вслѣдъ за иво-
лгой къ Богу.

Прилетѣвши къ Богу, иволга сказала: «Я добыла по твоему повелѣ-
нiю воды. Тогда ворона сказала: «Нѣтъ, не она добыла воду, а я. Она уви-

дала, какъ я работала у колодца, и, чтобы заслужить одобреніе, прилетѣла сюда раньше меня—вотъ и все.

Вотъ у меня и одежда вся загрязнилась въ то время, какъ я трудилась у колодца».

Тогда Богъ повѣрилъ воронѣ, а на иволгу наложилъ наказаніе, сказавъ ей: «За то, что ты пустилась меня обманывать, ты не увидишь воды раньше, чѣмъ пойдетъ дождь и соберется (въ лужи) дождевая вода.

Иволга добываетъ воду, а ворона пристаётъ и пьётъ (Пословица).

У крещеныхъ татаръ также существуетъ подобная пословица о птицѣ шаўлігѣн: „Шаўлігѣн сьму чыҗарҗан, карҗа вѣннѣгѣн“, т. е. «иволга (?) добыла воды, а ворона ея воспользовалась».

CXLVI. Здѣсь разумѣется сорбанъ (сурпан), которымъ покрывается голова замужней женщины.

CXLVIII. Влюшка—лубочный цилиндръ для наматыванія пряжи.

CLII. Пурѣтѣ отъ гл. пур=пыр.

CLV. Пѣвецъ, прельщенный кокетствомъ и пикантною какою-то Палаген, раздумываетъ о томъ, сохранить ли она свою привлекательность и въ замужествѣ.

CLIX. Парни насмѣшливо предлагаютъ дѣвушкамъ устроить свадьбу украдкой, *увозомъ*. Такъ какъ краденая невѣста обходится жениху дешево, потому что за нее не платится вѣна (хулѣн-уѣси, холѣм-овѣси), то увозъ считается какъ для родственниковъ невѣсты, такъ и для нея самой вещь предосудительною,—тѣмъ болѣе, если увозъ устроится съ согласіемъ самой дѣвушки, потому что въ последнемъ случаѣ возникаетъ сомнѣніе въ ея безупречной нравственности.

CLXI. Точнѣе: стали обростать усами, т. е. старѣть.

CLXIV. Числа *восемь* и *девять* имѣютъ у чувашъ таинственное значеніе, при чемъ первое изъ нихъ, какъ видно изъ пѣсни,—число несчастное, а послѣднее—счастливое.

CLXIX. Значеніе припѣва „Пуссази“ мнѣ непонятно.

„Парлак“—заброшенная земля, венг. *parlag*.

CLXXIV. „Тёттёрпи арман“, по объясненію чувашина, при-
славшаго мнѣ эту пѣсню, означаетъ маленькую быстро вертящуюся мельницу;
но точное значеніе слова „Тёттёрпи“ мною не выяснено.

CLXXIV. Яйцо до того испещрено различными крапинками,
что на немъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣстечка, въ которое можно было
бы воткнуть иголку.

CLXXV. Ужовка—родъ мелкихъ раковинъ, которыми убирають
женскіе наряды.

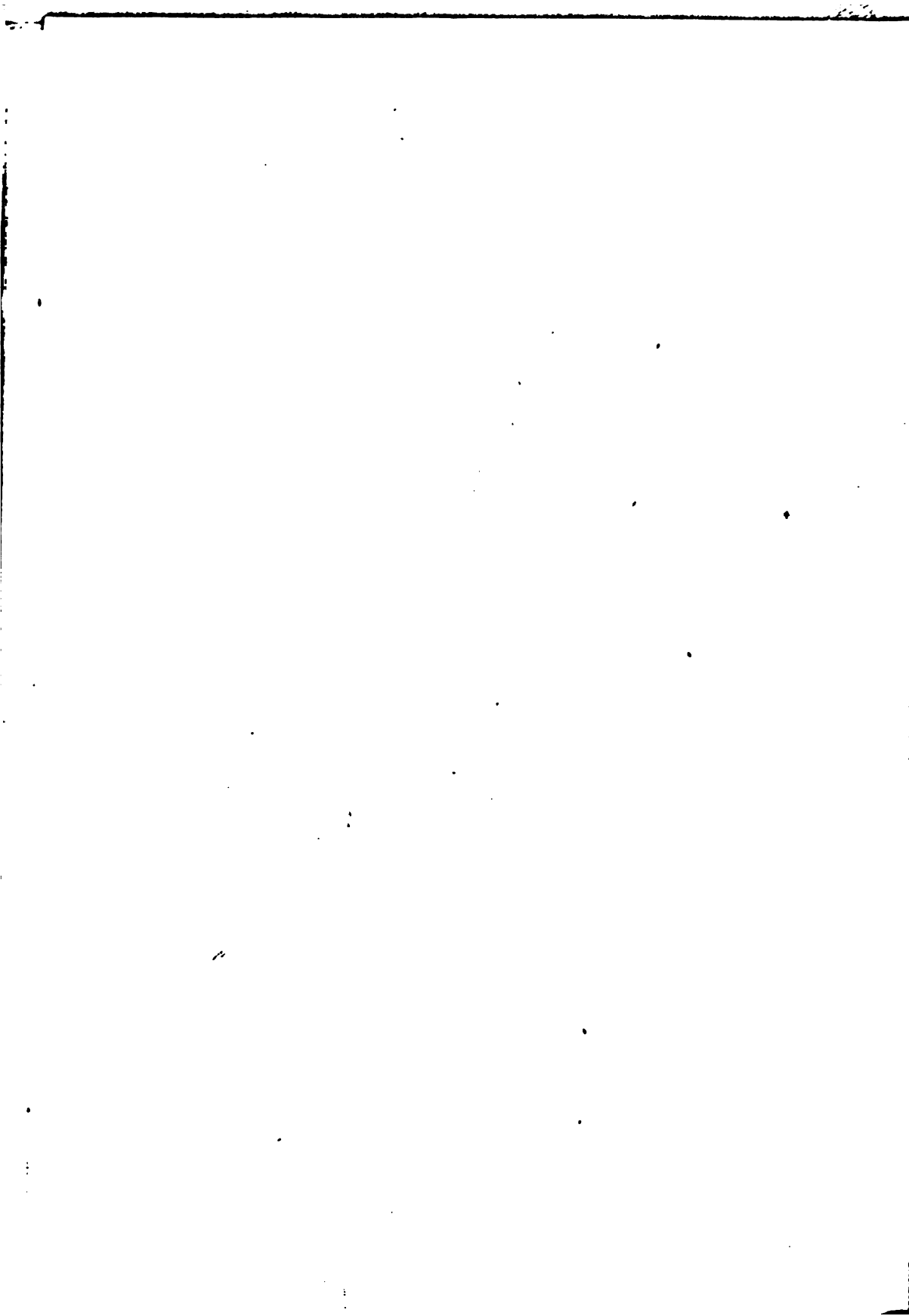
CLXXXVIII. Ъакър куç— глаза съ разноцвѣтною радуж-
ною оболочкою.

CXCVII. Слово «Варвара» здѣсь смысла не имѣетъ и поставлено
только для рѣзны.

Пѣсни IX, X, XI, XII, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII,
XXIII, CXXIII, CXXIV, CXXV, CXXVI, CXXVII, CXXVIII, CXXIX, CXXX,
CXXXI, CLXXXV—солдатскія; съ CXXXV до CXLIX включительно, а также
CLII, CLIII, CLVII, CLVIII, CLXVI, CXC, CXCV, CXCVI—свадебныя; XXIV,
XXV, XXVI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLI, XLIII, XLIV;
LI, LII, LIII, LVI; LX, LXI, LXIII, LXIV, LXVII, LXXIV, LXXV, LXXVI,
LXXVIII, LXXIX, LXXXIX, XC, XCI, CIII, CIV, CVI, CIX, CX, CXI, CXI,
CXIII, CXIV, CXV, CXVII, CLXXXII, CXCVIII, CXCIX, CC—гостевыя;
CLXIV, CLXVIII, CLXIX, CLXX, CLXXI, CLXXII, CLXXIV, CLXXVI,
CLXXVII, CLXXVIII, CLXXIX—хороводныя пѣсни.

Остальныя пѣсни—равнаго содержанія.

Н. Ашмаринъ.

Приложение.

Протоколы

Общихъ Собраній Общества Археологін, Петоріи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Уни- верситетѣ.

26 января 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. предѣдителемъ Общества Н. О. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: предѣдатель Общества Н. О. Катановъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Д. В. Васильевъ, О. Т. Васильевъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, О. Г. Мищенко, Э. Д. Пельцамъ, С. И. Порфирьевъ, А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. М. Петровскій, члены-сотрудники: А. П. Аришинъ, П. К. Вагинъ и А. В. Никитскій и сторонніе посетители.

Слушали:

1) Докладъ о пожертвованіяхъ въ бібліотеку и музей Общества: а) въ бібліотеку отъ д. чл. Н. О. Катанова «Списокъ должностныхъ лицъ Казанскаго Учебнаго Округа за 189^{1/2} г.» (Казань, 1897); б) въ музей—отъ д. чл. О. Т. Васильева—1 персидская серебряная монета шаха Надира Эфшарида; в) приобрѣтено покупкою 12 шт. различныхъ восточныхъ монетъ, какъ серебряныхъ, такъ и мѣдныхъ, XIII—XIX вв.

2) Докладъ о приобрѣтеніи въ музей Общества мѣдныхъ котла и ковшъ (за 4 рубля), найденныхъ въ 1898 г., въ Лавшевскомъ у. Казанской губ., на глубинѣ 7 аршинъ. Постановили: жертвователей благодарить, расходъ на покупку котла и ковшъ утвердить, предметы древности передать на храненіе въ музей, а книгу въ бібліотеку Общества.

3) Предложеніе г. предѣдателя объ уплатѣ въ Университетскую Типографію 338 р. 50 к., въ счетъ долга, возросшаго до суммы 1082 р. Постановили: 338 р. 50 к. уплатить.

4) Предложеніе г. Предѣдателя почтить вставаніемъ память скончавшихся: члена-соревнователя Общества А. А. Кежиной († 30 декабря 1898 г.) и бывшаго дѣйствительнаго члена В. М. Флоринскаго († 3 января 1899 г.). Исполнено немедленно.

5) Докладъ о выходѣ въ свѣтъ 6 го выпуска XIV-го и 1—2 выпусковъ XV-го томъ «Извѣстій». Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6) Рефератъ д. чл. А. А. Штукенберга: «О нѣсколькихъ своеобразныхъ каменныхъ орудіяхъ Казанской и Вятской губерній».

Въ началѣ своего доклада г. референтъ указалъ на увеличеніе, за послѣднія года, объема нашихъ свѣдѣній о каменномъ вѣкѣ и замѣтилъ, что наиболѣе обичной находкой являются молотки различной величины и изъ различнаго матеріала, напр. изъ валуновъ. Отверстіе для вставленія рукоятки бываеъ иногда посрединѣ, иногда сбоку; просверливалось оно съ обѣихъ сторонъ, при помощи палки, песку и воды. Такіе молотки могли служить и для домашняго, и для военнаго употребленія; у чувшей и черемисъ они употребляются нерѣдко и въ настоящее время. Наряду съ просверленными молотками существовали и иные, привязывавшіеся веревками или ивовыми прутьями; такіе молотки, вѣроятно, служили для обиванія колесъ, рыболовныхъ снастей и т. п.; иные молотки доходятъ до характера колотушекъ; впрочемъ, иногда встрѣчаются и молотки болѣе затѣливой формы, напр. въ родѣ мотыки. Рядомъ съ просверленными молотками можно поставить круглые просверленные валуны, могшіе служить булавами; иногда они встрѣчаются и въ неоконченномъ видѣ—недосверленными. Къ числу самыхъ рѣдкихъ находокъ принадлежатъ орудія рогага, съ вырѣзаннымъ на нихъ узоромъ; они служили или знакомъ власти, или боевымъ оружіемъ. Въ Западной Европѣ подобныя вещи встрѣчаются въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Среди другихъ предметовъ каменнаго вѣка, встрѣчаемыхъ въ Казанской и Вятской губ., слѣдуетъ отмѣтить полированные топорки, служившіе для выдалбливанія челноковъ, стрѣлки и точильные камни съ вогнутой поверхностью (подобныя точила и теперь употребляются у инородцевъ). Рассмотрѣнныя вещи представляютъ много сходства съ такими же предметами изъ губерній Тверской, Олонецкой, Витебской, и также изъ Западной Европы и Сѣверной Америки (напр. колотушки); въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ естественно, что люди въ разныхъ мѣстахъ изъ одинаковаго матеріала и для одной и той же цѣли дѣлали сходные предметы. Сообщеніе А. А. Штукенберга сопровождалось демонстраціей предметовъ каменнаго вѣка, принадлежавшихъ музею Общества.

7) Сообщение д. чл. Н. Э. Катанова: «Мусульманскія сказанія о жезлѣ Мусеевѣ»¹⁾.

8) Сообщение д. чл. В. Л. Борисова «Тяжба г. Царевококшайска съ околыничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ», прочитанное, за отсутствіемъ референта, Н. М. Петровскимъ²⁾.

9) Сообщение д. чл. Н. Э. Катанова: «Народные способы врачеванія у крещеныхъ татаръ и башкиръ Уфимской губ.»³⁾.

Въ 9 часовъ вечера г. председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 87—93.

²⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 350—355.

³⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 1—14.

23 февраля 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹ часовъ вечера г. предѣдателемъ Общества Н. О. Катановимъ.

Въ засѣданіи присутствовали: предѣдатель Общества Н. О. Катановъ, дѣйствительные члены: А. Н. Александровъ, Д. В. Васильевъ, О. Т. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, о. Е. А. Маловъ, Э. Д. Пельцамъ, Н. М. Покровский, С. И. Порфирьевъ, секретарь Н. М. Петровский, члены-сотрудники П. К. Вагинъ и Т. С. Яковлевъ и сторонніе посѣтители.

1) Заявленіе г. предѣдателя о желательности уплаты части долга въ типографію Университета. Постановили: уплатить 159 рублей.

2) Предложеніе г. предѣдателя объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества г. инспектора учительской семинаріи въ г. Гори (Тифлисской губ.), О. А. Смирнова. Постановили: считать О. А. Смирнова избраннымъ единогласно и выдать ему установленный дипломъ.

3) Отношеніе г. ректора Университета о подпискѣ въ пользу учрежденій въ память А. С. Пушкина съ приложеніемъ подписного листа, который и былъ предложенъ вниманію присутствовавшихъ.

4) Отношеніе г. ректора Университета о препровождаемомъ въ Общество «Положеніи о сѣздахъ (конгрессахъ) на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ». Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5) Заявленіе секретаря о желаніи Этнографическаго Бюро кн. В. Н. Тенишева имѣть въ Казанской губерніи корреспондентовъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6) Заявленіе секретаря нижеслѣдующаго содержанія:

«Въ предстоящемъ 18 марта с. г. годичномъ собраніи Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Каванскомъ Университетѣ имѣетъ быть прочитанъ, согласно § 40 устава Общества, «общій годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и о состояніи Общества»; къ сожалѣнію, въ упомянутомъ § устава не опредѣлено, какъ считать годъ—гражданскій ли, академическій ли, или съ 18 марта по 18 марта (день основанія Общества). На практикѣ съ нѣкотораго времени (приблизительно съ начала 1890-хъ годовъ) установился слѣдующій узусъ: отчетъ о дѣйствіяхъ и о состояніи Общества составляется за періодъ съ 18 марта по 18 марта, денежный же отчетъ съ 1 января по 1 января. Кромѣ такого несоотвѣтствія между частями одного и того же отчета, указанн. узусъ представляетъ и другое практическое неудобство: согласно §§ 41 и 42 устава, Общество должно представлять отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ «за истекшій гражданскій годъ» въ Императорскій Каванскій Университетъ и въ Каванскій Губернскій Статистическій Комитетъ, причемъ въ Университетъ не позже 15 марта, а въ Статистическій Комитетъ къ 1 февраля, «съ приложеніемъ по возможности печатнаго экземпляра отчета». Последнее требованіе при существующей системѣ физически невыполнимо, а потому я позволяю себѣ ходатайствовать предъ Обществомъ о разрѣшеніи имѣнть принятый узусъ и обратиться къ прежнему порядку, т. е. къ составленію на будущее время не только денежнаго

отчета, но и отчета о дѣйствіяхъ Общества за гражданскій годъ, т. е. съ 1 января по 1 января. Для достиженія такого порядка придется на первый разъ составить и прочесть 18 марта с. г. отчетъ о дѣятельности Общества за періодъ времени съ 18 марта 1898 по 1 Января 1899 года и о движеніи суммъ—съ 1 января 1898 по 1 января 1899 года, а въ годичномъ собраніи 1900 года можно будетъ уже представить Обществу отчетъ и о дѣйствіяхъ, и о движеніи суммъ за текущій гражданскій годъ, т. е. съ 1 января 1899 по 1 января 1900 г. Въ видахъ же возможности представленія въ Статистическій Комитетъ печатнаго экземпляра отчета къ 1 февраля, слѣдовало бы установить такой порядокъ: 2 января ревизіонная коммиссія составляетъ актъ о разсмотрѣнннхъ документахъ и суммъ, находящихся въ вѣдѣніи кавначя Общества, а 3 января назначается январское засѣданіе Совѣта, въ которомъ читаются:

а) отчетъ секретаря о состояніи и дѣятельности Общества за истекшій гражданскій годъ;

б) отчетъ бібліотекаря о состояніи бібліотеки;

в) отчетъ г. завѣдующаго музеемъ о состояніи послѣдняго;

г) отчетъ кавначя о движеніи суммъ Общества, въ который входятъ и подробныя указанія секретаря, бібліотекаря и г. завѣдующаго музеемъ объ ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе, издержанныхъ и оставшихся къ новому году суммахъ;

д) докладъ ревизіонной коммисіи.

Все это, вмѣстѣ со спискомъ членовъ Общества и должностныхъ лицъ его къ 1 января, составитъ содержаніе годичнаго отчета, который, будучи подписанъ всѣми членами Совѣта и 4 января сланъ въ типографію, можетъ быть оттиснутъ къ 1 февраля, а въ мартовскомъ (годичномъ) собраніи (§ 40 устава) предложенъ вниманію публики. Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ техническихъ неудобствъ, въ нынѣшнемъ году, можетъ быть, придется напечатать списокъ членовъ Общества къ 18 марта 1899 г., а съ будущаго года можно будетъ устранить и это несоотвѣтствіе.

Постановили: впредь, начиная съ нынѣшняго года, составлять отчетъ за гражданскій годъ.

7) Докладъ о пожертвованіяхъ въ бібліотеку Общества: а) д. т. с. А. Н. Куломзинимъ 16 выпусковъ изданія «Матеріалы коммисіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области» (С.-Пб. 1898); б) Туркестанскою Публичною Библіотскою книгъ: а) В. И. Межова «Туркестанскій сборникъ», т. 1—3, С.-Пб. 1878—1888, б) Каза, Е. «Персидскія, арабскія и торкскія рукописи Туркестанской Публичной Библіотеки», Ташкентъ 1889, в) Дмитровскаго, Н. В. «Каталогъ книгъ русскаго отдѣла Туркестанской Публичной Библіотеки»; д) «Каталогъ книгъ иностраннаго отдѣленія Туркестанской Публичной Библіотеки», Ташкентъ 1891; в) д. чл. Н. О. Катановимъ—его брошюры 1) «Погрѣбальныя обряды тобольскихъ татаръ», 2) «Преданіе тобольскихъ татаръ о гровномъ царѣ Тамерланѣ», Тобольскъ 1898, и «Пламя научно-промышленной выставки 1890 г.»; г) О. В. Благовидовимъ—его книгъ: «Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX столѣтія», Казань 1899; д) д. чл. А. А. Дивае-

вѣтъ—его брошюръ: (въ 2 экз) «Киргизскій разсказъ о Чингизъ-ханѣ»; е) д. чл. Е. В. Кузнецовъ—его брошюръ: а) «Сибирскій летописецъ» (Тобольскъ 1892), б) «Святые ворота въ старомъ Тобольскѣ», γ) «Тобольскій кремль и одна изъ тайнъ его», δ) «Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака» (Тобольскъ, 1881), ε) «Библиографія Ермака» (Тобольскъ, 1891), ζ) «Летопись Щетининныхъ», η) «Старое сказаніе о вѣрѣ и обрядахъ киргизовъ», θ) «Воздушные страхи Тобольска въ старину» (Тобольскъ, 1892) и другихъ авторовъ: ι) «Указатель литературныхъ трудовъ Е. В. Кузнецова за тридцатилѣтіе 1866—1896» (Тобольскъ, 1896) и κ) «Еврейскій вопросъ и евреи въ Сибирѣ», Ив. Слоцова.

Постановили: жертвователей благодарить.

8) Докладъ о приобретеніяхъ въ библіотекѣ Общества: а) «Лэнъ-Пуль, Стэнли. Мусульманскія династіи. Переводъ В. Бартольда» С.-Пб. 1899 (2 рубля) и б) неполный сборникъ гравюръ; по сообщеннымъ секретаремъ справкамъ, этотъ сборникъ оказывается вторымъ изданіемъ «Эмблемата духовнаго» (1743 г.), которое до сихъ поръ было извѣстно только въ одномъ экземплярѣ—библіотеки А. И. Кастерина. За этотъ сборникъ заплачено 2 рубля. Постановили: расходъ утвердить, а амѣтку секретаря напечатать въ «Извѣстіяхъ».

9) Докладъ о статьяхъ, поступившихъ въ Общество для печатанія: 1) чл.—сотр. о. Н. А. Архангельскаго: а) консисторскій указъ на имя козюдемьянскаго о. благочиннаго о ремонтѣ въ 1797 г. старой церкви въ с. Большая Шатма, б) храмозданная грамота на имя новой церкви въ томъ же селѣ и γ) контрактъ о ремонтѣ въ 1832 г. церкви с. Большая Шатма; 2) д. чл. Н. Н. Пантусова «Народныя примѣты таранчей» и 3) А. Нестерова: «Хвалебная пѣснь Достъ-Ходжи въ честь султана Кенисары Касымова». Постановили: означенныя статьи передать на разсмотрѣніе редакціи «Извѣстій».

10) Извлеченіе изъ протокола Общаго Собранія, состоявшагося 5 февраля с. г., касавшееся примѣненія § 30 устава Общества, на основаніи котораго было рѣшено считать выбывшими изъ состава Общества иногороднихъ а) дѣйствительныхъ членовъ: И. А. Валленіуса, А. М. Зайцева, Н. Я. Кириллова, Н. А. Кремлева, Н. М. Мазунина, Ал. Θ. Можаровскаго, Ап. Θ. Можаровскаго, В. В. Молостова, Н. Д. Свечкова, о. Т. С. Семенова, Н. А. Спасскаго, В. Н. Тиле, Ю. В. Трубникова, Θ. Р. Шишкина, П. И. Якоби и И. А. Ярыгина; б) членовъ—сотрудниковъ: Г. А. Антиева, М. Н. Аристова, И. В. Архангельскаго, И. П. Балабанова, Н. И. Дмитриевскаго, И. Я. Зайцева, Д. В. Ильченко, г. Логачева, В. К. Мальмберга, В. П. Наливкина, В. М. Нократскаго, А. П. Павлова, П. П. Пасникова, В. В. Сабурова, А. Θ. Семенова, Я. А. Стефановича, Н. В. Троицкую, В. П. Троицкаго и г. Хорошева. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

11) Предложеніе д. ч. И. М. Покровскаго надать, съ его предисловіемъ, въ приложеніяхъ къ «Извѣстіямъ», приходо-расходную книгу Казанскаго Архіерейскаго дома 1706 г. Постановили: просить И. М. Покровскаго предпринятельно ознакомить Общество съ этимъ документомъ въ апрѣльскомъ Общеземъ Собраніи 1899 г.

12) Докладъ д. ч. Н. Н. Пантусова «Народныя примѣты и повѣрія та-ранчей Изійскаго округа», прочитанный, за отсутствіемъ референта, Н. М. Петровскимъ.

13) Докладъ д. чл. Н. О. Катанова «Историческія пѣсни казанскихъ татаръ»¹⁾.

14) Докладъ д. чл. С. И. Кедрова: «Объ «Историко-географическомъ словарѣ Саратовской губерніи, А. Н. Минько», прочитанный, за отсутствіемъ референта, Д. В. Васильевымъ²⁾.

Въ 9 часовъ вечера г. председатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

18 марта 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. председателемъ Общества Н. О. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ Общества П. В. Знаменскій, председатель Общества Н. О. Катановъ, действительные члены: А. И. Александровъ, Д. В. Васильевъ, о. Е. А. Маловъ, И. М. Покровский, с. А. В. Смирновъ, секретарь Н. М. Петровскій, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, В. А. Геркенъ, сторонніе посѣтители О. В. Благовидовъ, А. А. Су-харевъ и другіе.

Слушали:

1) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ просьбою о доставленіи къ 20 марта с. г. свѣдѣній объ архивѣ Общества по приложенному вопросному листу. Постановили: сообщить Московскому Археологическому Обществу, что описаніе архива Общества составляется д. чл. В. Л. Борисовымъ и по окончаніи будетъ обнародовано въ «Извѣстіяхъ», что же касается до представленія свѣдѣній, Общество въ такой короткій срокъ не можетъ доставить ихъ.

2) Расписку г. начальника Университетской Типографіи въ полученіи отъ Общества въ счетъ долга 159 р. и счетъ на остальные долги Общества 593 р. 50 к. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Письмо д. чл. Н. А. Толмачева съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ по болѣзни не можетъ исполнить порученія Общества—обрѣзывать деньги и документы у г. казначея Общества. По этому поводу г. Председатель Общества заявилъ, что ревизія была произведена д. чл. Э. Э. Энгелемъ, причѣмъ всѣ деньги и документы оказались въ надлежащемъ порядкѣ.

4) Предложеніе г. ректора университета о сборѣ пожертвованій на устройство учрежденій имени А. С. Пушкина. Постановили: проциркулировать приложенный при предложеніи подписной листъ между присутствующими

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 273—306.

²⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 357—360.

еще раз (впервые онъ былъ циркулированъ 23 февраля), доставить его г. ректору вмѣстѣ съ собранною суммою.

5) Докладъ о пожертвованіи въ музей Общества д. чл. Н. Н. Пантусовымъ четырнадцать фотографическихъ снимковъ съ древностей Средней Азіи.

6) Докладъ о пожертвованіи въ архивъ Общества д. чл. О. Т. Васильевымъ документа 1707 г. Постановили: Н. Н. Пантусова и О. Т. Васильева благодарить за пожертвованія.

7) Докладъ о пожертвованіи д. чл. П. В. Владимировыхъ въ бібліотеку Общества его брошюры: «Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888)». Постановили: жертвователя благодарить.

8) Докладъ о статьяхъ, поступившихъ въ Общество для печатанія въ «Извѣстіяхъ»: 1) д. чл. В. Л. Борисова «Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ», 2) д. чл. Е. А. Малова: «О монетѣ съ изображеніемъ Христа» и 3) Ив. Чибрикова: «Народные способы «лѣченія» и заговоры противъ болѣзней въ Каванской губерніи»¹⁾. Постановили: передать означенныя статьи на благоусмотрѣніе редакціи «Извѣстій».

9) Предложеніе къ избранію въ дѣйствительные члены Общества доктора Каванской Духовной Академіи О. В. Благовидова и земскаго врача Каванскаго уѣзда А. А. Сухарева. По единогласному желанію всѣхъ присутствовавшихъ дѣйствительныхъ членовъ, постановлено: признать названныхъ лицъ дѣйствительными членами Общества и выдать имъ установленные дипломы.

10) Отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества за время съ 18 марта 1898 по 1 января 1899 г. Постановили: отчетъ утвердить и отпечатать, а гг. П. А. Пономарева и И. Н. Смирнова просить доставить отчетъ о произведенныхъ ими на счетъ Общества экскурсіяхъ (лѣтомъ 1898 г.).

11) Рефератъ д. чл. Н. О. Катанова: «Отзывъ о новыхъ иностранныхъ изданіяхъ по изученію востока».

12) Докладъ д. чл. В. Л. Борисова: «Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ»²⁾, прочтенный, за отсутствіемъ автора, Н. М. Петровскимъ.

13) Рефератъ А. Д. Нестерова: «Хвалебная пѣсня Досъ-Ходжи въ честь султана Кенисаръ Касимова»³⁾, прочтенный, за отсутствіемъ автора, Н. О. Катановымъ, добавившимъ къ этому докладу кое какія свои замѣчанія о личности Кенисаръ Касимова.

Въ 9 часовъ г. предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 3, стр. 305—308.

²⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 83—87.

³⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 38—57.

27 апреля 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. председателемъ Общества Н. О. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: председатель Общества Н. О. Катановъ, почетный членъ Общества П. В. Зинженскій, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, О. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, И. А. Износковъ, И. М. Покровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ и А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. М. Петровскій и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и:

1) Некрологъ почтеннаго члена Общества А. О. Бычкова, прочитанный Председателемъ Общества (приводится ниже цѣликомъ). По предложенію председателя, память А. О. Бычкова была почтена вставаніемъ.

2) Заявленіе секретаря о выходѣ въ свѣтъ (въ 100 экземплярахъ) «Отчета» Общества за 1898 годъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Докладъ секретаря о поступившихъ въ музей и библіотеку Общества пожертвованіяхъ: а) въ музей: а) отъ д. ч. Н. Н. Пантусова 5 фотографій съ древностей Средней Азии и б) отъ д. ч. И. А. Износкова манифестъ о Св. Коронаваніи Его Императорскаго Величества Николая Александровича, брошюра «Народный праздникъ по случаю Св. Коронаванія Ихъ Величествъ» и носовой платокъ съ видомъ Московскаго Кремля; б) въ библіотеку: а) отъ полковника М. Богдановскаго его брошюра «Къ вопросу о расположеніи городской стѣны Казанскаго посада въ 1582 г.» (С.-Пб. 1899), б) отъ г. E. Piette брошюра E. Piette et J. de la Porterie «Etudes d'ethnographie préhistorique. V. Paris» и в) отъ В. И. Михельсона его брошюра «Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора» (С.-Пб. 1898). Постановили: жертвователей благодарить.

4) Докладъ секретаря о статьяхъ, присланныхъ для печатанія въ «Извѣстіяхъ»: д. ч. В. К. Магницкаго «Къ біографіи В. А. Сбоева» и «Приказы бывшаго Ядрискаго земскаго исправника Головкинскаго», Н. Н. Новокрещенныхъ: «О раскопкахъ вблизи дер. Пьянковой, Осинскаго у. Пермской губ., въ сентябрѣ 1898 г.»; д. ч. А. А. Дивлеза «Случка животныхъ въ киргизскомъ хозяйствѣ» и «Киргизскія примѣты». Постановили: передать эти статьи на разсмотрѣніе въ редакціонный комитетъ.

5) Заявленіе секретаря о невозможности для него, по обилію дѣла, нести долге секретарскія обязанности. Постановили: благодарить Н. М. Петровскаго за веденіе имъ въ теченіе нѣкотораго времени дѣлъ Общества и избрать ему преемника, что и было исполнено немедленно. Избраннымъ (единогласно) оказался В. Л. Борисовъ.

6) Докладъ д. ч. И. М. Покровскаго «Казанскій архіерейскій домъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, его средства и штаты». Постановили: о печатаніи доклада И. М. Покровскаго имѣть сужденіе въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта.

7) Докладъ д. ч. П. А. Пономарева «Результаты раскопокъ Большаго Макашевскаго могильника въ Спасскомъ у. Казанской губ., сопровождавшейся демонстраціей найденныхъ предметовъ». По окончаніи доклада П. А.

Пономарева всѣ присутствовавшіе, согласно предложенію г. Предсѣдателя, благодарили референта за его интересное сообщеніе и за усѣпшное и старательное исполненіе порученія, даннаго ему Обществомъ. П. А. Пономаревъ отвѣтилъ на это предложеніемъ поблагодарить также лицъ, оказавшихъ ему содѣйствіе при раскопкахъ: И. И. Ворченко, М. М. Хомякова и старосту Макашсевки, Н. П. Вьюговскаго, и ассигновать А. А. Шгукенбергу сумму, необходимую для приведенія въ порядокъ собранныхъ въ Макашсевкѣ коллекцій. Постановили: исполнить.

8) Докладъ д. чл. Н. Э. Катанова «Объ особенностяхъ мусульманскаго лѣтосчисленія и о переводѣ мусульманскихъ датъ на христіанскія».

Докладъ Н. Н. Новокрещенныхъ: «О поѣздкѣ съ археологическою цѣлью въ дер. Пьянкову близъ г. Осм, пермской губерніи» за повднимъ временемъ сдѣланъ не былъ ¹⁾.

Въ 10^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Приложеніе къ протоколу общаго Собранія 27 апрѣля 1899 года.

Некрологъ А. Э. Бычкова, прочитанный Предсѣдателемъ Общества, Н. Э. Катановымъ.

Прежде чѣмъ приступить къ нашимъ обычнымъ занятіямъ, я считаю долгомъ сообщить Общему Собранію печальную новость:

2-го апрѣля сего 1899 года на 81-мъ году отъ рожденія скончался почетный членъ нашего Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи и нашего Каванскаго Университета, ординарный академикъ Императорской Спб. Академіи Наукъ, директоръ Императорской Спб. Публич. Библіотеки, дѣйств. тайный совѣтникъ Леонасій Федоровичъ Бычковъ.

А. Э. Бычковъ родился 15 декабря 1818 года въ старинной дворянской семьѣ Ярославской губ., учился въ ярославск. гимназін и московск. университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1840 году, тогда же поступилъ на службу въ Археологическую Коммиссію, въ 1854 году состоялъ редакторомъ лѣтописей въ Археографической Коммиссіи, въ 1844 году назначенъ бібліотекаремъ рукописнаго отдѣла Императорской Публич. Библіотеки, въ 1868 г. помощникомъ директора, въ 1869 году избранъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1882 году директоромъ Императорской Публич. Библіотеки, въ 1892 году членомъ Государственнаго Совѣта; наконецъ, 14 февр. 1888 года наше Общество Арх., Ист. и Этн., а 22 нояб. 1890 г. Казанскій Университетъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

Изъ многочисленныхъ трудовъ А. Э. Бычкова, общее число которыхъ доходитъ до 90, особенно заслуживаютъ вниманія сочиненія и изданія по русской исторіи и словесности; были у него, хотя и немного, также труды по археологін и этнографіи.

Археологія: 1) Замѣчанія о книгѣ П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика», 2) о монетахъ, пожертвованныхъ Императорскому Рус. Ар-

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 58—61.

холо. Обществу Х Я Лавревымъ, 3) Разборъ книги Д. И. Прозоровскаго: «Монета и вѣтъ въ Россіи до конца XVIII в.», 4) Опись стѣнописнымъ изображеній 1672 года въ Золотой Палатѣ Государева Дворца и Грановитой Палатѣ, и др.

Исторія: Путешествіе казац. атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Елычева въ Китай въ 1567 году, 2) Дворцовые разряды, 3) Журналы и походные журналы Петра Великаго съ 1695 по 1725 годъ и походный журналъ 1726 года, 4) Камеръ-фурьерскіе журналы за 1726—1772 годы, 5) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томы 7—10, 15 и 16, 6) Письма Императрицы Ектерины Великой къ разнымъ государственнымъ сановникамъ, 7) Краткій лѣтописецъ Св. Троиціи Сергіевъ Лавръ, 8) Письма Петра Великаго, 9) Письма Сперанскаго изъ Сибири, 10) Письма и записки князя Италійскаго, графа А. В. Суворова-Рымникскаго, 1787—1800, 11) Новгородскія лѣтописи, такъ называемая 2-я и 3-я, 12) Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 года и мн. др., въ томъ числѣ и рецензіи.

Этнографія: 1) Отзывъ о книгѣ Е. В. Барсова «Плачи похоронные, надгробные и надмогильные», 2) Отзывъ о книгѣ П. Н. Батюшкова «Бѣлоруссія и Литва» и др.

Этимъ и заканчиваю свой краткій обзоръ жизни и трудовъ покойнаго нашего сочлена, академика А. Э. Бычкова, коснуться же дѣятельности его и оцѣнить по достоинству заслуги его какъ въ области изученія и изданія памятниковъ русской исторіи и словесности, такъ и въ области библиографіи и книжнаго дѣла гораздо подробнѣе и основательнѣе могутъ многоуважаемые наши сочлены, специалисты по вышеупомянутымъ наукамъ.

Въ заключеніе и въ уваженіе къ научнымъ заслугамъ покойнаго нашего почетнаго члена А. Э. Бычкова, прошу Собраніе почтить память его заставаніемъ.

11 мая 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/2}, часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ общества В. А. Поповъ, ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ, предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Э. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, Д. А. Корсаковъ, П. И. Кроговъ, И. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, А. И. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, Н. Н. Фирсовъ, Э. Т. Васильевъ, и д. секретаря Н. М. Петровскій, члены-сотрудники А. П. Аришинъ, П. К. Вагинъ и сторонніе посѣтители.

Слушали: 1) Заявленіе г. Предсѣдателя о кончинѣ почетнаго члена Общества А. Э. Бычкова († 2 апрѣля 1899 г.), которой настоящей день является сороковымъ, въ виду чего д. чл. Д. А. Корсаковъ произнесетъ въ настоящемъ засѣданіи рѣчь, посвященную памяти покойнаго.

2) Рѣчь д. чл. Д. А. Корсакова «Изъ личныхъ воспоминаній объ А. Э. Бычковѣ».

3) Заявленіе г. Предсѣдателя, что д. чл. Е. Э. Будде по болѣзни не можетъ прочесть приготовленную имъ для настоящаго засѣданія рѣчь: «О трудахъ А. Э. Бычкова по изданію лѣтописей и по описанію древнихъ памятниковъ письменности», которая поэтому откладывается до слѣдующаго Общаго Собранія.

Въ 9¹/₄ часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

23 сентября 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹/₂ час. вечера г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ въ VII-й аудиторіи Университета.

На засѣданіи, которое почилъ своимъ присутствіемъ г. Попечитель Учебнаго Округа, М. М. Алексѣенко, присутствовали: Предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, товарищъ предсѣдателя И. Н. Смирновъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Э. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, И. А. Износковъ, В. Н. Витевскій, Е. А. Миловъ, Н. М. Петровскій, Э. Д. Пельцманъ, С. И. Порфирьевъ, П. А. Пономаревъ, А. А. Сухаревъ, о. А. В. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, А. А. Штукенбергъ, члены-сотрудники: А. П. Аршинъ, П. К. Влгнъ, А. В. Никитскій, К. С. Рябинскій, Т. С. Яковлевъ, секретарь В. Л. Борисовъ и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и:

I. Извѣщеніе Ярославской ученой архивной комиссіи отъ 2 сентября с. г. за № 424 о предстоящемъ торжественномъ ея засѣданіи 19 сентября с. г., въ день 600-лѣтія кончины князя Феодора Ростиславича, и отношеніе г. Ректора Университета о томъ же отъ 10 сентября с. г. за № 3000; по поводу этого извѣщенія г. Предсѣдатель Общества объявилъ, что имъ послана отъ имени Общества въ Ярославскую архивную комиссію привѣтственная телеграмма съ выраженіемъ сочувствія плодотворной научной дѣятельности комиссіи.

II. Предложеніе отъ Congrès international des traditions populaires принять участіе въ работахъ конгресса, имѣющаго происходить въ Парижѣ въ 1900 году; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

III. Заявленіе секретаря Общества о выходѣ въ свѣтъ и размякѣ 4-го выпуска тома XV «Извѣстій»; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IV. Протоколъ болгарской ревизіонной комиссіи, посѣтившей развалины 5 и 6 мая с. г.; постановлено: принять къ свѣдѣнію, а самый протоколъ присоединить къ протоколу настоящаго Собранія.

V. Заявленіе г. Предсѣдателя Общества о пожертвованіи Л. В. Кекинымъ тысячи рублей въ неприкосновенный капиталъ Общества имени А. А. Кекиной; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Заявленіе г. Предсѣдателя Общества о кончинѣ члена-соревнователя Общества В. А. Унженина и членовъ сотрудниковъ Общества А. В. Варушкина и И. Ф. Толшина; память покойныхъ, по предложенію г. Предсѣдателя, была почтена вставаніемъ.

VII. Послѣ этого дѣйствительный членъ Общества П. А. Пономаревъ въ пространной рѣчи охарактеризовалъ симпатичную личность покойныхъ членовъ-соревнователей Общества А. А. Кекиной и В. А. Унженина, всегда симпатизировавшихъ Обществу и пришедшихъ къ нему на помощь въ критическую минуту отсутствія у него матеріальныхъ средствъ; благодаря этой поддержкѣ оказалось возможнымъ произвести изысканія въ Аванъинскомъ могильникѣ, давшія матеріалъ, признанный важнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Въ заключеніе своего слова П. А. Пономаревъ выразилъ мысль, что наилучшимъ увѣковѣченіемъ памяти усопшихъ было бы, по его мнѣнію, постановленіе Общества, чтобы $\%$ съ неприкосновеннаго капитала имени А. А. Кекиной шли на археологическія изысканія, имѣющія цѣлью пополненіе коллекцій музея Общества. Собраніе, выслушавъ рѣчь П. А. Пономарева, сдѣлало постановленіе въ указанномъ имъ смыслѣ.

VIII. Дѣйств. чл. П. А. Пономаревъ посвятилъ, затѣмъ, нѣсколько словъ памяти скончавшагося члена-сотрудника Общества А. В. Варушкина, даровитаго ученаго, прибывшаго незадолго передъ этимъ изъ-за границы, гдѣ онъ готовилъ себя къ научной дѣятельности, но нашедшаго себѣ преждевременную смерть въ Казани, когда онъ только что готовился выступить въ среду мѣстныхъ изсѣдователей и принять участіе въ работахъ нашего Общества.

IX. Предсѣдатель Общества заявилъ о желаніи вступить въ Общество, въ качествѣ дѣйствительнаго члена,—Леонида Ардалионовича Зубова, члена Петровскаго Общества изсѣдователей Астраханскаго края и инспектора астраханскаго 4-класснаго училища; г. Зубова предлагаютъ въ члены: В. Л. Борисовъ, Н. Ф. Катановъ и Д. В. Васильевъ; постановлено: выборы г. Зубова произвести въ слѣдующемъ собраніи Общества.

X. Дѣйств. членъ Д. В. Васильевъ, бывший депутатомъ общества на XI Археологическомъ Сѣздѣ, представилъ вниманію собранія «Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическаго сѣзда въ Кіевѣ»¹⁾, вызвавшій замѣчаніе дѣйств. чл. П. А. Пономарева въ томъ смыслѣ, что референтъ слишкомъ строго отнесся къ минувшей дѣятельности сѣзда; по выслушаніи доклада Собраніе постановило, по предложенію г. Предсѣдателя, выразить докладчику благодарность Общества за успѣшно выполненное порученіе его, что и было немедленно исполнено присутствовавшими въ засѣданіи членами Общества.

XI. Дѣйств. чл. С. И. Норфирьевъ сообщилъ «Объ одной изъ подгорныхъ палатъ села Болгаръ», открытой недавно мѣстными крестьянами и уничтоженной ими, къ сожалѣнію, на нужды строительнаго дѣла; дѣйствит.

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 64—71.

чл. П. А. Пономаревъ, дѣлая замѣчаніе по поводу доклада г. Порфирьева, провелъ параллель между Болгарскими постройками и постройками на Укекѣ, вблизи г. Саратова, и на основаніи этой параллели пришелъ къ заключенію, что вновь открытая Болгарская палата была ничѣмъ инымъ, какъ баней; съ цѣлью оградить на будущее время памятника древности въ с. Болгарахъ отъ расхищенія, какъ было въ данномъ случаѣ, именно, когда эти памятники находятся в ѣ территории, Высочайше вѣренной для охраны Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи, Собраніе, по предложенію дѣйств. члена В. Л. Борисова, постановило возбудить предъ Императорской Археологической Коммиссіей ходатайство о предоставленіи Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ исключительнаго права производства раскопокъ и различныхъ изысканій въ районѣ, занятомъ остатками столицы прежняго Болгарскаго царства.

XII. Дѣйств. членъ Н. Э. Катановъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о своемъ путешествіи, совершенномъ по Енисейской губерніи лѣтомъ настоящаго года; при сообщеніи имъ были продемонстрированы различные предметы древности, собранные имъ во время этого путешествія частью путемъ покупки, частью же путемъ пожертвованій ихъ разными лицами. Собраніе постановило: выразить благодарность Общества лицамъ, сдѣлавшимъ указаннаго приношенія, а именно: Р. Г. Лянгвальду, И. Э. Полежаеву, И. С. Орѣшкову, А. А. Иптышевой, В. Ф. Курчакову, Г. А. Майнагашеву, К. Г. Терскому, о. В. Суховскому.

XIII. Дѣйств. членъ В. Л. Борисовъ представилъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Предметы древности въ селѣ Алатахъ и его окрестностяхъ», въ которомъ главнымъ образомъ обратилъ вниманіе Общества на небольшую каменную якону, хранящуюся въ церкви села Алатахъ, а затѣмъ на присутствіе въ окрестностяхъ этого же села двухъ кургановъ и, затѣмъ, городища, вѣроятно булгарскаго. По выслушаніи реферата, вызвавшаго замѣчанія дѣйствительныхъ членовъ П. А. Пономарева, И. Н. Смирнова и И. А. Изюмова, Собраніе постановило—просить референта произвести будущимъ лѣтомъ раскопки въ описанной имъ мѣстности, для чего испросить надлежащее разрѣшеніе отъ Императорской Археологической Коммиссіи.

XIV. Въ 9³/₄ час. вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Приложеніе къ протоколу Общаго Собранія 23 сентября 1899 года.

Протоколъ 2 членовъ ревизіонной коммиссіи, посѣтившей 5 и 6 мая 1899 года села Болгары-Успенское Спасскаго уѣзда Казанской губерніи и обобравшей развалины сего села, находящіяся подъ смотрѣніемъ Ф. Э. Мордвишина.

5 и 6 мая 1899 года нижеподписавшіеся 2 члена болгарской ревизіонной коммиссіи въ присутствіи члена-сотрудн. Общества А. В. Варушкина и смотрителя развалинъ Ф. Э. Мордвишина тщательно осмотрѣли развалины и нашли слѣдующіе извѣны, произведенные временемъ:

1) Крыша минарета начала портиться отъ дождя, и потому велѣно закрасить ее смѣсью смолы и масла;

2) Загороди вокругъ развалинъ и угольные столбы загороей начали также подгнивать, и потому велѣно: загороди закрасить смѣсью смолы и масла, а угольные столбы подпереть помочами и самыя помочи также закрасить;

3) Въ крышкѣ зданія, именуемаго «монастырскій погребъ», цементъ, покрывающій солому, смитъ дождемъ и потому въ ней обнаружались въ 2 или 3 мѣстахъ отверстія, которыя велѣно хорошими (Юшковскими) цементомъ замазать;

4) За послѣдній годъ Мордвинами приобрѣтъ большой намогильный съ надписями памятникъ, сосудъ, монеты и др. древности; первые 2 предмета велѣно доставить осенью въ музей Общества, а остальные куплены за 2 р. 50 к. и представляются при семъ въ Общество;

5) У крестьянъ оказались разные предметы древности, какъ то: мѣдныя и серебр. болг. и золотоордын. монеты, обломки металлич. зеркалъ, бусы, четки, 1 косточка домино-лото, образокъ (метал.) Св. Николая и др. вещи, которыя куплены за 90 коп. и также при семъ препровождаются;

6) Книга для записи посѣтителей осмотрѣна, и по осмотрѣ оказалось, что мусульмане въ ней не расписываются, что въ числѣ посѣтителей были какъ русскіе подданные, такъ и иностранные (графъ Зичи, проф. Шяшмановъ, баронъ де-Бай и др.), что въ книгѣ расписываются иногда пьяныя компаніи, что посѣтителю бывають и вимю (около праздникоу Р. Хр. и Новоу Году) и что нѣкоторые изъ посѣтителей актъ своего посѣщенія села Болгарь описываютъ стихами (напр. Гиляровскій); жалобъ на Мордвина въ книгѣ не записано. О посѣщеніи ревизионной комиссіей г. Болгарь сдѣлана отмѣтка въ посѣтительской книгѣ.

7) Книги болгарской библіотеки Общества, предназначенной специально для посѣтителей, ревизионной комиссіей не осмотрѣны, такъ какъ библіотекаръ Общества въ составъ комиссіи не входилъ.

20 октября 1899 года.

Засѣданіе Общества было открыто г. Предсѣдателемъ въ 7^{1/2} часовъ вечера въ Совѣтскомъ залѣ Университета.

Въ засѣданіи присутствовали: г. Предсѣдатель Общества Н. О. Катановъ, г.г. дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, О. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, Э. Д. Нельцаиъ, И. М. Покровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ, А. А. Сузаревъ, А. А. Штукенбергъ, членъ-сотрудникъ П. К. Вагинъ, секретарь В. Л. Борисовъ и сторонніе посѣтителю.

С л у ш а л и:

1) Заявленіе редактора «Извѣстій» о выходѣ въ свѣтъ и размакѣ выпуска 5—6 тома XV «Извѣстій».

2) Отношеніе Строительнаго Отдѣленія Каванскаго Губернскаго Правленія отъ 6 октября с. г. за № 1479 о томъ, что находящаяся въ Николаевскомъ скверѣ г. Арска древняя деревянная башня, по преданію, — временъ Юліана Грознаго, пришла въ такое ветхое состояніе, что одна изъ стѣнъ этой башни въ іюлѣ с. г. обрушилась, а остальные три угрожаютъ паденіемъ; Строительное Отдѣленіе проситъ Общество увѣдомить, подлежитъ ли башня, какъ памятникъ старины, сохраненію, а также, какія мѣры слѣдуетъ принять къ этому сохраненію при настоящемъ состояніи башни. — Вопросъ объ Арской башнѣ уже обсуждался въ Обществѣ раньше, именно въ засѣданіи 15 февраля 1897 года, когда Общество, заслушавъ мнѣніе дѣйствительнаго члена Д. А. Корсакова, постановило увѣдомить Строительное Отдѣленіе, что сохраненіе башни желательно, а также проситъ Отдѣленіе прислать въ Общество фотографическіе снимки башни съ нѣсколькихъ сторонъ, принять временно мѣры для охраненія башни и сообщить о размѣрѣ расходовъ, требующихся на ремонтъ башни. **Постановлено:** сообщить Строительному Отдѣленію прежде состоявшееся постановленіе Общества по этому предмету.

3) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 4 октября с. г. за № 1691 съ сообщеніемъ Обществу благодарности за назначеніе депутатовъ на XI Археологическій Съѣздъ и съ препровожденіемъ для библиотекъ Общества экземпляра «Издѣній» этого Съѣзда; **постановлено:** принять къ свѣдѣнію.

4) Счетъ хранителя Болгарскихъ развалинъ Ф. Мордвишина отъ 12 октября с. г. на сто три рубля за ремонтъ развалинъ, произведенный весной сего года; **постановлено:** расходъ по этому счету утвердить.

5) Заявленіе г. Предсѣдателя объ изданіяхъ, поступившихъ въ Общество отъ авторовъ: отъ почетнаго члена Общества профессора Штита — «Referate aus der Russischen Literatur», отъ дѣйствительныхъ членовъ Общества проф. Покровскаго — «Историко-археологическая, статистическая и бытовая записка о приходѣ въ с. Раевѣ. Тамбовъ, 1899 г.» — и В. Л. Борисова — «Къ вопросу объ изданіи Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Спб. 1899 г.»; **постановлено:** благодарить жертвователей за ихъ приношенія.

6) Сообщеніе г. Предсѣдателя о предложеніи Совѣта Общества къ избранію въ почетные члены И. А. Износкова, состоящаго членомъ-учредителемъ Общества, бывшаго въ періодъ 1880—1884 гг. членомъ Совѣта, а въ періодъ 1884—1898 гг. — Товарищемъ предсѣдателя, сдѣлавшаго и дѣлающаго много пожертвованій въ Общество предметами древности и книгами, изъ которыхъ особенно выдается его послѣднее пожертвованіе нѣсколькихъ сотъ брошюръ и книгъ провинціального изданія историческаго и археологическаго содержанія. По выслушаніи слова г. Предсѣдателя Общество единогласно постановило: избрать И. А. Износкова почетнымъ членомъ Общества и изготovitъ дипломъ на это званіе.

Предложеніе г. Предсѣдателя къ избранію въ дѣйствительные члены Общества — Л. А. Зубова и М. М. Хомякова; единогласно постановлено: признать указанныхъ лицъ дѣйствительными членами Общества и изготovitъ дипломъ на это званіе.

8) Докладъ П. А. Пономарева о Маклашевскомъ городищѣ, сопровождавшійся демонстраціей предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ его; въ виду того, что при экскурсіи нынѣшняго года референтъ не могъ раскопать всего городища, а имъ изслѣдована всего $\frac{1}{2}$ часть его, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы работа эта была доведена до конца, въ виду несомнѣннаго интереса городища въ археологическомъ отношеніи. Общество, исполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ П. А. Пономарева, постановило: выразить благодарность за труды докладчику и его спутнику по экскурсіи М. М. Хомякову, просить сдѣланное сообщеніе выразить въ письменной формѣ для напечатанія его въ органѣ Общества, а также поручить референту окончаніе раскопки городища въ будущемъ году, на что ассигновать въ его распоряженіе сумму въ сто рублей. По поводу нѣкоторыхъ частныхъ докладъ П. А. Пономарева были высказаны замѣчанія В. Л. Борисовымъ, Н. Э. Катановымъ и Э. Д. Пельцамъ.

9) Сообщеніе В. Л. Борисова на тему: «Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7154 (1646) года», вызвавшее замѣчаніе проф. И. М. Покровскаго, указавшаго на существованіе въ одномъ селѣ Каванскаго уѣзда (Тарлаши) копии съ выписи изъ переписныхъ книгъ Кавани и ея уѣзда различныхъ годовъ XVII вѣка; постановлено: рефератъ г. Борисова помѣстить въ «Издвстіяхъ» Общества ¹⁾.

10) Докладъ М. С. Сыздыкова—«Нечистые духи по вѣрованіямъ киргизъ», прочтенный Н. Э. Катановымъ; постановлено: напечатать докладъ г. Сыздыкова въ «Издвстіяхъ».

11) Докладъ П. А. Пономарева—«Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Каванскаго уѣзда, близъ с. Соловцова» и Н. Э. Катанова—«Описаніе веркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею» за повднимъ временемъ отложены сообщеніемъ до слѣдующаго Собранія Общества.

Въ 9^{3/4} часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

9 ноября 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7 ч. 40 м. вечера въ актовомъ залѣ Университета за отсутствіемъ г. Предсѣдателя и Товарища Предсѣдателя Общества членомъ Совѣта А. И. Александровымъ.

Въ засѣданіи, которое почтили своимъ присутствіемъ г. Попечитель Учебнаго Округа М. М. Алексѣенко, г. Ректоръ Университета Д. И. Дубяго, г. Инспекторъ студентовъ П. П. Кочкинъ, проф. К. В. Ворошиловъ и другіе почетные посѣтители, присутствовали: предсѣдательствующій, членъ Совѣта Общества А. И. Александровъ, дѣйствительные члены: Д. В. Васильевъ, К. И. Воронцовъ, Н. К. Горгаловъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, Э. Г. Мищенко, Д. И. Нагуевскій, И. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, о. А. В. Смирновъ,

¹⁾ Напечатанъ въ «Издвстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 163—175.

А. И. Смирновъ, Н. А. Толмачевъ, М. М. Хомяковъ, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, К. С. Рябинскій, секретарь Общества В. Л. Борисовъ, сторонній посетитель К. В. Харламповичъ и гости.

С л у ш а л и:

1) Сообщение дѣйствительнаго члена Общества Д. И. Нагуевского— «Казанская гимназія наканунѣ основанія Казанскаго Университета», по окончаніи котораго г. предсѣдательствующій выразилъ референту отъ лица Общества признательность за интересно составленный докладъ.

2) Сообщение К. В. Харламповича— «Иосифъ Курцсвичъ, архіепископъ сувальскій, погребенный въ Казанскомъ Зилантовскомъ монастырѣ († 1642 г.)»¹⁾.

Остальныя два сообщенія, назначенныя въ повѣсткѣ засѣданія,—дѣйствительнаго члена Н. Э. Катанова «Описание зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Миусинскому музею», и дѣйствительнаго члена П. А. Пономарева— «Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Казанскаго уѣзда, близъ села Соловцова (по даннымъ, сообщеннымъ Н. А. Мамаевой)»—не состоялись, за неприбытjemъ въ Собраніе референтовъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни.

Въ 10 часовъ вечера г. предсѣдательствующій объявилъ засѣданіе закрытымъ.

9 декабря 1899 года.

Общее Собраніе Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи было открыто въ 7¼ часовъ вечера въ совѣтскомъ залѣ Университета г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: г. Предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, гг. дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, С. М. Антовъ, Э. Т. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, Д. А. Корсаковъ, Н. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, П. А. Пономаревъ, гг. члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, Н. И. Ашмаринъ, Э. Д. Пельцавъ, Т. С. Яковлевъ, сторонній посетитель Д. А. Кочневъ, секретарь Общества В. Л. Борисовъ и гости.

С л у ш а л и:

I. Докладъ секретаря Общества о телеграммѣ, посланной отъ имени Общества г. Предсѣдателемъ почетному члену Общества академику В. П. Васильеву съ привѣтствіемъ его по случаю болѣтія его ученой дѣятельности; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

II. Докладъ секретаря Общества о пожертвованныхъ въ Общество дѣйствительнымъ членомъ Д. А. Корсаковымъ его трудахъ: «Сборникъ актовъ, относящихся до рода дворянъ Люткиныхъ. Спб. 1899 г. и «Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Барсукова—«Жизнь и труды М. П. Погодина» т.т. VIII—XI Спб. 1894—1897 г. Спб. 1899 г.»; постановлено: благодарить Д. А. Корсакова за это приношеніе.

¹⁾ Краткое изложеніе реферата напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 240—241.

III. Докладъ секретаря Общества о пожертвованныхъ въ Общество членомъ-сотрудникомъ А. П. Аришинымъ трехъ снимкахъ (фотографическихкихъ) съ металлическаго зеркала, принадлежащихъ Минусинскому музею; постановлено: благодарить А. П. Аришина за это приношеніе.

IV. Докладъ Предсѣдателя Общества о благодарности, которую ему поручилъ выразить Обществу И. А. Износковъ за оказанную ему честь избраніемъ его въ почетные члены Общества; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Докладъ Предсѣдателя о глиняномъ сосудѣ, присланномъ въ Общество изъ с. Болгаръ хранителемъ Болгарскихъ развалинъ—Мордвининымъ; постановлено: передать означенный сосудъ для храненія въ музей Общества.

VI. Сообщение дѣйствительнаго члена П. А. Пономарева—«Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Казанскаго уѣзда, близъ села Соловцова (по даннымъ, сообщеннымъ Н. А. Мамаевой)»¹⁾. Название урочища происходитъ отъ имени дѣвушки Марини, для которой, по мѣстному преданію, Пугачевъ зарылъ въ землю кладъ, засыпавъ его сверху высокимъ курганомъ; кладъ охраняется собакой, которая препятствуетъ его разрытію. Докладчикъ склоняется къ тому мнѣнію, что указанный г. Мамаевой курганъ есть валъ, ограждавшій стоянку первобытнаго человѣка, каковому заключенію способствуетъ какъ самый характеръ земляной насыпи, такъ и мѣстоположеніе ея—по срединѣ стрѣлки или меса, образуемаго двумя оврагами. Приступая къ своему сообщенію, П. А. Пономаревъ остановился нѣсколько на исторіи изученія долины р. Казанки въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ и отмѣтилъ здѣсь фактъ, что это изученіе нисколько не подвинулось впередъ за послѣднія три десятилѣтія; фактъ этотъ не можетъ быть не отмѣченъ,—говорилъ П. А. Пономаревъ: наше Общество занимается изслѣдованіемъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири и Средней Азии и ничего не знаетъ относительно такихъ пунктовъ, какъ долина р. Казанки; между тѣмъ случайныя находки, напр. В. П. Заусайлова, обнаруживаютъ въ г. Казани очень древнюю культуру. Въ заключеніе докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы Общество обратило вниманіе на мѣстности, близкія къ г. Казани, и занялось ихъ изслѣдованіемъ, для чего предварительно было бы желательно ознакомиться съ коллекціями В. И. Заусайлова, собранными въ окрестностяхъ Казани и, въ частности, въ долинѣ р. Казанки; съ этою цѣлью П. А. Пономаревъ предложилъ Общему Собранію просить В. И. Заусайлова демонстрировать въ Обществѣ принадлежащія ему коллекціи изъ указаннаго района.

Присоединяясь вполне къ мнѣнію П. А. Пономарева о направленіи дѣятельности Общества на изученіе территоріи собственно Казанскаго края, дѣйств. членъ Д. А. Корсаковъ присоединилъ сюда еще одно пожеланіе—этнографическаго изученія Казанскаго края, блже—изученія вопроса о казанскихъ татарахъ, изученія, также остановившагося за послѣднее время и не

¹⁾ См. «Извѣстія» т. XVI, вып. 2, стр. 242.

двигающагося вове вперед; между тѣмъ какъ здѣсь, напр., было бы весьма интереснымъ опредѣленіе и изслѣдованіе татарскихъ терминовъ, относящихся до занятія земледѣіемъ, опредѣленіе момента времени, съ котораго татары стали заниматься земледѣіемъ.

Въ дополненіе къ замѣчаніямъ П. А. Пономарева и Д. А. Корсакова, дѣйств. членъ Общества В. Л. Борисовъ указалъ на желательность историческаго изученія края, въ частности—на желательность собиранія историческихъ документовъ во время экскурсій членовъ или, по крайней мѣрѣ, указанія, гдѣ такіе документы находятся; ему, напр., извѣстно, что въ д. Казань-Башъ на чердакѣ помѣщичьяго дома лежатъ въ полномъ пренебреженіи старинныя бумаги.

Въ дополненіе къ сообщенію П. А. Пономарева объ урочищѣ «Марининъ кладъ» В. Л. Борисовъ обратилъ вниманіе референта на существованіе въ 9 верстахъ отъ с. Алатъ (Казанскаго уѣзда) кургана, происхожденіе котораго также связывается съ именемъ Пугачева. Необходимость этнографическаго изслѣдованія Казанскаго края поддерживалъ также дѣйств. членъ И. М. Покровскій, указавшій на постановленіе минувшаго Кіевскаго Археологическаго Съѣзда, ходатайствующаго о введеніи въ Университетахъ кафедръ археологій, въ составъ которой должно входить сообщеніе и этнографическихъ свѣдѣній о всѣхъ народахъ Россіи.

VII. Сообщеніе дѣйствительнаго члена Н. Ѳ. Катанова—«Описаніе зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею», въ которомъ докладчикъ опредѣлялъ всѣ доселѣ извѣстные типы зеркалъ съ арабскими надписями; въ виду того, что описанное имъ въ сообщеніи зеркало составляетъ отдѣльный, самостоятельный типъ,—собраніе выразило пожеланіе, чтобы это зеркало было издано Н. Ѳ. Катановымъ въ «Извѣстіяхъ» Общества ¹⁾.

VIII. Сообщеніе Д. А. Кочнева—«Русская община въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области». Рефератъ г. Кочнева вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны дѣйств. члена В. Л. Борисова, отмѣтившаго значеніе доклада г. Кочнева въ ряду другихъ изслѣдованій положенія общинъ въ Сибири. Въ виду интереса вопроса, Собраніе просило г. Кочнева продолжить его сообщеніе въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Общества, на что г. Кочневъ изъявилъ согласіе.

IX. Сообщеніе члена-сотрудника Н. И. Ашмарина—«Программа для составленія чувашскаго словаря». Собраніе, признавая всю важность затронутаго г. Ашмаринимъ предмета, постановило: напечатать выработанную г. Ашмаринимъ программу въ «Извѣстіяхъ» Общества ²⁾, выдать автору 300 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ, и, въ цѣляхъ широкаго ея распространенія, обратиться, чрезъ посредство дѣйств. члена И. М. Покровскаго, съ просьбой къ редакціи «Извѣстій по Казанской епархіи»—помѣстить программу г. Ашмарина въ этихъ «Извѣстіяхъ».

¹⁾ Сообщеніе напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 3, стр. 273—291; изображеніе зеркала на стр. 280.

²⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 243—248.

Сообщеніе о. В. Е. Суховскаго—«О шаманствѣ у минусинскихъ татаръ», за позднимъ временемъ, было отложено до слѣдующаго Общаго Собранія Общества.

Въ 9¹/₂ часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

16 декабря 1899 года.

Общее Собраніе Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи было открыто г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ въ 7¹/₂ часовъ вечера въ VII-й аудиторіи Университета.

Въ засѣданіи присутствовали: г. Предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, дѣйствительные члены: Э. В. Благодидовъ, Д. В. Засильевъ, Э. Т. Васильевъ, П. Н. Галкинъ-Враской, П. П. Кротовъ, П. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, А. П. Смирновъ, И. П. Смирновъ, А. А. Сухаревъ, П. В. Траубенбергъ, А. А. Штукенбергъ, М. М. Хомяковъ, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, Э. Д. Пельцманъ, Т. С. Яковлевъ, секретарь Общества В. Л. Борисовъ и посторонніе посѣтители въ количествѣ около 30 человекъ.

Слушали:

I. Отношеніе Строительнаго Отдѣленія Казанскаго Губернскаго Правленія отъ 13 декабря с. г. за № 1910 съ увѣдомленіемъ Общества о печальномъ состояніи древней деревянной башни въ г. Арскѣ, грозящемъ совершеннымъ исчезновеніемъ этого памятника старины, и просьбою сообщить Отдѣленію, какія, по мнѣнію Общества, должны быть приняты мѣры къ отвращенію этого событія; постановлено: поручить секретарю Общества В. Л. Борисову путемъ личнаго осмотра ознакомиться съ состояніемъ башни, выдать ему на расходы по поѣздкѣ въ г. Арскъ потребную для этого сумму, и увѣдомить съ командировкѣ г. Борисова какъ Строительное Отдѣленіе, такъ и г. Губернатора, прося послѣдняго сдѣлать распоряженіе объ оказаніи содѣйствія.

II. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 14 декабря с. г. за № 2027 съ просьбой назначить представителей Общества въ Предварительный Комитетъ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, имѣющій собраться въ Москвѣ съ 4 по 6 января 1900 года; въ виду отказа гг. присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ Общества взять на себя представительство Общества въ Предварительномъ Комитетѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, постановлено: циркулировать отношеніе Московскаго Археологическаго Общества между гг. членами Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, не пожелаетъ ли кто либо изъ нихъ взять на себя означенное представительство.

III. Сообщеніе дѣйствительнаго члена И. Н. Смирнова—«Пережитки до-историческаго прошлаго въ бытѣ современнаго инородческаго населенія въ Поволжѣ».

Въ 9 часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

көбрөгө шытырдап каткан. Ул катын аяны көзүндө-бүлән кыйны башлады Аяның көбрөгө шарт ігің өзөлдө-дә качып-китті. Бајағы кші тағы өжөнү кайтып үгің-бүлән катынына кычкырды, күшілін карамастан: „Катын, төлкө тәттөм! іскі төлкө ат утка!“ діді. Цана-төргән піч бар-ыжы. Іскі төлкөнө алды да катыны утка атты. Аннан-суң „күшіл-бүлән балыкны, төлкөнө өйгү алып-күрүңк!“ дп карасалар, үлләр ісә, ній төлкө үк, ній балык үк. Ул арада іскі төлкө-дә қанып-китті.

Шуның-өчөн айткәннәр:

„Булыр булмаска ышанып, кулыңдагынан аярылма!“ дп, бу сүз калық арасында бір мәсәл булыи калды. „Өр!“ дпгәч айтәләр, „катын іскі төлкөнө, утка ат!“

ينه بر كشي بار ايدى بالق توتارغه باردى بالق توتوب قايقان چاقده
بولده برتولكى اوچرادى اول تولكى نى نىچوك بولسده توتوب كوشيلنه
سالدى بالق لار فائنه تولكى كيله كيله كوشيلنى تيشدى بالق لارنى بارنن
كوشيلدان برام برام يول بويىچە نوشروب بتوردى اوزى ده كوشيل
تيشوكتندان نوشوب قالدى تولكى بولداغى بالق لارنى همەسپن جيوب
آلدى بر پچان كيبانى باشنه منوب بالقنى آساي باشلادى بر آيو كيلدى ده
تولكى فائنه منه باشلادى تولكى آيونى يانكاغنه چابوب نوشوردى آيو
ايندى تولكى دوست ايجماصا برگنه قانچن مير ديدى آيوغه تولكى
بيرمادى آيو ايندى تولكى دوست بوبالقنى قاين توتدنگ ديدى تولكى
ايندى آنا شول بكى دن توندم ديدى نىچوك توتدنگ تولكى
ايندى قوبروغه قزاو بيلاب بكى كا طفوب توردمده بالق لر اوزلرى
قزاوغه كروب تولدى لار ديدى آلاى دىكاج آيوده قوبروغنه قزاو
بيلاب شول بكى كا كيندى تولكى نچفردى آيو دوست قزاونكى بكى كا
بيارده شطر شطر اينكوچه كونوب توردى شطر شطر اينسه بالق كرگان
بولور ديدى آيو شطر شطر اينكوچه توردى برخانون صوغه كيلدى
اول خانوننى كوركاج آيو تورا باشلادى اول آراده آيوننگ قوبروغى

شطر داب فاتقان اول خاتون آيونى كويانده برلان قىنى باشلادى آيوننىڭ قوبروغى شارط اينوب اوزولدى ده قاجوب كىندى باياغى كشى تاغى ايوبنه قايتوب يتوى برلان خاتوننه قىردى كوشىلن فاراماسدان خاتون تولكى نوتدم ايسكى تولكى آت اوتقه دىب جانا نورغان مېچ بارايدى ايسكى تولكىنى آلدى ده خاتون اوتقه آندى آندان صونك كوشىل برلان بالقنى تولكىنى ايوكا آلوب كرايك دىب قاراسلر جىلرلر ايسه نى تولكى يوق نى بالف يوق اول آراده ايسكى تولكى ده جانبوب كىندى شوننىڭ اوچون اينكانلار بولور بولماسقه اشانوب قولنىكداغندان آيروله دىب بو سوز خلت آراسنده بر مثل بولوب قالدى اور دىكاج اينلر خاتون ايسكى تولكىنى اوتقه آت .

Жиль былъ одинъ человекъ. Отправился онъ ловить рыбу и, наловивъ рыбы, уже возвращался домой. Дорогой ему попалась лисица. Кое-какъ поймавъ ее, онъ положилъ ее въ кошель къ рыбѣ. Лисица же, просверливъ мало по малу дыру въ кошель, спустила по одной всю рыбу изъ него на дорогу, а затѣмъ и сама спустилась изъ дыры кошеля и осталась (на дорогѣ). Всю рыбу, которая находилась на дорогѣ, она собрала и, поднѣвшись на верхушку стога сѣна, она принялась ее ѣсть. Вотъ, къ лисицѣ пришелъ медвѣдь и сталъ подниматься къ ней. Лиса, поколотивъ медвѣдя, спустила его со стога.— „Дружокъ-лисица, сказалъ медвѣдь, въ такомъ случаѣ дай мнѣ только одну щепотку“, но лиса не дала медвѣдю и этого.— „Дружокъ-лисица, сказалъ опять медвѣдь, ты откуда-же наловила рыбы?“— „Вонъ, изъ той проруби“, отвѣтила лиса.— „Какимъ-же образомъ, спросилъ онъ, ты наловила?“ Лиса отвѣчала:— „я привязала кузовъ къ своему хвосту, опустила въ прорубь и стояла. Рыбы сами нашли въ кузовъ до-полна“. Когда такимъ образомъ они поговорили, медвѣдь привязалъ къ хвосту своему кузовъ и пошелъ къ этой проруби. Лисица

закричала: — „опусти свой кузовъ въ прорубь, дружокъ-медвѣдь!“ и тотъ стоялъ и дожидался, пока не начнетъ потрескивать. Вотъ, стало трещать, а онъ сказалъ: „это, видно, рыба входитъ“, и пока потрескивало, медвѣдь продолжалъ стоять. Вотъ, одна женщина пошла за водой. Увидавъ ее, онъ сталъ приподниматься, а въ тому времени хвостъ медвѣдя уже причерзъ. Женщина эта принялась колотить медвѣдя коромысломъ. Хвостъ медвѣдя вдругъ съ трескомъ оторвался, и онъ убѣжалъ.

А тотъ человѣкъ вернулся уже домой. Придя, онъ, не глядя на свой кошель, закричалъ женѣ: — „жена! я поймалъ лису! Бросай, сказалъ онъ, въ огонь старый лисій мѣхъ!“ Печь, какъ оказалось, топила. Онъ взялъ старый лисій мѣхъ и бросилъ въ огонь. Послѣ того онъ сказалъ женѣ: — „пойдемъ, возьмемъ лисицу и кошель съ рыбой“. Но, когда они посмотрѣли, то оказалось, что тамъ только вѣтры дуютъ: нѣтъ ни лисицы, ни рыбы. А тѣмъ временемъ догорѣлъ и старый лисій мѣхъ. „И такъ, сказали они, видно, не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли чтонибудь впереди или не будетъ“.

Эти слова остались въ народѣ и стали пословицей: „вали, знай, жена, старую лисицу въ огонь!“.

Сказка девятая: ماچى برلان آيو — кошма и медвѣдь.

Бір ају зур иман башында бал кујни-тыр. Аны маҷи сизип-тир-дә иман башына мјип-тир. Маҷи бал ашап-торған чакта ају киліп-тир-дә, „мында ний ишійсји?“ дп-тир. Маҷи айтп-тир: „Мына ајуларны, бұрјіларнј Сјбір қибарјргә қазу қазамын,—мин Мағвәҗскјй пісјр!“ дп-тир. Ају бу сүзларнј јшјткәч, артына әйіәвјп, иман башыннан тәшәп-тәр-дә качып-тыр. Маҷи-дә таҗы фзј бір қакка-таба ајудан куркып качып-тыр.

جر آيو ضور ايمن باشنه بال قويوبدى آنى ماچى سبزوبدرده ايمن باشنه منوبدر ماچى بال آشاب تورغان چاقده آيو كيلوبدرده مونده نى اشلاى سن ديوبدرماچى ايتوبدر مونا آيولارنى بوري لرنى سبرياروركا يازو يازامن من مسكوسكى پيسر ديوبدر آيو بو سوزلارنى ايشنكاج آرتنه ايلانوب ايمن باشندان نوشوبدرده قاچوبدور ماچى ده ناغى اوزى بر ياقه نابا آيودان قورقوب قاچوبدر .

Одинъ медвѣдь спряталъ на вершинѣ большого дуба медъ. Пронюхала про него кошка и взобралась на верхушку дуба. Пока она стояла тамъ да ѣла медъ, въ это время подошелъ медвѣдь.—„Что ты тамъ дѣлаешь?“ спросилъ онъ. Кошка отвѣчала:—„да, вотъ, я пишу бумагу о томъ, чтобы сослать въ Сибирь медвѣдей и волковъ. И, вѣдь, московскій писарь“, прибавила она. Услышавъ это, медвѣдь обернулся назадъ, спустился съ дуба и убѣжалъ, а кошка, и сама напугавшись, удрала въ другую сторону отъ медвѣдя.

Сказка десятая: آيو برلان تولكى — медвѣдь и лисица.

Цанä ајү-бјлän төлкө дус булып-лар, шалкан сачјүлär. Шалкан өлгөргәч, шалканны кисä башлаганда төлкө ајүгä айтјү-тјр: „Узлј үзјбјзгä кузјмк шалканны!“ дп-тјр, сн кайсын аласын?“ дп-тјр. Ајү айтјү-тјр: „Ул үрдä тәрүаны-бј-лän мнн ншлјјм? мнңа өстгә тәрүаны кирäk!“ дп-тјр. Äүäl өстгән үпрагын ајү кисјб-алып-тыр, төлкөгә шалканы калып-тыр. Былар ул шалканны кискäч, бјрјн бјрј кунакка чакырышылар. Шунда ајү төлкөгә айтјү-тјр: „ай төлкө дус, сн мнң алддыл бугай! индј шалкан сачмјбиз, бөдäй сачäбјз!“ дп-тјр. Бөдäй сачјүлär. Тагын-да бөдäй өлгөргәч, ура башлаганда, төлкө ајүгä айтјү-тјр: „Цук, мнн бјргä салмыжм! сн кайсын аласын?“ дп-тјр. Ајү айтјү-тјр төлкөгә: „Сн мнң

ijijidä aładıñ! Ƴuk indı, mın bu Ƴuлы Ƴirdäğisın aлам!“ dı-
tıp. Тағын-уќ төлкө бөдäјын урыб-алып-тыр, тамыры ајуға
калып-тыр. Мынван-былай дуслыктан ајырылыптар.

بینه ایوبیرلان تولکی دوست بولوب شالفان ساچوب لیر شالفان اولکورکاج
شالفانی کیسه باشلاغانده تولکی آیوغه آیتوبدر اوزلی اوزنکا قویبق
شالفانی دیوبدر سن قابسن آلاسن دیوبدر آیو ایتوبدر اول جبرده
نورغانی برلان من نیشلم منکا اوسنه نورغانی کراک دیوبدر اول اوسندان
یافراغین آیو کبسوب آلوبدور تولکی کا شالفانی فالوبدور بولار اول
شالفان کبسکاج برین بری قوناقنه چافروشوب لار شونده آیو تولکی کا
ایتوبدر آی تولکی دوست سن منی آلدادنک بوغای ایندی شالفان
ساجیمیز بوغدای ساچامز دیوبدر بوغدای ساچوب لیر ناغنده بوغدای
اولکارکاج اورا باشلاغانده تولکی آیوغه ایتوبدر یوق من برکا صالحیم
سن قابسن آلاسن دیوبدر آیو ایتوبدر تولکی کا سن منی البکی ده
آلدادنک یوق ایندی من بو یولی جبرده کی سن آلام دیوبدر ناغنون
تولکی بوغداین اوروب آلوبدور طامری آیوغه فالوبدور موندان
بولای دوستلق دان آبرولوب درلار .

.Лисица съ медвѣдемъ были друзьями. Посѣяли они рѣпу.
Когда она выросла, они стали ее выкапывать. Лисица сказала
медвѣдю: „теперь возьмемъ (каждый) свое себѣ: ты себѣ ка-
кую часть возьмешь?“ Медвѣдь отвѣтилъ:— „что мнѣ дѣлать
съ той, которая находится въ землѣ? Мнѣ нужно ту, что
вверху“. И медвѣдь первый взялъ свою долю: себѣ отрѣзалъ
листья, а лисицѣ осталась рѣпа. Сняли они рѣпу и стали
звать одинъ другого въ гостя. Медвѣдь и сказалъ тогда лисѣ:—
„ну, другъ лисица; ты меня, кажется, обманула. Рѣпу мы
теперь уже не будемъ сѣять, а посѣемъ-ка пшеницу.“
Посѣяли они и пшеницу. Когда она созрѣла, они стали ее

жать, и лиса сказала медвѣдю:— „нѣтъ, я вмѣстѣ власть (хлѣбъ) не буду; ты какую часть возьмешь?“ спросила она. Медвѣдь отвѣтилъ лисницѣ:— „ты меня въ тотъ разъ обманула; нѣтъ, теперь ужъ я возму ту, которая находится въ землѣ“. Лисница снова съжала свою пшеницу, а медвѣдю остались стебельки.

Велѣдь за этимъ у нихъ разстроилась и дружба.

Сказна одинадцатая: ساندوغاچ برلان بدبلتی — соловей и перепелка.

Сандугач-бѣлан быдбылдык, дѣй, пар тычкан цѣкѣннѣр, дѣй. Саздан баралар, дѣй, тычканнары баткан, дѣй. Сандугач „тычү, тычү!“ дѣп тычканнары кѣа-дыр, дѣй. Быдбылдык ай-тѣ-дѣр, дѣй: „нѣй тычү, тычү? бук булдык, бук булдык!“ дѣп, ай-тѣ-дѣр, дѣй.

ساندوغاچ برلان بدبلتی دی پار طچقان جيککان لر دی سازدان بارالاردی
طچقان لاری باطقان دی ساندوغاچ نچو نچو ديب طچقان لرنی قوادر دی
بدبلتی اینه دردی نی نچو نچو بوق بولتی بوق بولتی ديب اینه دردی

Перепелка и соловей запрягли какъ-то, говорятъ, пару мышей и поѣхали черезъ болото. Мыши завязли, а соловей кричитъ: „тычу! тычу!“¹⁾ и погоняетъ мышей. А перепелка сказала:— „что ты говоришь: „тычу! тычу!“ Мы уже „бук булдык, бук булдык!“²⁾.

Сопоставимъ теперь приведенныя здѣсь татарскія сказки съ русскими. Это имѣетъ и свой интересъ и свою важность при ознакомленіи вообще съ народной словесностью того или

¹⁾ Въ дословн. переводѣ: «я хочу испражняться! испражняться!»

²⁾ Т. е. «мы уже запачкались, мы уже запачкались!» И выше и здѣсь игра словами.

ного народа, въ дѣлѣ правильного освѣщенія возникающихъ на этой почвѣ вопросовъ и взглядовъ на сущность этихъ произведеній и въ дѣлѣ выясненія мнѳологическихъ, историческихъ и бытовыхъ чертъ народа. Мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ сходны съ русскими даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, въ другихъ-же сказкахъ сходство это простирается на отдѣльныя сцены,—наконецъ, въ третьихъ можно будетъ указать лишь на общую основную мысль, которую выражаетъ сказка.

Первая татарская сказка—о Саламъ-Турханѣ—имѣетъ подобную себѣ въ русской сказкѣ о „Кузьмѣ Скоробогатомъ“ (Ав. I, стр. 503), котораго лисица также обогащаетъ при помощи разныхъ хитрыхъ продѣлокъ и потомъ женитъ на дочери царя. Сказка эта начинается съ того, что лисица повадилась таскать у Кузьмы въ его отсутствіе курицы. Кузьма подкараулилъ ее, поймалъ и хотѣлъ уже убить, но лиса обѣщала обогатить его, если онъ ее отпустить. Тотъ даруетъ ей жизнь, даже кормитъ ее, а она хитростью заставляетъ одного волка, потомъ медвѣдя, наконецъ, соболя съ кунницею собрать сорокъ сороковъ другихъ волковъ, сорокъ сороковъ медвѣдей и сорокъ сороковъ соболей и кунницъ и постепенно отводить эти стада одно за другимъ къ царю отъ имени Кузьмы. Царь весьма удивляется богатствамъ Кузьмы, а лиса для еще большаго убѣжденія его въ этихъ мнимыхъ сокровищахъ, выпрашиваетъ у него пудовку для того, чтобы вымѣрить серебро; понатыкавъ, куда было можно, по пудовкѣ мелкихъ монетъ, какъ будто недосмотрѣвъ ихъ, она возвращаетъ ее обратно царю, сватаетъ послѣ того за Кузьму дочь царя и добивается согласія. Но, такъ какъ Кузьма, повидимому, не имѣетъ даже порядочнаго платья, а не только богатствъ, то лисица подготавливаетъ подпилить мостикъ черезъ рѣчку, который приходилось ему проѣзжать. Только-что Кузьма въѣхалъ на него, мостикъ обрушился, и тотъ упалъ въ воду, лисица же поспѣшила къ царю, чтобы онъ послалъ людей своихъ перенять Кузьму. Кузьму одѣваютъ въ нарядное платье, и все это

закапчивается свадьбой его съ дочерью царя. Вотъ, подумалъ царь побывать въ гостяхъ у Кузьмы, а лиса отправилась впередъ. Хитростью она заставляеть пастуховъ встрѣченныхъ ею стада овечьяго, свинопяго, коровьяго и верблюжьяго сказывать, если кто спроситъ ихъ, кому принадлежать эти стада, что это—стада Кузьмы; хитростью же она убѣждаетъ владѣтеля этихъ земель и стада—Зміулана спрятаться въ дуплѣ дерева, гдѣ потомъ Кузьма его разстрѣливаетъ, а самъ воцаряется вмѣсто него. Въ вариантѣ къ этой сказкѣ (Аѳ. т. I, стр. 506) героемъ выступаетъ на мѣсто Кузьмы какой-то Никита Македонскій,—элементъ, очевидно, вносный, образовавшійся подъ влияніемъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Сказка варьируетъ нѣсколько содержаніе только что приведенной о Кузьмѣ и, безъ сомнѣнія, составлена изъ частей отъ разныхъ другихъ сходныхъ по содержанію сказокъ. Но есть еще одна русская сказка, и съ ней эта же татарская сходствуетъ даже въ мелочахъ; это о Бухтанѣ Бухтановичѣ (ib. 500), который представляетъ изъ себя грязнаго, лѣниваго человѣка, вѣчно валяющагося на печи. Лиса, которой пришла охота женить его, обманнымъ путемъ, подобно вышеприведенному, убѣждаетъ одного царя въ громаднхъ богатствахъ Бухтана. Одѣвъ затѣмъ Бухтана въ платье, которое какъ то нашлось у него, она повела его къ царю, но, чтобы не разочаровать послѣдняго въ его достоинствахъ, она по дорогѣ столкнула Бухтана въ грязь, побѣдила поскорѣе къ царю и просила его снабдить Бухтана всѣмъ нужнымъ и получше одѣть его въ виду такого несчастнаго случая. Царь снабдилъ ее платьемъ для Бухтана, но тотъ, какъ ни разу еще не выдавшій такого платья, за столомъ царя нигуда больше и не глядѣлъ, какъ только на себя. Царю это показалось подозрительнымъ, и онъ обратился за разъясненіемъ къ лисѣ, но лиса съумѣла найтись и отвѣтила, что Бухтанъ стыдится своего платья, такъ какъ такой дрянн онъ еще не нашивалъ, посоветала царю одѣть его въ самое лучшее, а сама между тѣмъ шепнула Бухтану,

чтобы онъ не глядѣлъ такъ на себя. Бухтанъ теперь устался на стуль, и опять на запросъ царя лиса должна была сказать, что у него такіе стулья стоятъ лишь по банямъ, а Бухтану снова шепнула, чтобы онъ не глядѣлъ въ одно мѣсто, а глядѣлъ бы „туда да туда“. Свадьбу, наконецъ, сыгралъ, Бухтана снабдили всякимъ добромъ и отправили домой на трехъ корабляхъ, а лиса бѣжить за ними по берегу и по дорогѣ овладѣваетъ для Бухтана большимъ царствомъ, которымъ владѣли до того Змѣй Змѣевичъ, Воронъ Вороповичъ и Кокоть Кокотовичъ, заставляя ихъ попрятаться въ разные мѣста и послѣ утопя въ водѣ. Въ этомъ царствѣ и поселяется Бухтанъ Бухтановичъ.

Итакъ, во 1-хъ, въ этой русской сказкѣ о Бухтанѣ, помимо полного сходства ея по внутреннему содержанію и дѣйствию съ татарской, сильно обращаетъ на себя вниманіе и чуждое русскому языку имя героя ея „Бухтанъ Бухтановичъ“; очевидно, это имя, которое должно имѣть какое-нибудь значеніе и происхожденіе, есть не русское и не вымышленное произвольно, но, что необходимо допустить, заимствовано и перешло къ намъ вмѣстѣ со всей этой сказкой изъ какихъ-нибудь породческихъ сказаній и, по всей вѣроятности, именно отъ татаръ, судя прежде всего по звуковымъ сочетаніямъ этого слова, характерному окончанію „ан“ и по распространенности этой сказки въ болѣе чистомъ видѣ у татаръ и въ Южной Сибири. На чисто русской почвѣ, конечно, и не могла бы сложиться сказка съ чуждыми элементами, и потому то имя героя ея, чуждое складу русскаго языка, прежде всего и главнымъ образомъ и служитъ доказательствомъ ея не русскаго происхожденія. Во 2-хъ, въ одномъ изъ русскихъ вариантовъ этой сказки (ib.) герой ея носитъ уже чисто русское имя и прозваніе—Ванька Голый. Очевидно, этотъ послѣдній вариантъ есть передѣлка перваго изъ стремленія, такъ сказать, обрусить сказку съ чуждыми русскому слуху и языку элементами. Но, хотя черезъ это обрусеніе сама сказка по своему содержанію и отдалилась отъ татарской, такъ какъ этотъ Ванька живетъ

уже съ матерью и ее именно посылаетъ къ богатому мужику, а уже не къ царю, за четверникомъ, чтобы вымѣрить свои деньги, а потомъ и сватать за себя дочь этого богатого мужика, однако, само прозванье Ваньки—„Голый“ взялось, конечно, изъ того мѣста татарской, гдѣ говорится, что Саламъ-Турханъ до своей женитьбы „не имѣлъ даже во что одѣться“. Въ этой сказкѣ не трудно даже установить ея постепенныя измѣненія по пути обрусѣнія: въ самомъ первомъ нетронутомъ почти видѣ мы имѣемъ ее въ той, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „Бухтанъ Бухтановичъ“ ¹⁾; затѣмъ, герой ея получаетъ уже русское имя—Ванька и прозванье—Голый, и этимъ послѣднимъ она ясно продолжаетъ еще сохранять свою связь съ татарскимъ оригиналомъ; далѣе, вполне усвоенная сказка начинаетъ варіироваться, и мы получаемъ „Кузьму Скоробогатаго“ или второй вариантъ ея (ib. стр. 501), гдѣ вмѣсто Бухтана и Ваньки Голыго выступаетъ уже промотавшійся купеческій сынъ, женитьбой на дочери богатого купца поправляющій свои разстроенныя дѣла,—черта, безъ сомнѣнія, наиболѣе поздняя. Въ 3-хъ, въ сказкахъ о Бухтанѣ Бухтановичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ герои обогащаются лисой и получаютъ себѣ царства, благодаря ея хитрости. Но, такъ какъ имѣются варианты безъ такого конца, какъ въ упомянутыхъ сказкахъ, то мы должны заключить, особенно въ виду вышеустановленнаго факта заимствованія, что конецъ сказки о Бухтанѣ приставленъ къ ней искусственно уже послѣ того, какъ она перешла къ русскимъ, тѣмъ болѣе, что Бухтанъ, напр., вдругъ отправляется отъ царя къ себѣ домой на корабляхъ, тогда какъ до сихъ поръ о существованіи моря въ сказкѣ и не упоминалось. Въ 4-хъ, этотъ же конецъ сказки о Кузьмѣ, гдѣ лиса обогащаетъ его стадами и овладѣваетъ царствомъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вставленъ и въ начало той же сказки, гдѣ лиса собираетъ стада лишь не

¹⁾ *Аван.* № 98 или подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ сходномъ почти пересказѣ въ «Москвитинѣ» за 1844 г. № 1.

домашнихъ животныхъ, но разныхъ звѣрей и кланяется ими царю отъ имени Кузьмы, такъ что составъ этихъ сказокъ и ихъ постепенное расширеніе путемъ вводныхъ, прибавочныхъ или просто повторныхъ сцепъ—воплѣ очевиденъ: основа сказки о Кузьмѣ остается та-же, что и въ сказкѣ о Бухтанѣ, Ванькѣ Голомѣ, что и въ татарской сказкѣ, т. е. мнимое измѣреніе пудовкой серебра или золота, за которымъ всюду непосредственно слѣдуетъ и главный моментъ сказки—женитьба героя на дочери царя. Въ сказкѣ о Бухтанѣ, какъ я сказалъ, конецъ ея приклеенъ какъ будто уже послѣ, и сказка, вѣроятно, оканчивалась сначала такъ, какъ и татарская о Саламъ-Турханѣ. Въ сказкѣ о Кузьмѣ Скоробогатомъ нѣтъ такихъ скачковъ въ разсказѣ, какъ въ сказкѣ о Бухтанѣ, но начало ея, гдѣ лиса отправляетъ царю отъ имени Кузьмы стада дикихъ звѣрей, есть, повидимому, простое повтореніе въ измѣненномъ видѣ конца той же сказки, который, однако, здѣсь хорошо согласованъ съ общимъ разсказомъ. Но мы еще можемъ найти одинъ татарскій оригиналъ для этихъ двухъ главныхъ русскихъ копій одного и того-же мотива,—именно въ сказкахъ тобольскихъ татаръ, гдѣ повторяется подобная вышеприведенной о Саламъ-Турханѣ подъ тѣмъ же почти и названіемъ. Въ ней мы найдемъ и эти концы русскихъ, которыхъ не имѣетъ „Саламъ-Турханъ“ и на ней увидимъ яснѣе какъ образовался конецъ русской о Бухтанѣ, и откуда взялись эти корабли, на которые я обратилъ выше вниманіе. Для большей наглядности при сравненіи я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью ¹⁾.

И былъ и не былъ у одного богача сынъ. Сынъ этотъ остался (послѣ него) сиротой, лежа на соломѣ. Его называли Саламья. Вскормила его одна лисица. Ребенокъ выросъ, и тогда лисичка отправилась сватать (за него) дочь царя.

¹⁾ Взята изъ сборника академика *В. В. Радлова*: *Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ*; часть IV, С. Петерб. 1872, стр 289 и сл. Сказка эта на русскій языкъ переведена еще не была.

Придя къ царю, она сказала: „государь Саламья просить дочь твою“. Царь отвѣчалъ: — „(это) хорошо будетъ! я дамъ! Къ такому то времени приходите дѣлать пиръ!“ Лисичка (вскорѣ) снова пошла къ царю и сказала: „государь Саламья просить у тебя пудовку измѣрить свое серебро“. Царь далъ пудовку. Лисичка взяла пудовку, пришла, украдала у другихъ людей серебряныя монеты, взяла пять-шесть монетъ и попыткала (ихъ) по щелямъ пудовки; попыткала и, отвезя эту пудовку къ царю, отдала обратно. На другой день, когда поглядѣли въ пудовку, увидали эти попыткавныя и оставленныя серебряныя монеты; царь и сказалъ: „э! зять нашъ, должно быть, богаче насъ; онъ не взялъ даже денегъ, которыя остались попыткавными“. На другой день лисичка опять пошла къ царю и снова попросила у царя его пудовку мѣрить золото. „Дайте, сказала она, вашу пудовку, которой мѣряютъ золото, чтобы смѣрить золото государю Саламьѣ“. Царь далъ свою пудовку. Лисичка взяла пять-шесть золотыхъ монетъ, попыткала (ихъ) по щелямъ пудовки и снова отдала (ее) обратно царю. На другой день, когда вышли, увидѣли снова, что оставались пять-шесть золотыхъ монетъ. Царь смотритъ и говоритъ: „этотъ зять мой въ десять разъ богаче меня“. Онъ не знаетъ, что у зятя нѣтъ рѣшительно ничего. Назначили срокъ свадьбы. Лисичка пришла къ зятю: „ну, государь Саламья сказала она, — отправимся на свадьбу; будемъ готовиться!“ Изъ соломы готовятъ они имущество, изъ соломы же готовятъ и корабли, надѣлываютъ изъ соломы солдатъ и сажаютъ ихъ на корабли. Корабли они пустили по рѣкѣ по направленію къ городу давшняго царя, просватавшаго свою дочь. Когда показался городъ царя, на корабляхъ стали видны люди во всякихъ одеждахъ — синихъ, зеленыхъ и желтыхъ. Сама же лисичка отправилась сушею. Она сказала царю: „зять твой плыветъ по водѣ на корабляхъ съ имуществомъ, людьми и казною. Выйдите на встрѣчу и примите его“. Они вышли на встрѣчу, посмотрѣли и увидали, что онъ плыветъ. Сама лисичка была колдунья. Поворотивъ,

она выпустила бурю, ударила послѣ того себя по бокамъ и закричала: „они тонуть!“ Корабль разбился, и зятя голымъ выбросило на берегъ. Лисица прибѣжала опять къ царю и сказала: „зять зашъ остался голъ: корабли потонули; потонуло имущество, казна и всѣ люди. О, царь! пошли ему одежду!“ Царь сказалъ: „имущества и парода у меня много; я пошлю ему одежду“. Царь посылаетъ хорошія шубы и одежды; люди его взяли ихъ, принесли къ Саламѣ и надѣли на него. Зять приходитъ. Царь выдаетъ (за него) дочь свою, и они дѣлають свадьбу. Когда свадьба кончилась, они стали собираться перекочевать. Царь даетъ 40 рабовъ, 40 рабынь, 40 телѣтъ съ имуществомъ, 40 тысячъ лошадей, 40 тысячъ коровъ, 40 тысячъ овецъ, и послѣ того они перекочевали вмѣстѣ съ народомъ. Лисичка сказала Саламѣ: „я пойду впередъ; на той дорогѣ я выращу растеніе ак айрык; ты иди вслѣдъ за нимъ“. Лисица отправилась и черезъ нѣкоторое время прибѣжала къ одному конскому пастуху. „Чьи это лошади?“ спрашиваетъ она. Конскій пастухъ отвѣчалъ:— „это лошади семиголоваго Ельбигена“ ¹⁾. Лисичка эта сказала: „вы не говорите, что семиголоваго Ельбигена, но говорите—государя Саламѣ: идетъ войско гос. Саламѣ, и если вы скажете, что лошади—Саламѣ, то васъ не тронуть. Приведите лошадь и заколите, и васъ не тронуть, а пройдутъ“. Лиса побѣжала дальше. Черезъ нѣкоторое время пришелъ съ людьми и Саламѣ. Давишіе люди и спрашиваютъ: „чьи эти лошади?“ Конскій пастухъ отвѣчалъ:— „это лошади государя Саламѣ“. Они остановились здѣсь; конскій пастухъ закололъ одну лошадь. Они поѣли до-сыта, а на утро встали и пошли (дальше). Лисичка на слѣдующій день прибѣжала къ одному коровьему пастуху и спросила его: „это чьи коровы?“ Коровій пастухъ сказалъ:— „эти коровы семиголоваго Ельбигена“.— „Вы не говорите такъ, сказала лисичка; если такъ будете говорить.

¹⁾ Т. е. коварнаго царя, русскій Кошеи Безсмертный. Ельбигенъ фигурируетъ часто и въ сказкахъ игородцевъ Томской и Енис. губ.

—погибнете, и вашъ скотъ разграбятъ. Вѣдь, идетъ войско государя Саламьи, и поэтому вы говорите, что эти коровы—Саламьи. Если такъ скажете, останетесь цѣлы. А когда они пріѣдутъ и остановятся,—заколите одну корову, и они пробѣдутъ мимо“. Послѣ этого лисица побѣжала дальше. Пробыла кочевка. Пріѣхали и спрашиваютъ: „чьи это коровы?“ Коровьи пастухи отвѣчаютъ:—„этотъ скотъ государя Саламьи“. Когда они пріѣхали (сюда), они остановились. Закололи корову и угощали ей. Лисичка же послѣ этого побѣжала къ овечьему пастуху. Овечій пастухъ спросилъ: „пу, лисичка! куда ты такъ стремительно бѣжишь?“ Лисичка отвѣчала:— „госуд. Саламья ѣдетъ съ своимъ войскомъ; я отъ него и убѣгаю.“ Овечій пастухъ спросилъ: „если ты бѣжишь отъ него, то куда-же мы-то дѣнемся съ овцами?“ Лисичка сказала:— „если вы скажете, что эти овцы Саламьи, заколите овцу и угостите, то васъ не тронутъ“. Сказавъ это, лисичка побѣжала впередъ. Вотъ, пріѣхалъ къ овечьему пастуху гос. Саламья. Народъ его и спрашиваетъ: „это чьи овцы?“ Когда тѣ дали отвѣтъ, они остановились. Они (т. е. пастухи) закололи овцу и угостили. Лисичка отправилась (дальше), побѣжала къ семиголовому Ельбигену и сказала ему: „ну, Ельбигень! спрячь меня!“ Ельбигень отвѣчалъ:— „какъ я тебя спрячу?“ Лисичка сказала: „вѣдь, идетъ войско гос. Саламьи, не оставляетъ ни земли, ни воды и, все сжигая огнемъ, идетъ сюда“. Ельбигень сказалъ:— „ты, дядюшка лисичка, куда-бы ни пошла, (вездѣ) спрячешься; а ты спрячь меня: я хочу самъ спрятаться!“ Лисичка отвѣчала: „какъ же я спрячу тебя?“ Ельбигень сказалъ:— „у меня есть здѣсь одинъ колодезь; ты спусти меня въ него. Есть здѣсь одинъ камень; этимъ-то камнемъ ты накрой отверстіе колодца“. Ельбигень самъ поднялъ этотъ камень и принесъ; положилъ его на отверстіе колодца и, поднявъ одинъ конецъ камня, снизу велѣлъ подпереть его бревномъ, а лисицѣ далъ топоръ. „Когда я спущусь внутрь, сказалъ онъ, ты ударь по бревну топоромъ, и камень этотъ накроетъ отверстіе колодца“. Ельбигень спу-

стился внутрь колодца, а лисичка эта ударила по бревну топоромъ и опустила камень. Ельбигень остался внутри колодца. Лиса пошла къ дому Ельбигена и увидѣла 40 амбаровъ съ 40 замками. Она отворила ихъ, и всѣ 40 амбаровъ (оказалось) были полны золотомъ и серебромъ. Вотъ, что увидѣла лисичка. Ключи она положила къ себѣ въ карманъ. Теперь она вошла въ домъ Ельбигена, набрала ковровъ и вышла. Она постлала (ихъ) на дорогѣ, по которой долженъ былъ пріѣхать Саламья и повытаскала пудовкой на дорогу изъ одного амбара золото, изъ другого серебро. Послѣ того пришелъ госуд. Саламья, люди его увидали это и сказали: „оказывается, богатства вашего зятя громадны; такимъ богачемъ и царь не будетъ“. Они приготовили всякія кушанья. Лисичка позвала Саламью къ себѣ. „Вотъ, сказала она, добро, оказанное мною тебѣ, дитя мое! Теперь никому не сообщай своего секрета. Все это тебѣ. Вотъ,—благоденствуй теперь и да будетъ счастливъ тебѣ этотъ домъ, а мнѣ да будетъ счастлива дорога! Будь доволенъ и прощай!“ Сказавъ такъ, лисичка ушла.

Итакъ, въ 5-хъ, мы знаемъ теперь изъ этой сказки, откуда взялись эти корабли, на которыхъ отправляется къ себѣ домой Бухтанъ. Въ 6-хъ, этой сказкой объясняется и то, что въ русской сказкѣ о Кузьмѣ мы находимъ ясныя слѣды кочевого быта или, по крайней мѣрѣ,—перекочевыванія; въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти стада свиней, коровъ и особенно овецъ и верблюдовъ во всякомъ случаѣ характеризуютъ кочевой бытъ и животное богатство инородцевъ Сибири, но уже никакъ не бытъ русскаго народа. Въ 7-хъ, тутъ-же, въ татарской, мы находимъ и Зміулана въ образѣ семиголоваго Ельбигена и то простое обстоятельство, что лисца, желая напугать пастуховъ и Ельбигена, говоритъ имъ, что Саламья все уничтожаетъ и сжигаетъ на своемъ пути,—обстоятельство, давшее въ русскихъ сказаніяхъ поводъ къ введенію въ разсказахъ царя Огня и царицы Малавицы, которыми лиса запугиваетъ пастуховъ и Зміулана въ Кузьмѣ Скоробогатомъ. Въ 8-хъ, мы знаемъ

теперь также, откуда взялось въ сказкѣ о Кузьмѣ и число „сорокъ сороковъ“ волковъ, медвѣдей, такъ какъ видѣли, что это самое число упоминается и въ сказкѣ о Саламѣ у тобольскихъ татаръ. Это число, которое, вѣдъ всякаго сомнѣнія, есть замѣтованное какъ здѣсь, такъ и въ другихъ русскихъ сказкахъ, въ высшей степени распространено и излюблено въ инородческихъ сказкахъ татаръ, сартовъ, гдѣ постоянно выводится то котель съ 40 ушами, то 40 комнатъ, мечъ длинной въ 40 аршинъ, 40 разбойниковъ, 40 дивовъ, 40 женъ; послѣднія, между прочимъ, встрѣтятся намъ ниже въ сказкѣ о падчерицѣ ¹⁾. Наконецъ, въ 9-хъ, и самое упоминаніе здѣсь кунвицъ и соболей указываетъ на сибирскія страны, богатыя пушнымъ звѣремъ, но населенныя тюркскими племенами, и этимъ сказка еще разъ обличаетъ свою неподлинность.—Въ кюрпискихъ сказкахъ есть одна, подобная татарской о Саламѣ-Турханѣ или русской о Бухтанѣ ²⁾. Къ царю грушъ, рассказываетъ она, повадилась таскать груши изъ его сада лиса, но однажды попала въ капканъ и за свое освобожденіе обѣщала его женить на дочери Лалинскаго царя. Далѣе она такимъ же образомъ выпрашиваетъ у этого Лалинскаго царя зирбу ³⁾ для измѣренія денегъ, сватаетъ дочь его, по пути къ царю она сталкиваетъ своего спутника въ рѣку и получаетъ новое платье, но, что должно отмѣтить, она предупреждаетъ царя грушъ, еще не доходя до Лалинскаго царя, чтобы онъ не уставлялся на свое платье, когда попадетъ въ царское собраніе. Такъ и случилось,—тотъ сталъ разглядывать свою одежду, и лисицѣ пришлось оправдывать его извѣстнымъ уже образомъ. На обратномъ пути послѣ свадьбы она овладѣваетъ для царя грушъ крѣпостью, въ которой жили дивы, а ихъ сжигаетъ, и они поселяются тутъ вмѣстѣ. Но вскорѣ лиса надѣла моло-

¹⁾ См. *Н. П. Остроумова*: Сарты. Ташкентъ, 1892 г., стр. 11, 21, 22, 65, 105, и пр. и пр.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 14, Тифлисъ, 1892 г., стр. 164, отд. 2-ой.

³⁾ Мѣра сыпучихъ тѣлъ.

дымъ, и они стали ее выживать. Тогда она пошла къ оставшемуся въ живыхъ диву и разъяснила ему все дѣло, убѣждая прогнать этого царя грушъ. И опять, дивъ не сразу повѣрилъ ея словамъ, но заподозрилъ, что она хочетъ обмануть его. Когда они приблизились къ крѣпости, царь грушъ встрѣтилъ ее упреками, что она привела къ нему только одного дива, а не всѣхъ семерыхъ. Дивъ испугался, побѣжалъ и поволочилъ за собой лису, которая и умерла.—Ясно видно, что у кюринцевъ эта сказка заимствована: во 1-хъ, она составлена изъ двухъ частей,—изъ начала „Саламъ-Турханъ“ и конца „Гюль-Назыкъ“. Такого соединенія мы еще не встрѣчали ни у кого, и потому эту сказку необходимо отнести къ позднѣйшей переработкѣ татарскихъ же, безъ сомнѣннй, сказокъ. Въ 2-хъ, изъ того, что лиса предупреждаетъ царя грушъ не разглядывать свое платье,—опять вытекаетъ то, что эта кюринская сказка могла создаться только на основаніи предварительнаго знакомства изъ татарской редакціи съ тѣмъ, что протеже лиси дѣйствительно уставлялся на свою одежду, все равно, какъ и ниже, гдѣ дивъ говоритъ лисѣ, когда она убѣждала его вернуться и выгнать изъ крѣпости царя грушъ: „эй ты, собачій сынъ! ты хочешь меня обмануть,—поведешь туда и убьешь меня!“ Дивъ, другими словами, какъ будто знаетъ или догадывается, что царь грушъ придастъ этотъ именно смыслъ возвращенію лисы, и объясненія этого обстоятельства нигдѣ болѣе нельзя искать, какъ въ фактѣ заимствованія. Наконецъ, въ 3-хъ, то обстоятельство, что тутъ фигурируетъ дивъ или, скорѣе, семь дивовъ, служитъ сильнымъ доказательствомъ ея не туземнаго развитія у кюринцевъ, потому что не только дивъ есть основа татарскихъ вѣрованій, но и самое число семь. Итакъ, татарская редакція этой сказки остается первоосновой, изъ которой развились подобныя же сказанія у другихъ племенъ и народовъ. Тотъ-же мотивъ встрѣчается у имеретишцевъ ¹⁾, но на мѣсто царя, котораго обыкновенно

¹⁾ Сбор. матеріал. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 19., Тифлисъ, 1894 г., стр. 71, отд. 2.

женить лиса, выступает мельникъ. Все идетъ обычнымъ порядкомъ, но въ концѣ сказки лиса испытываетъ мельника, на сколько онъ благодаренъ ей за сдѣланное добро.

Не повторяя вышесказаннаго о чисто восточномъ происхожденіи русской сказки о Бухтаѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ съ ихъ вариантами, перейдемъ теперь къ слѣдующей татарской сказкѣ.

И въ татарскихъ сказкахъ мы встрѣчаемся съ типомъ дурачка, который всѣ совѣты своей матери или другихъ людей понимаетъ и исполняетъ на-выворотъ. Этотъ мотивъ сильно варьируется въ русскихъ сказкахъ, но типъ Иванушки-дурачка остается вполне сходенъ съ типомъ дурака, выведеннымъ въ татарской сказкѣ,—по тѣмъ комичнымъ положеніямъ, въ которыя попадаетъ дуракъ по своей глупости и безтолковости. Въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“ (Аб. № 224) дураку между прочимъ родители поручаютъ кое-что закупить по хозяйству въ городѣ. Иванушко купилъ тамъ столъ, ложекъ, чашекъ, соли, и вотъ на обратномъ пути и начинаются его чудачества: когда лошадь его приустала, онъ снимаетъ сначала съ воза столъ и оставляетъ его на дорогѣ, потому что у него четыре ноги и онъ можетъ дойти и самъ; раскаркавшимся воронамъ онъ выставилъ на землю блюда съ съѣстными припасами, а на торчащія обгорѣлые пни въ лѣсу понадевалъ зсѣ свои горшки и корчаги, сжалившись, что ребятамъ, за которыхъ онъ принялъ пни, холодно стоять безъ шапокъ. Соль онъ высыпалъ въ воду, такъ какъ лошадь его почему-то не хотѣла пить, а онъ предположилъ, что вода не солена и потому не вкусна для нея. Наконецъ, выбросилъ и переломалъ всѣ ложки за то, что онѣ, какъ ему показалось, приговаривали въ своемъ кошелѣ, гдѣ онѣ лежали: „Иванушко-дуракъ!“, тогда какъ онѣ просто брякали одна объ другую: „брякъ! брякъ!“ Сказка эта продолжается и далѣе и имѣетъ еще нѣсколько совершенно особыхъ сценъ, но изъ изложеннаго видно, что сцены дурака со столомъ, солью и ложками цѣлкомъ сходны съ тѣми-же сценами въ татарской

сказкѣ. Въ другой русской сказкѣ — „набитой дуракъ“ (ib. № 226) мать посылаетъ какъ-то дурака къ людямъ потереться около нихъ и понабраться ума. Она даетъ ему нѣкоторые совѣты, что и какъ дѣлать въ разныхъ случаяхъ, чтобы заслужить себѣ отъ людей похвалу за помощь, доброе пожеланіе имъ и пр.; и то и другое дуракъ старается исполнить, но исполняетъ какъ разъ не тамъ и не тогда, когда нужно: во время похоронъ онъ пляшетъ и играетъ, на свадьбѣ кричитъ „капунъ да ладанъ!“ и пр. и пр., и отовсюду его провожаютъ одними лишь побоями. И татарская сказка во второй ея половинѣ весьма близко подходитъ въ этой русской по своему замыслу: мать даетъ дураку тѣ же совѣты и съ тѣми же результатами для дурака, но при совершенно другихъ только, какъ мы видимъ это изъ текста самой сказки, обстоятельствахъ.

Мы имѣемъ еще одну русскую сказку съ такимъ же содержаніемъ — „дуракъ и береза“ (ib. № 225). Первая половина ея рассказываетъ о подобныхъ же похожденіяхъ дурака, который продалъ быка березѣ, потомъ требуетъ съ нея деньги и, не получая ихъ, срубаетъ ее въ наказаніе за обманъ. Но въ деревѣ оказалось дупло, гдѣ разбойники когда-то спрятали полный кошель золота. Набравъ золота, сколько могъ, и отнеся домой, дуракъ вторично пришелъ за нимъ уже въ сопровожденіи своихъ двухъ братьевъ. На обратномъ пути имъ попадается дьячекъ и спрашиваетъ ихъ, что они несутъ. Опасаясь сообщать людямъ о своей находкѣ, братья отвѣтили, что у нихъ грибы, но дуракъ, по своему обыкновенію, сказалъ ему правду. Дьячка тотчасъ обуялъ духъ жадности, онъ бросился въ золоту и сталъ хватать его пригоршнями и совать себѣ въ карманъ. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ. Стали упрекать умные дурака, но было уже поздно, и вотъ они стащили тѣло въ пустой погребъ и бросили тамъ, а ночью тайно отъ дурака убили возла и спустили его въ тотъ же погребъ, мертвое же тѣло схоронили. Когда вскорѣ стали розыскивать дьячка, дуракъ заявилъ, что онъ

убилъ его, а братья стащили тѣло въ погребъ. Дурака заставили спуститься туда. Онъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: „вашъ дьячекъ черный?“ — „Черный,“ отвѣтили ему. „И съ бородой?“ — „Да, и съ бородой.“ — „И рога есть?“ — „Какіе тамъ рога, дуракъ!“ — „А вотъ, смотрите!“ и онъ выбросилъ голову. Люди смотрятъ, — дѣйствительно, козелъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись.

Анализируя этотъ разсказъ, прежде всего замѣчаемъ, что послѣдняя сцена о дьячкѣ искусственно прикрѣплена къ разсказу о березѣ и находкѣ золота. Нѣтъ, конечно, никакой естественности въ томъ, что дьячокъ вдругъ бросается на тронхъ людей и выхватываетъ у нихъ золото. Очевидно, эта сцена нужна была для того лишь, чтобы заставить дурака убить дьячка и потомъ опять послѣдовательно уже вести разсказъ о новой сценѣ, да и дураку въ виду того, что онъ вообще выводится безкорыстнымъ существомъ, всѣми обижаемымъ, всякому уступающимъ, логичнѣе было-бы и тутъ уступить дьячку золото, а не убивать его: это скорѣе должны были сдѣлать именно его умные, но жадные братья. Въ этомъ мѣстѣ гораздо естественнѣе татарскій разсказъ, гдѣ дуракъ, встрѣтивъ старика, вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ одной изъ искушавшихъ его собакъ и, во исполненіе совѣта своей матери, убиваетъ его, — естественнѣе потому, что въ подобныхъ сказкахъ вообще и всюду дуракъ одинъ предметъ принимаетъ за другой: пни за ребята, воронъ за какихъ-то вестрицъ и, будучи послѣдователемъ себѣ, старика за собаку. Далѣе, спустившись въ погребъ, дуракъ, по татарской сказкѣ, прежде всего, конечно, и обращаетъ вниманіе на рога козла и объ нихъ прежде всего и задаетъ вопросъ. Это такъ именно и должно быть, потому что, во 1-хъ, въ темномъ погребѣ не до различенія цвѣтовъ, что заставляетъ дѣлать дурака русская редакція, во 2-хъ, борода козла не могла обратить на себя вниманія дурака, равно какъ бессмысленно было спрашивать ему и о цвѣтѣ потому, что борода есть общій придатокъ и козла и человѣка и не дѣлаетъ различ-

нія между тѣмъ и другимъ, и лишь въ послѣдяхъ дуракъ задаетъ вопросъ о рогахъ, между тѣмъ какъ руки его должны были коснуться ихъ прежде всего, когда онъ нашелъ въ погребѣ трупъ возла. Этотъ вопросъ единственно естественный и долженъ былъ-бы въ русской сказкѣ и поставленъ быть на первомъ мѣстѣ, что и сдѣлала татарская, но, такъ какъ тогда прямо исключалась бы возможность для сказки распространиться въ ширь и заставить дурака предложить нѣсколько лишнихъ вопросовъ, то она и ставитъ его въ-третьихъ, нисколько не заботясь о логикѣ. Выводъ же отсюда, конечно, тотъ, что менѣе запутанный, болѣе естественный рассказъ, есть и болѣе древняя редакція, каковой, слѣдовательно, и должна считаться татарская. Я укажу здѣсь еще на одну несообразность въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“, которая приведена мной выше въ пересказѣ. Мы видѣли, что въ этой русской сказкѣ повторены и другія сцены татарской о столѣ, соли, ложкахъ. Но откуда-же въ русскомъ рассказѣ вдругъ взялись блюда съ съѣстными припасами, которыя дуракъ выставилъ воронамъ? Объ нихъ ни однимъ словомъ не упоминается въ перечнѣ того, что закупилъ дуракъ на базарѣ,—тамъ приведены лишь столъ, ложки, чашки и соль, и всѣмъ этимъ предметамъ сказка и отводитъ свое мѣсто. Очевидно, что здѣсь опять искусственно введена лишняя сцена для большей занимательности; заимствованіе сказки было сдѣлано, а вставить новую сцену успѣли лишь механически, вслѣдствіе чего это неловкое введеніе стоитъ особнякомъ и даетъ основательный поводъ заподозрить національное развитіе сюжета, какъ то-же самое мы увидимъ нѣсколько ниже въ татарской сказкѣ о падчерницѣ. Въ татарской редакціи всѣ эти сцены тѣсно сгруппированы въ одно цѣлое и, вѣроятно, заимствуемая русскимъ эпосомъ по отдѣльности, онѣ обставлялись иными подробностями, искусственно присоединялись къ существовавшимъ, быть можетъ, уже ранѣе рассказамъ о такихъ же приключеніяхъ дурака или же вновь создававшимся подъ вліяніемъ заимствованнаго сюжета. Въ самомъ дѣлѣ, подоб-

ные рассказы сильно распространены на востокѣ, и мы убѣдимся въ томъ, что и этотъ мотивъ и развитіе его цѣликомъ восточнаго происхожденія, если сравнимъ еще съ этими русскими сказками рассказы у другихъ племенъ, обитающихъ на окраинахъ Россіи. У сванетовъ, напр., въ сказкѣ о дуракѣ ¹⁾ также рассказывается тотъ эпизодъ, какъ дуракъ этотъ продалъ корову дереву въ лѣсу (ср. русскую сказку), но, не получая денегъ за нее, срубилъ его и нашелъ подъ корнями котель съ золотомъ. Онъ взялъ оттуда только 25 руб., за которые уступилъ корову, а за остальными деньгами отиравился уже его старшій братъ. Далѣе, во всемъ мусульманскомъ мірѣ—у персовъ, турокъ, азербейджан, крым. и казачскихъ татаръ, русскихъ сартовъ и пр. весьма популярны рассказы про Насръ-Эддина, ученаго муллу, жившаго въ концѣ 14-го и началѣ 15-го вѣка въ Малой Азіи и притворявшагося юродивымъ ²⁾. Въ нихъ повторяется рѣшительно то-же самое, что рассказывается, напр., въ русской сказкѣ о набитомъ дуракѣ, который то трется въ буквальный смыслъ о мужиковъ, полагая, что такъ именно и надо понимать слова своей матери, совѣтовавшей ему потереться около людей, чтобы понабраться ума, то желаетъ другимъ носить—не переносить, возить—не перевозить покойниковъ, то желаетъ людямъ молотить три дня и намолотить всего лишь три зерна и т. под. Точно также и Насръ-Эдинъ на свадьбѣ читаетъ заукойную молитву; человѣку, рѣзавшему свинью, вмѣсто того, чтобы пожелать ему: „да будетъ на пользу, да наполнится домъ и да наполнятся горшки“, говоритъ то, что говорится при покойникѣ, а это послѣднее пожеланіе о наполненіи дома и горшковъ высказываетъ испражняющемуся человѣку и т. д.

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 10., 1890 г., отд. III, стр. 14.

²⁾ Рассказъ про Насръ-Эддина см. въ Извѣст. Общ. Археологій, Ист. и Этногр. при Казан. Унив. за 1894 г., т. 12, стр. 190 и т. 13, стр. 70 и сл.

Итакъ, въ итогѣ мы должны опять придти къ тому заключенію, что татарская редакція этой сказки о дуракѣ чище, не запутана излишними сценами и не противорѣчитъ себѣ, какъ русская, и въ то же время мотивъ ея такъ сильно распространенъ на мусульманскомъ востокѣ, что она и должна быть признана за первоначальную, изъ которой, безъ сомнѣнія, и образовались русскія сказанія на тотъ же сюжетъ.

Однимъ изъ любимыхъ мотивовъ русскаго народнаго эпоса являются отношенія между злой мачихой и падчерицей. Основная мысль всѣхъ сказокъ съ этимъ содержаніемъ та, что доброта, покорность своей судьбѣ, повинновеніе старшимъ при нихъ, хотя-бы и несправедливыхъ, требованіяхъ и непосильномъ обремененіи работой, состраданіе къ людямъ—должны получить въ концѣ концовъ свою награду, злоба же, эгоизмъ и т. под. отрицательныя черты никогда не остаются безъ должнаго возмездія. Эти идеи выражаются во многихъ русскихъ сказкахъ подъ различными заглавіями: „Морозко“ (Ав. № 52), „дочь-падчерица“ (№ 54), „Баба-яга“ (№ 58) и др. Тѣ же самыя мысли проводятся и въ татарской „падчерица“, и здѣсь опять наблюдается самое сильное сходство между ними не только съ этой стороны, но и со стороны развитія дѣйствія и даже тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя попадаетъ падчерица. Въ русскихъ—падчерица оставляется отцомъ своимъ, дѣйствующимъ по настоянію мачихи, то въ сугробѣ снѣга среди чистаго поля, но не замерзаетъ потому, что умѣетъ ласково отвѣтить на вопросы Мороза, и тотъ, сжалившись надъ ней, богато одѣваетъ ее и снабжаетъ большимъ сундукомъ, полнымъ всякаго приданаго, то она попадаетъ въ землянку въ лѣсу, и, научаемая мышками, которыхъ она покормила по своей добротѣ, успѣшно играетъ съ медвѣдемъ въ жмурки и награждается имъ за то стадомъ коней и возомъ всякаго добра. Но далеко не такъ счастливо обходится другая дочь мачихи, которую послѣдняя также отправляетъ то въ поле, по одной сказкѣ, то въ лѣсъ въ землянку,

по другой, въ надеждѣ, что и эта, любимая ею, дочь привезетъ ей столько-же, если еще не болѣе, разнаго добра и богатства. Родная дочь мачихи оказывается не такъ добра и ласкова, чтобы пріятливо отвѣтить Морозу или накормить мышекъ и жестоко платится за это: въ первомъ случаѣ она замерзаетъ, а во второмъ—се задушаетъ и съѣдаетъ медвѣдь. И въ этихъ вариантахъ русскихъ сказокъ и въ татарской на сцену выводятся собаки, которыя оба раза встрѣчаютъ старика, возвращающагося изъ поѣздки за дочерями: собаки эти папередъ знаютъ, что случилось съ той или другою дочерью и пролаиваютъ это при приближеніи старика. Въ вышеупомянутой русской сказкѣ „Баба-яга“ отецъ также подъ вліяніемъ мачихи отвозитъ дочь свою къ Бабѣ-ягѣ, и послѣдняя, испытавъ ея исполнительность, покорность и аккуратность при выполнении задаваемыхъ ей разныхъ трудныхъ работъ, щедро награждаетъ ее. Когда же старикъ привезетъ къ ней и другую дочь свою, то та нашла себѣ здѣсь смерть, потому что не умѣла исполнить работы, заданной ей колдуньей. Слѣдовательно, даже и типъ Бабы-яги въ этой сказкѣ тотъ-же самый, что и въ татарской „карчык убыр“, т. е. старухи-колдуньи ¹⁾. И опять, когда старикъ возвращается домой сначала съ разбогатѣвшей дочкой, а потомъ съ востами другой, ему на встрѣчу выбѣгаютъ собаки и пролаиваютъ то-же, что и въ предъидущихъ сказкахъ. Итакъ, разница здѣсь въ татарской и русской сказкахъ самая небольшая,—лишь въ тѣхъ работахъ, которыя задаетъ этой падчерицѣ Баба-яга или старуха колдунья.

Интересно, что въ этой татарской сказкѣ о падчерицѣ упоминается волшебный, повидимому, клубокъ, въ которому обращается въ затруднительныхъ случаяхъ и падчерица и

¹⁾ Эта карчык убыр — قرچق اوبر известна и учувашъ подъ именемъ «вобурь»: полное звуковое и по значенію сходство съ нашимъ «упыр», о которомъ Леанасега дѣлаетъ разныя догадки въ «поэтич. возвр. слав. на природу»: т. 3, стр. 563.

сестра ея, оставленная въ лѣсу своимъ братомъ, и изъ того, что значеніе этого клубка въ татарской сказкѣ не выяснено точно и опредѣленно, и онъ не оказываетъ никакого вліянія на положеніе одинокой дѣвушки въ лѣсу, хотя она то и дѣло обращается къ нему съ одними и тѣми-же словами, я думаю, что эта сцена съ клубочкомъ заимствована въ эту татарскую сказку изъ русскихъ, гдѣ тотъ же клубокъ играетъ вполне опредѣленную роль и всегда указываетъ герою сказки путь въ таинственные страны, по которому ему должно слѣдовать ¹⁾). Очевидно, значеніе этого клубка въ русскихъ сказкахъ не усвоено вполне татарской, и сцена съ клубкомъ остается въ ней какой-то посторонней, вводной и лишь усложняющей и затемняющей смыслъ и ходъ дѣйствія; но эта вставка—самаго позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ въ другихъ вариантахъ этой сказки—этой сцены мы вовсе не находимъ. Въ одномъ сборникѣ татарскихъ сказокъ ²⁾ приведенъ вариантъ той же самой сказки съ тѣми же самымъ ходомъ дѣйствія, но дѣвушка не имѣетъ никакого клубка и при встрѣчѣ съ пастухами и колдуньей она просто спрашиваетъ ихъ, не видали-ли они ея брата. Она получаетъ отъ нихъ на это отрицательный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ болѣе послѣдователенъ, чѣмъ тотъ утвердительный, который она получаетъ въ приведенной нами сказкѣ, такъ какъ въ ней, несмотря на это, никто изъ встрѣчающихся на пути пастуховъ все-таки не указываетъ ей ни дороги къ нему, ни гдѣ онъ находится, и она, плача, продолжаетъ свой путь далѣе и далѣе. Здѣсь мы видимъ случай вліянія или позаимствованія сказаній однимъ народомъ на счетъ другого, но позаимствованіе, не усвоенное еще вполне первымъ, почему это-то наслоеніе и можно такъ легко отдѣлать отъ коренной основы, которая, очевидно, имѣетъ у нашихъ инородцевъ также не малое распространеніе:

¹⁾ Аванас. № 71—в, № 94—стр. 492, № 102—стр. 39 и др.

²⁾ Bálint Gábor: Kazáni-tatár szövegek és fordítás; Budapest, 1875, стр.

мы встрѣчаемъ ее, между прочимъ, и у сартовъ ¹⁾). Мотивъ тутъ тотъ-же самый, небольшая разница лишь въ развитіи дѣйствія и, кромѣ того, сказка кончается совершенно иначе. Мачиха, какъ и вездѣ въ сказкахъ, ненавидитъ неродныхъ для нея дѣтей—пятерыхъ дочерей и одного сына и добивается того, что старикъ соглашается, наконецъ, избавить ее отъ нихъ. Онъ запрягаетъ лошадь въ арбу и беретъ ихъ съ собою собирать туговья ягоды. Отыскавъ старшій высокій тутъ среди поля, онъ даетъ наказъ дѣтямъ подбирать внизу ягоды, которыя онъ будетъ сбирать съ дерева, взобравшись на него и стуча колотушкой по сучьямъ, и не глядѣть вверхъ, такъ какъ на поднявшаго голову тотчасъ упадетъ толстая вѣтка и убьетъ его. Постукавъ немного, онъ привязалъ колотушку къ вѣткѣ, раскачалъ ее, а самъ слѣзъ съ дерева и тихонько уѣхалъ домой. Дѣти долго еще продолжали собирать ягоды, пока узнали, что отца ихъ нѣтъ ни на деревѣ, ни возлѣ—въ полѣ. Погоревали брошенные дѣти и пустились наугадъ. Далѣе сказка идетъ иначе и становится почти совершенно похожей на нашу „сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка“ (*Аван.* № 146): всѣ дѣти, за исключеніемъ старшей, напившись нечистой воды, превращаются одинъ за другимъ въ обезьяну, волка, тигра и дикую козу; эта послѣдняя слѣдуетъ за сестрой и послѣ помогаетъ царю, женившемуся на этой дѣвушкѣ, обнаружить обманъ своихъ другихъ 39-ти женъ, надъ которыми онъ поставилъ ее главной и которыя изъ зависти утопили ее въ пруду. Тотъ же мотивъ встрѣчается у закавказскихъ татаръ ²⁾, но старикъ, убѣжавшій отъ дочери, завезенной имъ въ лѣсъ за цвѣтами, повѣсилъ на дерево свою папаху, а дочь его, вернувшись къ этому мѣсту, подумала, что онъ превратился въ дерево. Заплутавшись, она

¹⁾ См. *Н. П. Остроуновъ*: Сарты, этногр. матеріалы, вып. 2, Ташкентъ, 1892, стр. 95, ск. № XVI «влая мачиха и коварныя жены царя».

²⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 101, ск. № 4—«влая мачиха».

встрѣчаетъ въ лѣсу царевича и становится его женой. Случайно она узнаетъ своего отца въ нищемъ, который проситъ подъ окномъ милостыню и посылаетъ его за своей матерью, не помня ея зла. Но та, раздосадованная такимъ оборотомъ дѣла, велитъ старику завести къ лѣсу и свою дочь, чтобы и она стала царицей. Дочь ея, оставленная въ лѣсу, такъ громко хныкала, что сбѣжались звѣри и растерзали ее, а мачиха въ горѣ и досадѣ убилась и сама.

Такимъ образомъ, хотя одна отдѣльная сцена этой татарской сказки о падчерицѣ и заимствована изъ русскихъ, повидному, сказаній, однако вся сказка настолько распространена у татаръ и имѣетъ настолько оригинальную композицію, что должна считаться во всякомъ случаѣ самостоятельной.

Слѣдующая сказка—о Гюль-Назыкѣ является также самостоятельнымъ восточнымъ сказаніемъ о встрѣчѣ съ человекомъ одного изъ нечистыхъ духовъ, по повѣрьямъ татаръ,— „дивь-пери.“ Дивы эти являются человеку обыкновенно въ лѣсахъ и въ поляхъ и притомъ въ различныхъ видахъ. Живутъ они въ особенныхъ городахъ своихъ подъ землею и моремъ, но также и на землѣ, гдѣ они, между прочимъ, владѣютъ тѣми мѣстами, въ которыхъ положенъ кладъ. Существа эти непримиримо враждебны татарину, но бываетъ и такъ, что сообразительный татаринъ перехитряетъ ихъ, какъ, напр., въ приведенной сказкѣ, или же заставляетъ ихъ отступить предъ „бисмилля“, т. е. „во имя Бога единого“. Этотъ дивъ *دبو* есть дивъ нашего Слова о полку Игоревѣ: „дивъ кличетъ върху древа“, это дивъ украинской клятвы: „щобъ на тебе дивъ пришовъ“, дивъ сербскихъ пѣсень, болгарскихъ загадокъ и пр. Сочетаніе „дивь-пери“=*دبو پری* въ строгомъ смыслѣ не точно, такъ какъ дивъ есть злой духъ, а перидобрый: „дивъ=зени. *daéva*=genius malus, daemon; пери=зени. *pairika*=angelus, spiritus bonus“¹⁾). Въ русскихъ сказ-

¹⁾ J. A. Vullers: lexicon persico-latinum, Bonnæ, 1855,—подъ соответствующими словами.

какъ нѣтъ подобной этой татарской „Гюль-Назыкъ“, хотя тотъ способъ, которымъ Гюль-Назыкъ удаляетъ изъ своего дома дива, живо напоминаетъ заключительную сцену одной русской сказки „змѣи и цыганъ“ (Ае. № 86): когда цыганъ со змѣею подлѣзжали къ дому цыгана, послѣдній, указывая змѣю на выбѣжавшихъ имъ на встрѣчу дѣтей своихъ, сказалъ ему: „то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!“ Напуганный змѣи поспѣшилъ бѣжать. Совершенно также и Гюль-Назыкъ даетъ понять диву, что онъ съ семей употребляетъ дивовъ въ пищу и, желая будто-бы угостить его, велитъ своей женѣ принести оставшуюся отъ вчерашняго обѣда голову дива, чѣмъ и заставляетъ своего гостя поспѣшно бѣжать изъ его дома ¹⁾. Сильнѣе русская сказка „цыганъ и змѣи“ подходит къ одной киргизской „старикъ и левъ“ ²⁾, въ которой повторяется тотъ же самый почти мотивъ. Одинъ бѣдный старикъ, рѣшивъ состязаться сплани съ дивомъ, предлагаетъ ему сначала вышибить изъ земли жость, помѣряться потомъ величиной своихъ вшей и, наконецъ, вырывать съ корнями деревья. Во всѣхъ этихъ задачахъ онъ весьма просто осиливаетъ дива: ударивъ ногой въ землю въ то мѣсто, гдѣ имъ заблаговременно былъ зарытъ кувшинъ съ молокомъ, онъ разбилъ его и разбрызгалъ молоко, тогда какъ у дива не вышло ничего, сколько онъ ни топалъ, и эта сцена напоминаетъ ту русскую, когда цыганъ со змѣею выжимаютъ воду изъ камней; вмѣсто вши онъ вытащилъ изъ-за пазухи черепаху, и та побѣжала отъ него иноходью, а онъ выдалъ ее за свою вошь. Не будучи въ состояніи выдернуть дерево, онъ заявилъ диву, что если онъ выдернетъ его, то убьетъ дива, а если подброситъ вверхъ,

¹⁾ Эта же самая сказка о Гюль-Назыкъ въ вольномъ переводѣ А. К. Насырова приведена въ Запискахъ Император. Русскаго Географич. Общ-ва по отдѣленію Этнографіи, т. 6., Петерб., 1880, стр. 238 и сл.

²⁾ См. Этнографич. матеріалы въ Сборникѣ матеріаловъ для статист. Смиръ—Дарьинскія области, т. VI., Ташкентъ, 1897, ч. 2-ая, стр. 107.

то уничтожить и солнце; дивъ, конечно, просилъ его не дѣлать этого, обѣщая дать ему за это кусокъ золота, что только и нужно было старику. Послѣ того дивъ повелъ старика къ себѣ въ домъ и оставилъ ночевать, а ночью, сговорившись съ женой, рѣшилъ изрубить его. Но старикъ слышалъ ихъ разговоръ и спрятался, а когда дивъ ударилъ шашкой въ то мѣсто, гдѣ лежалъ старикъ, послѣдній сталъ ворчать, что его кусаютъ блохи и онъ не имѣетъ покоя и что утромъ онъ постарается расправиться за это съ дивомъ. Дивъ напугался, награбилъ его золотомъ и самъ принесъ его въ домъ къ старику. Старикъ, между тѣмъ, велѣлъ женѣ приготовить обѣдъ: „приготовь, сказалъ онъ, грудинку прежняго дива, а если нѣтъ, то голову вотъ этого“, указавъ онъ на пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ. Дивъ убѣждалъ отъ него, но на встрѣчу ему попала лисица и стала увѣрять его, что старикъ этотъ совершенно безсиленъ, что она и то обираетъ его и выдаетъ у него козу, и они повернули назадъ. Когда же старикъ увидалъ, что они возвращаются, онъ крикнулъ лисицѣ, что, вѣроятно, она ведетъ этого дива къ нему въ счетъ стараго долга ему своихъ родителей, и дивъ, услышавъ это, схватилъ лисицу за хвостъ, ударилъ ее объ землю и убилъ, а самъ убѣжалъ. Итакъ, эта киргизская сказка въ сценахъ состязанія человѣка съ дивомъ вполне походитъ на русскую „цыганъ и змѣй“, гдѣ цыгану также приходится прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы убѣдить змѣя въ превосходствѣ своихъ силъ. Заключительная сцена этой киргизской сказки напоминаетъ и русскую и татарскую, а фраза старика, когда онъ заказываетъ своей женѣ обѣдъ для угощенія гостя или когда онъ обращается къ лисицѣ, возвращающейся съ дивомъ,—совершенно одна и та-же, что и въ татарской.

Нѣчто подобное же рассказывается и въ вотяцкихъ сказкахъ ¹⁾. Нѣкто Иманай занимался въ лѣсу охотой изъ.

¹⁾ См. Извѣст. Импер. Казан. Унив. 1892, кн. № 14.

лука на зѣбрей. Однажды онъ встрѣтился съ духомъ Шурали (то же, что нашъ лѣшій), который за что-то порѣшилъ его убить; охотникъ заподозрилъ это и потому ночью, пока Шурали спалъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ и прикрылъ его одеждой, а самъ спрятался въ лѣсу. Шурали проснулся, взял заостренный желѣзный колъ и, раскаливъ его на огнѣ, воткнулъ въ чурбанъ, думая, что тутъ подъ одеждой лежитъ охотникъ; а тотъ въ это время пустилъ въ него изъ лука стрѣлу. Далѣе сказка идетъ иначе. У закавказскихъ татаръ мы опять находимъ подобный же рассказъ о встрѣчѣ одного труса съ дивомъ ¹⁾. Герой этой сказки былъ настолько трусливъ, что боялся одинъ выходить изъ дому даже по неотложной надобности на дворъ и его всегда сопровождала въ такихъ случаяхъ жена. Онъ, наконецъ, былъ выгнанъ своей женой и вотъ встрѣчается съ дивомъ, съ которымъ и рѣшается состязаться въ силахъ. Стали они давить камни, чтобы выжать изъ нихъ разнообразныя воды, и трусъ одерживаетъ верхъ тѣмъ, что раздавливаетъ яйцо и выпускаетъ изъ него желтокъ съ бѣлкомъ, тогда какъ дивъ могъ раздавить камень только въ песокъ. Далѣе повторяется сцена съ черепахой, выдаваемой имъ за вошь и, наконецъ, дивъ бѣжитъ отъ него, но встрѣчаетъ лису и т. д. Эта сказка известна также у курдовъ подъ тѣмъ-же названіемъ и въ такомъ же пересказѣ, но тутъ лишь мать оставляетъ своего сына въ полѣ и не пускаетъ домой ²⁾. Опять повторяется, между прочимъ, сцена съ раздавливаніемъ яйца,—прототипъ, слѣдовательно, раздавливанія камней въ русской сказкѣ цыганомъ и змѣемъ, повторяется сцена съ лисой, какую мы видѣли уже раньше.

У горскихъ татаръ мы снова встрѣчаемъ рассказъ о трусѣ, выгнанномъ своими двумя женами ³⁾. Трусъ встрѣ-

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 109 «о трусѣ».

²⁾ Ibid. вып. 20, 1894 г., отд. 2, стр. 21—«трусъ».

³⁾ Ibid. вып. 23, 1897 г., отд. 3., стр. 13, сказ. № 2—«трусъ».

чаетъ Емегена, одноглазаго исполина со многими головами (=Ельбигенъ тобольскихъ татаръ) и пробуетъ съ нимъ свои силы на выдавливаніи изъ камней воды; вмѣсто яйца трусъ давить здѣсь кружокъ сыра, который держалъ у себя въ рукахъ. За обѣдомъ трусъ, поѣвъ обычное для человѣка количество мяса, оправдывается предъ Емегеномъ тѣмъ, что онъ далъ обѣтъ воздерживаться нѣкоторое время отъ пищи, т. е. то же, что и въ русской, гдѣ цыганъ предпочитаетъ разсердиться и совсѣмъ не ѣсть, чтобы не выдать себя предъ змѣемъ. Когда Емегенъ пришелъ въ домъ въ этому трусу, то жены послѣдняго подаютъ ему совѣтъ избавиться отъ него, намекнувъ, что они употребляютъ Емегеновъ въ пищу. Онъ такъ и дѣлаетъ и громко велитъ женѣ своей зажарить шашлыкъ изъ мяса Эмегена. Тотъ бѣжитъ отъ него, встрѣчаетъ дорогой лисицу, которая уговариваетъ его вернуться, но, опять введенный въ обманъ словами труса, обращенными къ лисѣ, убиваетъ лису и окончательно убѣгаетъ.

Замѣтивъ вообще, что крылатые и многоголовые змѣи, такъ часто выводимые въ нашихъ сказкахъ, не могутъ быть ни созданіемъ фантазіи славянскихъ народовъ, ни олицетвореніемъ какихъ либо небесныхъ явленій, какъ молній, тучи, бури и пр. и должны быть непременно привнесены въ нашъ народный эпосъ съ востока, хотя-бы изъ тѣхъ-же индійскихъ сказаній, потому что самый образъ этого чудовища долженъ былъ быть взятъ, конечно, изъ какихъ нибудь реальныхъ образовъ, безъ которыхъ онъ не могъ бы и создаться, которые человѣкъ могъ-бы наблюдать въ окружавшей его природѣ и которые заключала и заключаетъ въ себѣ только роскошная природа тропическихъ странъ въ видѣ дѣйствительно существующихъ громадныхъ змѣй, удавовъ и др. звѣрей, область географическаго распространенія каковыхъ не простирается высоко къ сѣверу, замѣтивъ, между прочимъ, то же самое и относительно другихъ таковыхъ же животныхъ, звѣрей или птицъ, какъ левъ, жаръ-птица и пр. и пр., т. е. что всѣ эти сказки не могутъ не быть съ значительной долей примѣси

восточныхъ сказаній, замѣтимъ въ частности, что и эта русская подѣ заглавіемъ „змѣи и цыганъ“ въ виду изложенныхъ обстоятельствъ и въ виду распространенности того-же мотива — встрѣчи человѣка съ чудовищемъ, ихъ стремленія избавиться другъ отъ друга, ихъ соперничанья въ своихъ силахъ, при чемъ верхъ беретъ всегда человѣкъ,—въ виду распространенности ея у ппородцевъ, какъ-то: татаръ, киргизъ, вотяковъ, также должна быть отнесена скорѣе къ разряду не самостоятельныхъ, но заимствованныхъ. Но крайней мѣрѣ, это съ такой очевидностью доказывается ея отдѣльными сценами, какъ выжиманіе изъ камня воды, обѣдъ у змѣя или дива, возвращеніе домой, что можно съ полной увѣренностью выдать ее за восточное произведеніе, перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, отъ или чрезъ посредство тюркскихъ племенъ, вообще оказывавшихъ и оказывающихъ такое сильное вліяніе на языкъ, нравы и самыя вѣрованія русскаго народа.

Слѣдующая сказка—„Байдыкъ“ представляетъ изъ себя скорѣе шутливый рассказъ о похожденияхъ и приключеніяхъ одного человѣка, который постоянно попадаетъ въ затруднительное положеніе. Въ русскихъ сказкахъ нѣтъ сходной съ ней за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ мелкихъ сценъ, но это на столько общее и неопредѣленное сходство, что, конечно, говорить здѣсь о какой нибудь связи ихъ съ русскими было-бы по меньшей мѣрѣ не научно. То, напр., мѣсто сказки, гдѣ Байдыкъ попадаетъ въ глубокой оврагъ, напоминаетъ собой, какъ Иванъ-царевичъ былъ брошенъ въ пропасть своими братьями (Аѳ. № 104-с); та сцена, гдѣ Байдыкъ навиваетъ себѣ на руку хвостъ волка, и этотъ хвостъ разрывается отъ тяжести, которую приходилось тащить волку изъ оврага,—знакома также и русской сказкѣ, хотя сопровождающія ее обстоятельства совершенно иныя (ib. № 24-b): портной, котораго хочетъ слѣсть волкъ, навиваетъ себѣ на руку его хвостъ и потомъ бьетъ волка до тѣхъ поръ, пока тотъ не отрываетъ хвоста и не убѣгаетъ отъ него. Но сказокъ, сходныхъ съ разбираемой татарской по общему харак-

теру ея, по ея шутливому тону, въ которомъ разсказывается о приключеніяхъ героя, существуетъ большое количество и среди русскихъ, хотя по сюжету всё онѣ отстоятъ слишкомъ далеко отъ этой татарской, чтобы ихъ можно было сопоставить между собой въ чемъ нибудь inomъ, кромѣ этого общаго характера.

Полнымъ сходствомъ съ русскими отличается еще одна татарская сказка „три сына“, именно ея вторая часть, занимающаяся исключительно третьимъ сыномъ. Русскія сказки имѣютъ двѣ вариации на ту же самую тему: „Шабарша“ (Ао. № 88) и „Иванко-Медвѣдко“ (ib. № 89); первая изъ нихъ вполне сходна съ татарской, но въ ней нѣтъ лишь той сцены, гдѣ чертенокъ спорить съ человѣкомъ, кто изъ нихъ сможетъ пронести вокругъ озера жеребца, а съ другой стороны—она имѣетъ по сравненію съ татарской двѣ лишнія: бѣгъ чертенка въ перегонки съ зайцемъ и споръ о томъ, кто сильнѣе свиститъ. Сцена съ лошадыю приводится за то въ сказкѣ „Иванко-Медвѣдко“, но ни та, ни другая изъ русскихъ сказокъ не имѣютъ конца татарской, того конца, гдѣ чертенокъ едва спасается отъ предложеннаго ему угощенія и собакъ въ домѣ человѣка, съ которымъ онъ передъ этимъ спорилъ; не встрѣчается и разговоръ между чертенкомъ и этимъ человѣкомъ по пути къ дому послѣдняго. Имѣются еще двѣ вариации этой татарской сказки¹⁾; обѣ онѣ оканчиваются на томъ, какъ чертенокъ накладываетъ своему сопернику-человѣку деньги и шляпу и вырытую подъ ней яму, но въ первой чертенокъ откупается отъ него, не пробуя даже состязаться съ нимъ въ силѣ и ловкости, вторая же разсказываетъ дѣло такъ, какъ и въ вышеприведенной татарской сказкѣ, но, какъ уже было замѣчено, она также не имѣетъ заключительной сцены между чертенкомъ и человѣкомъ въ домѣ послѣдняго. Подобная же сказка известна и у Карагасовъ, но разсказывается она кратко и безо всякихъ

¹⁾ *Bálint Gábor: Kazáni—tatár szövegek es fordítás, стр. 32 и 49.*

объясненій ¹⁾). Начинается она прямо съ того, что, когда одинъ человекъ налаживалъ на берегу сѣть, изъ воды вышелъ водяной духъ и сталъ съ нимъ бороться, но былъ побѣжденъ. На другой день онъ опять вышелъ изъ воды, но человекъ предложилъ ему помѣряться силами съ его младшимъ братомъ-медвѣдемъ, и духъ опять былъ побѣжденъ. Тогда они стали состязаться въ томъ, кто изъ нихъ дальше сможетъ забросить какой-нибудь предметъ; духъ забросилъ свой вѣтухъ за облако, а человекъ побѣдилъ его тѣмъ, что закинулъ талину за себя, такъ что духъ ее и не впдалъ. Тотъ призналъ себя побѣжденнымъ и дозволилъ людямъ ловить рыбу, а самъ обѣщалъ не выходить изъ воды. Очевидно, что эта сказка по ея неотдѣланности, краткости и другимъ чертамъ есть отголосокъ татарской. Вотьякамъ извѣстна эта сказка о спорѣ человека съ водянымъ изъ-за озера, но, по всѣмъ признакамъ, она перешла къ нимъ также отъ татаръ черезъ посредство, какъ увидимъ ниже, черемисъ ²⁾): въ началѣ сказка заявляетъ, что у одного человека было три сына (какъ и въ татарской), но на сценѣ фигурируетъ лишь одинъ, а объ остальныхъ двухъ не упоминаетъ вовсе. Сцены состязанія почти тѣ-же самыя, что и въ татарской: сначала борьба, но съ медвѣдемъ, какъ въ карагасской; затѣмъ, бѣгъ въ перегонки съ зайцемъ, какъ въ русской „Шабарша“, метаніе дубины на облако и сцена съ кобылой—какъ въ татарской; наконецъ, человекъ также получаетъ денегъ полную яму и шляпу, прикрывающую ее собой. По дорогѣ къ дому его велитъ зачѣмъ-то водяному захватить мельничный жерновъ и борону, но для чего сюда введены эти предметы, остается невыясненнымъ,—вѣроятно, потому только, что они встрѣчаются въ татарской.

¹⁾ П. Ө. Катановъ: Поѣдка къ Карагасамъ въ 1890 г. С.-Петербург. 1891, стр. 28.

²⁾ Б. Гаеримовъ: Произведенія народной словесности: обряды и повѣрья вътяковъ. Изд. Правосл. Миссіон. Общества. Казань. 1880, стр. 133, сказка № 12.

Водяного напугивают тѣмъ, что хотятъ сварить его голову; отъ страха онъ, говоритъ сказка, приподнял уголь дома и выскочилъ. Эта послѣдняя фраза какъ будто цѣлкомъ взята изъ татарской о Гюль-Назыкѣ. Наконецъ, въ этой вотяцкой сказкѣ водяной всюду называется пери, т. е. словомъ, взятымъ, очевидно, вмѣстѣ со сказкою отъ татаръ, такъ какъ это существо составляетъ предметъ вѣрованій татаръ. Но водяной даже названъ въ ней неправильно, потому что сами татары никогда не называютъ злого духа пери, но дивъ-пери или просто дивъ, у вотяковъ же удержалась только одна половина его имени. Наконецъ, черемисская сказка о томъ, какъ одинъ черемисинъ обманулъ чорта, напечатанная Т. С. Семеновымъ въ „Извѣст. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казан. Унив.“ (т. 14, вып. 1, 1897 г., стр. 121), весьма подробно останавливается на всѣхъ сценахъ состязанія чело-вѣка съ чортомъ. Черемисинъ, говоритъ она, осматривая свою борть при озерѣ, замѣтилъ, что бортевыя веревки обтерлись. Онъ надралъ лыка и усѣлся на берегу вить веревку, а въ озерѣ этомъ, какъ оказалось, жилъ чортъ со своей матерью. Чортъ вылѣзъ изъ воды и, услышавъ отъ черемисина, что онъ хочетъ унести съ собой ихъ озеро, по приказанію матери своей вступаетъ съ нимъ въ разные состязанія: въ перегонки, гдѣ его въ первый разъ черемисинъ обогналъ верхомъ на лошади, а во второй отослалъ къ зайцу—своему брату; въ борьбѣ, гдѣ чорта одолеваетъ медвѣдь; въ чесаніи спины другъ другу, при чемъ черемисинъ спасается только тѣмъ, что обвязалъ себя въ семь рядовъ еловой корой, которую чортъ принялъ за его кожу; въ метаніи вистеня и въ свистѣ. Наконецъ, чортъ уступаетъ: насыпаетъ чело-вѣку деньгами шляпу, яму подъ ней и самъ переноситъ все это въ домъ черемисина по желанію его. По дорогѣ чортъ захватываетъ лодку, которую черемисинъ выдаетъ за ткацкій челнокъ своей матери, мельничный жерновъ, выданный за веретенное кольцо, прясло изгороди, стогъ сѣна, стожарникъ (т. е. жердь, которой поддерживается сѣно), соху, борону,—чтобы показать

послѣ эги удивительныя вещи своей матери. Войдя въ домъ, черемисинъ велѣлъ своей жепѣ сварить къ обѣду голову пришедшаго съ нимъ чорта, но тотъ, услышавъ это, приподнялъ стѣну, выскочилъ и убѣжалъ безъ оглядки. Итакъ, вотяцкая сказка, повидимому, отсюда именно воспользовалась нѣкоторыми эпизодами, не усвоивъ, однако, ихъ объясненія; я говорю про то, что и тамъ пери захватываетъ съ собой, но не извѣстно для чего, разныя вещи. Но для насъ важна въ данномъ случаѣ распространенность этой сказки у инородцевъ,—татаръ, карагасовъ, вотяковъ, черемисъ, хотя-бы и заимствованной одними отъ другихъ, такъ какъ это можетъ служить доказательствомъ сильнаго вліянія татарскаго сказанія и самобытности его у татаръ; это тѣмъ болѣе, что сказки о трехъ сыновьяхъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ весьма распространены у всѣхъ угро-финскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ народовъ.

Много комическаго элемента заключается въ слѣдующей сказкѣ—объ умномъ сынѣ, который недоволенъ своими недалекими родными людьми и уходитъ изъ дому странствовать по свѣту для разрѣшенія занимающаго его вопроса, есть ли нѣтъ на свѣтѣ еще болѣе глупые люди. Русская сказка „Лутоюшка“ (Др. № 227) съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ и съ тѣмъ же самымъ элементомъ въ высшей степени сходна по замыслу своему съ татарской. Также плачутъ здѣсь старуха со старикомъ (а въ татарской—съ дочерью) о томъ, что будущія дѣта ихъ сына (въ татарской же—дѣти дочери) могутъ пострадать, зашибиться, умереть, но въ татарской сверхъ этого для большей и необходимой полноты добавлена еще одна сцена матери и дочери съ боровой, тогда какъ въ русской сказкѣ сынъ уходитъ тотчасъ-же послѣ первой сцены. Также и точно въ такихъ-же словахъ Лутоюшка заявляетъ о своемъ уходѣ изъ дома и также дорогой онъ натывается на такихъ людей, которые своими поступками убѣждаютъ его, что его мать далеко еще не такъ глупа, какъ онъ сначала рѣшилъ было, не выдавъ свѣта и людей. Первая релакція

русской сказки кончается прибауткой, но вторая заставляет Луговню вернуться домой и сказать своей матери, что он никого не нашелъ умнѣ ихъ,—слѣдов., тѣмъ же, что и татарская. Сцены глупости человѣческой, которыя приходилось наблюдать умному во время его путешествія, не одинаковы въ сказкахъ татарской и русской, но рассказъ объ одной изъ встрѣчь татарскаго умнаго сына въ его поискахъ за дураками,—именно съ людьми, таскавшими рѣшетами свѣтъ къ себѣ въ избу, которая не имѣла ни оконъ, ни дверей, повторяется въ русскомъ сказаніи о томъ, какъ Богъ наказалъ людей за непочтительное отношеніе ихъ къ солнцу, когда онъ впервые далъ его людямъ: тутъ приводится та-же сцена, какъ бабы вышли со своими рѣшетами набирать въ нихъ свѣтъ и таскать его въ свои хаты ¹⁾).

Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ—„о глупости“ царь приказываетъ найти и привести къ нему такого человѣка, который превосходилъ бы глупостью всѣхъ дураковъ, живущихъ на свѣтѣ ²⁾). Посланные этимъ царемъ визири, между прочимъ, встрѣтили на деревѣ человѣка, который сидѣлъ на вѣткѣ и ее-же рубилъ, и опредѣлили, что это и есть глупѣйшій человѣкъ. У Имеретинцевъ есть подобный же рассказъ подъ названіемъ „кто глупѣе“ и съ тѣмъ же почти развитіемъ дѣйствія, что и въ татарской ³⁾). Жена одного крестьянина послала дочь свою за водой на рѣку. Та увидала на другомъ берегу дерево и расплакалась, представивъ себѣ то, что будущія дѣти ея, если она выйдетъ за-мужъ, могутъ полѣзть на это дерево, сорваться и убитыся. Мать, пождавъ ее, послала за ней среднюю сестру, но та, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединилась къ сестрѣ; черезъ нѣкоторое время пришла къ нимъ

¹⁾ Русская Рѣчь, 1861, № 41, стр. 600.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дарьин. обл., т. III, 1894 г., Ташкентъ, стр. 32.

³⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 19, 1894 г., отд. 2, стр. 30, сказка № 5.

и сама мать и начала въ свою очередь плавать и причитать еще громче и сильнѣе своихъ дочерей. А крестьянинъ, между тѣмъ, вернулся домой съ работы голодный, страшно разсердился на своихъ дурь и ушелъ изъ дому. Тутъ, въ своихъ странствованіяхъ онъ встрѣчаетъ много сценъ еще бѣльшей глупости, довѣрчивости, отличныхъ отъ всѣхъ извѣстныхъ уже намъ по вышензложеннымъ сказкамъ, и возвращается домой, успокоенный тѣмъ, что его домашніе оказались не послѣдними изъ дураковъ на свѣтѣ. Слѣдовательно, мотивъ приведенныхъ сказокъ татарскихъ и русскихъ здѣсь опять повторяется, хотя и на иной ладъ, и опять мы, слѣдов., должны противопоставить ивродческія редакціи этой сказки по ея содержанію русской и сдѣлать выводъ, что мотивъ ея не чуждъ сказкамъ татарскимъ и киргизскимъ и въ русскихъ сказкахъ если даже и самостоятеленъ, то вовсе не оригиналенъ.

Русскія сказки имѣютъ массу вариаций на тему о хитростяхъ, употребляемыхъ лисицей при ея встрѣчахъ съ людьми или звѣрами. Приведенная здѣсь татарская сказка о томъ, какъ лисица обманула мужика и повытаскала у него наловленную имъ рыбу, оригинальна только тѣмъ, что мужикъ ловитъ живую лису, которая сначала и не думаетъ о кражѣ рыбы, что послѣ того лиса сталкивается не съ волкомъ, какъ въ русскихъ, а съ медвѣдемъ и его именно научаетъ искусству хвостомъ ловить рыбу въ проруби, и тѣмъ еще, что сказка эта возвращается къ сценѣ между обманутымъ мужикомъ и его женой и кончается нравоученіемъ не поступать никогда и ни въ чемъ такъ поспѣшно, какъ этотъ мужикъ, поторопившійся уничтожить по возвращеніи домой старый лисій мѣхъ, не справившись, цѣль-ли новый, найденный имъ на дорогѣ. Въ русской же сказкѣ (Ао. № 1) жена бранитъ своего мужа за то, что онъ вздумалъ ее обманывать, сказавъ ей по приѣздѣ своемъ, что онъ привезъ ей не только рыбу, но даже лисій мѣхъ на воротникъ къ шубѣ. Въ одномъ

вариантъ этой сказки у татаръ ¹⁾ лисица, притворившаяся мертвой, попадаетъ въ мѣшокъ съ хлѣбомъ въ дровосѣку, который отправился въ лѣсъ нарубить дровъ. Дровосѣкъ такъ обрадовался своей находкѣ, что, не нарубивъ даже и дровъ, воротился домой и прежде всего поспѣшилъ бросить въ топившуюся печь свой старый малахай, мечтая о новомъ изъ мѣха поднятой имъ лисицы. Но оказалось, что въ мѣшкѣ не только лисицы, но вѣтъ и хлѣба, да и самый мѣшокъ продрывленъ и испорченъ, потому что, поясняетъ сказка, лисица для того именно и притворилась мертвой, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь. Слѣдовательно, здѣсь сюжетъ тотъ же самый, по лишъ предметъ кражи иной—хлѣбъ, да и лисѣ не приходится больше ни съ кѣмъ сталкиваться, а сейчасъ мы увидимъ, что и хлѣбъ этотъ замѣнится просто зерномъ. Среди инородцевъ нашихъ восточныхъ и южныхъ окраинъ эта сказка о кражѣ лисицей рыбы у мужика распространена нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ и среди русскихъ. Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ „похожденія одной лисицы“ ²⁾ приводится разсказъ о томъ, какъ лисица, ловко отмаявъ далеко отъ гумна всѣхъ хлѣбопашцевъ, сама поспѣшила назадъ и стала проворно разбрасывать во всѣ стороны очищенное ими зерно. Если принять во вниманіе, что въ мѣстности, небогатой рѣками и рыбой, труднѣе могла притвориться или создаться сказка съ извѣстнымъ уже у насъ содержаніемъ, и рыба должна была замѣниться болѣе распространеннымъ тамъ продуктомъ, то станетъ очевидно, что эта хитрость лисицы тождественна съ той, которую она употребляетъ при кражѣ рыбы съ воза у мужика. Въ неизданныхъ матеріалахъ профессора Каз. Унив. *Н. О. Катанова* находится такая же сказка, записанная имъ 31 мая 1898 года со

¹⁾ Книга *Абду'ль-Аллаха Фейль-Ханова* *حکایات و منالآت* Казань, 1890, стр. 3.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дар. обл. т. 3., стр. 18 и сл.

словъ менцерыка ¹⁾. Въ ней лисица крадетъ рыбу съ воза обычнымъ способомъ, но заставляетъ ловить ее хвостомъ изъ рѣки не медвѣдя, а волка, какъ и въ русской. Кончается она такъ же, какъ и русская,—на утро волкъ, избитый бабьими коромыслами, отрываетъ свой хвостъ, примерзшій за ночь ко льду, и убѣгаетъ безъ него. Другая сказка, записанная имъ же 23 юня 1898 г. такъ же со словъ башкира ²⁾, рассказываетъ эту сказку съ небольшою вставкою, а страдающимъ лицомъ является не волкъ, а опять медвѣдь. Рыболовъ, возвращаясь домой, увидѣлъ на дорогѣ мертвую лису и положилъ ее въ ведро изъ лубка къ рыбѣ. Лисица повыбросала ее оттуда, а потомъ и сама убѣжала, рыболовъ же, придя домой, прежде всего поспѣшилъ бросить свой малахай, какъ ненужный теперь, въ огонь. Но, когда въ ведрѣ не оказалось ни лисицы, ни рыбы, то старуха стала ему выговаривать, что онъ не сумѣлъ сохранить рыбу, и совѣтовала ему класть ее не въ ведро, а въ пологъ. Рыболовъ, выйдя какъ-то изъ дому, нашелъ иглу; помня этотъ совѣтъ, онъ засунулъ ее въ пологъ и послалъ за ней свок старуху, но та, вонечно, не нашла ее, а объяснила, что ее надо было-бы воткнуть въ одежду на грудь. Рыболовъ вскорѣ послѣ того нашелъ гдѣ-то косу, прикрѣпилъ ее себѣ на грудь и такъ возвратился домой,—словомъ, мотивъ уже извѣстный и въ русскихъ сказкахъ и отчасти напоминающій дурака русскихъ сказокъ, который какъ разъ наоборотъ и не тамъ, гдѣ надо, исполняетъ въ точности добрые совѣты своей матери, или того же глупаго сына татарской сказки № 2. Между тѣмъ, къ лисицѣ подошелъ медвѣдь, и лиса, не желая дѣлиться съ нимъ рыбой, даетъ ему обычный совѣтъ—самому наловить себѣ рыбы изъ проруби. А на утро и медвѣдь долженъ былъ спастись отъ бабьяго коромысла безъ хвоста.

¹⁾ Витебскаго солдата *Мирсейфа* въ дер. Слэкъ (на прав. берегу рѣчки Курсакъ въ Белоб. у. Уфим. губ.)

²⁾ Виленскаго солдата *Вали-Азметъ Ходжа Азметова*, въ дер. Суракаево, близъ дер. Слэкъ.

Итакъ, мы нашли повтореніе мотива этой сказки у татаръ, киргизъ, мещеряковъ и башкиръ, а если принять во вниманіе къ этому сходство у различныхъ народовъ всѣхъ вариантовъ этой же сказки, которые приведены въ статьѣ *Л. Колмачевскаго* ¹⁾, то нельзя будетъ не согласиться съ нимъ, что сцена ловли хвостами медвѣдемъ или волкомъ рыбы въ рѣкѣ — могла возникнуть лишь изъ естественнаго стремленія древняго человѣка объяснить себѣ причину, почему у однихъ звѣрей хвостъ короче, чѣмъ у другихъ, такъ какъ человѣкъ не желалъ примириться съ тѣмъ, что это не произошло вслѣдствіе какой либо случайности. Но *Колмачевскій* допускаетъ (стр. 282), что этотъ сюжетъ, несомнѣнно, проникъ съ Востока и только на Западѣ онъ получилъ самостоятельное развитіе, и выводъ Колмачевскаго станетъ вполне вѣроятнымъ и необходимымъ постулатомъ, если прибавимъ къ этому, что на Востокѣ по преимуществу, если не исключительно, и развились сказанія о происхожденіи разныхъ животныхъ и птицъ. Въ книгѣ Рубгузи „разсказы о пророкахъ“ ²⁾ содержится много такихъ именно сказаній, какъ о животныхъ и пр.; подобныя же сказанія записаны и *проф. Н. О. Катановымъ* въ Китайскомъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что только дальнѣйшее изученіе народныхъ сказаній пашихъ и породцевъ поможетъ намъ установить и тѣ пути, по которымъ шло это заимствованіе.

Татарская сказка „о кошкѣ съ медвѣдемъ“ совсѣмъ не встрѣчается въ русскихъ сборникахъ сказокъ. Правда, котъ весьма нерѣдко выступаетъ въ послѣднихъ, какъ главное дѣйствующее лицо, но при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, хотя и тамъ и тутъ онъ все-таки надѣляется одними и тѣми-же чертами—хитростью, сметливостью, умѣньемъ найтись въ

¹⁾ Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ,—въ «Извѣст. Импер. Каз. Унив. 1892 г.»

²⁾ 15-го вѣка, на уйгурскомъ языкѣ. Въ Казани издавалась нѣсколько разъ; въ послѣдній—въ 1899 году.

неблагопріятномъ ему положеніи. Въ одной изъ нихъ (Аѳ. № 18) онъ называетъ себя передъ лисой присланнымъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, подобно тому какъ въ татарской—московскимъ писаремъ, наугиваетъ этимъ званіемъ волка и медвѣдя и заставляеть ихъ съ почтеніемъ относиться къ его особѣ. Многія изъ нашихъ сказокъ кончаются подобно татарской тѣмъ, что звѣри, напуганные котомъ, убѣгаютъ отъ него въ одну сторону, а самъ опъ въ другую (Аѳ. № 19 и вар.). Присвоеніе себѣ котомъ въ этой сказкѣ званія московскаго писаря уже опредѣляетъ приблизительно время ея зарожденія.

И татарскія сказки знаютъ нѣсколько варіацій на тему о томъ, какъ лиса, а въ русскихъ мужикъ, съ медвѣдемъ сѣяли рѣпу и пшеницу,—то въ сжатой передачѣ, то въ болѣе пространной, только въ русскихъ сѣвъ этотъ происходитъ сообще между мужикомъ и медвѣдемъ, а лиса лишь послѣ выступаетъ на сцену и либо защищаетъ мужика отъ медвѣдя, либо сама страдаетъ отъ него (Аѳ. № 7), въ татарскихъ же редакціяхъ въ сказку совсѣмъ не вводится третье лицо. Помимо этого, русская редація этой сказки во всѣхъ остальныхъ частяхъ вполнѣ сходна съ татарской. Среди татаръ сказка эта имѣетъ нѣсколько варіантовъ. Въ книгѣ *Абдуль-Аллама Фейзъ-Ханова* ¹⁾ приведена эта же сказка въ очень пространной передачѣ. Дѣйствующими лицами являются и здѣсь лиса съ медвѣдемъ, и дѣйствіе идетъ совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ и въ русской. Затѣмъ, въ цитированномъ выше сборникѣ татарскихъ сказокъ *Bálint Gábor* (стр. 30) сказка эта выводитъ на сцену уже мужика и медвѣдя, т. е. то-же, что и въ русскихъ варіантахъ. Взглянемъ теперь опять на сказки другихъ инородцевъ. Въ чувашской сказкѣ ²⁾ сѣвъ ячменя, а потомъ рѣпы происходитъ между черемисномъ и

¹⁾ *حكايات ومثالات* —стр. 3.

²⁾ См. *Милейлова*: Чувашскіе разговоры и сказки. Казань, 1853 г., стр. 50 и сл., сказка № 2.

медвѣдемъ, и отличительныя или добавочныя сцены здѣсь заключаются въ томъ лишь, что медвѣдь, прежде чѣмъ поприбавать листья рѣпы, свалилъ ихъ къ себѣ въ берлогу и тамъ сгноилъ, а потомъ, когда сталъ жевать, конечно, нашелъ ихъ невкусными и выбросилъ. Проголодавъ всю зиму, медвѣдь вздумалъ отомстить черемисину, но тотъ опять напросился къ нему въ дружбу и уговорилъ его помочь ему раскалывать пни деревьевъ. Медвѣдь, ничего не подозрѣвая, допустилъ черемисину зажать обѣ свои переднія лапы въ щели надколотаго пенька и поплатился въ концѣ концовъ своею жизнью за эту дружбу съ человѣкомъ. Какъ видимъ, въ чувашской редакціи сказка эта пополнена противъ татарскихъ заключительной сценой между человѣкомъ и медвѣдемъ, которая имѣется во всѣхъ русскихъ вариантахъ, но въ этихъ послѣднихъ мужику удается убить медвѣдя лишь съ помощью хитрой лисицы и нѣсколько инымъ способомъ, а здѣсь черемисинъ обходится собственными силами. Наконецъ, и у вотяковъ ¹⁾ мужикъ также надуваетъ медвѣдя, засѣвая сообщая съ нимъ сначала рѣпу, а потомъ горохъ и, какъ и въ чувашской, медвѣжьей долѣ каждый разъ приходится лишь гнить. Такимъ образомъ, мы имѣемъ на лицо: три различныхъ варианта этой сказки у татаръ, редакціи чувашскую и вотякую.

Послѣдняя приведенная здѣсь сказка — „перепелка и соловей“ принадлежитъ къ отдѣлу такъ называемыхъ анекдотическихъ произведеній народнаго юмора. Среди русскихъ сказокъ такихъ имѣется много, хотя и не съ тѣмъ содержаніемъ, что въ татарской. Тождественная съ этой сагайская сказка находится въ неизданныхъ матеріалахъ проф. Н. О. Катанова, записанная имъ 7 янв. 1889 г. со словъ сагайца ²⁾, и я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью: „воростель и перепелка ѣхали пить водку, сидя верхомъ на одной лошади.

¹⁾ Извѣст. Импер. Казан. Univ., 1892 г., стр. 286, сказка № 9.

²⁾ Минусинск. у. Енисейск. губ. — *Олмока Чертыкова* (живущ. на правомъ бер. рѣч. Аскимъ, лѣваго притока Абакана, впадающаго въ Енисей).

Были они пьяны. Лошадь ихъ упала въ грязь. Коростель кричитъ только: „тарт, тарт!“ (т. е. тащи, тащи!), а перепелка отвѣчаетъ: „пот полбас, пот полбас!“ (т. е. вѣтъ нельзя, вѣтъ нельзя!)“.

Очевидно, что въ этой сагайской сказкѣ и въ вышеприведенной татарской разговоры между коростелемъ и перепелкой и между перепелкой и соловьемъ—чисто звукоподражательныя. Но опять нельзя здѣсь не отмѣтить этой удивительной одинаковости сюжета и полнаго сходства въ развитіи его въ этихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ въ двухъ далекихъ одна отъ другой мѣстностяхъ и у двухъ различныхъ племенъ. Впрочемъ, это можно объяснить склонностью народа къ игрѣ словами, такъ какъ слова перепелки „буд-булдык“ и „пот полбас“, равно какъ слова соловья „тычу, тычу“ и коростеля „тарт, тарт“ должны, по мнѣнію народа, изображать подобіе крика этихъ птицъ, и если въ первомъ случаѣ онъ удачно соединилъ въ одномъ словѣ звукоподражательное значеніе съ известнымъ смысломъ слова, то во второмъ и „тычу“ и „тарт“ вставлены въ сказку съ значительной натяжкой звукового подобія съ крикомъ этихъ птицъ.

Сходство всѣхъ татарскихъ сказокъ съ русскими простирается и дальше. Нѣкоторыя изъ нихъ и обанчиваются на чисто русскій ладъ и въ заключеніи своемъ часто имѣютъ какое-нибудь выраженіе, либо резюмирующее смыслъ всей сказки и предлагающее для свѣдѣнія слушателя нравственное правило или замѣчаніе, либо же просто какую-либо поговорку, шутливую замѣтку: „чего не причиняетъ человѣку зависть!“ выводитъ поученіе одна сказка изъ примѣра, представляемаго падчерицей и родной дочерью; „не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли что-нибудь впереди или не будетъ“, говоритъ въ назиданіе другая; „дешево прибрѣтенное—даромъ и уходитъ“, морализируетъ третья. Подобная мораль не чужда, конечно, и русскимъ сказкамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются такъ же, какъ и татарскія: „такъ и выходитъ, что правдою то жить лучше, чѣмъ кривдою“, заключаетъ сказка о правдѣ и

крикѣ; или: „сколько ни горевали, а послѣ сказали: вотъ каково не слушаться“¹⁾). Но есть сказки, и не пмѣющія такого окончанія съ нравственно-поучительнымъ характеромъ; есть заключенія, почти совершенно подобныя нашему „и я тамъ былъ, медь-пиво пилъ“ и т. д., какъ, напр., заключительныя слова первой сказки: „однажды я пошелъ къ нимъ и возвратился уже поздно вечеромъ; меня сильно угостили: сидя на верхушкѣ кола, я пилъ чай“, или въ серединѣ сказки „Байдыкъ“: „а женщина и сейчасъ еще сидитъ да ждетъ“. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ часто заканчиваются и наши сказки: „когда онъ (т. е. герой сказки; см., напр., Ао. № 227, № 28) проснется, тогда и сказка моя далѣе начнется, а теперь пока вся“ и много другихъ т. под.

Въ дополненіе примѣчаній къ двумъ вышеприведеннымъ сказкамъ—о Саламъ-Турханѣ и умномъ сынѣ необходимо замѣтить, что такія же сказки встрѣчаются еще и у другихъ тюркскихъ племенъ: первая—у Черневыхъ татаръ колѣна „Күзөн“, живущихъ у устья р. Лебеди, около впаденія ея въ р. Бію; она приведена въ сборн. „Образцовъ народ. литерат.“ В. В. Радлова (ч. I, С.-Петербург. 1866 г.), а вторая—у Таранчей (сбор. Радлова, т. VI, стр. 197).

Суть содержанія сказки о Саламъ-Турханѣ та же самая, что и въ разобранныхъ уже нами выше вариантахъ: лисица, покровительствуя одному спротѣ, замыслила женить его на дочери великаго чиновника. Такимъ же образомъ она беретъ у этого чиновника безменъ сначала для вывѣски масла и, возвращая его, намазываетъ веревку безмена, а потомъ для вывѣшиванія денегъ, которыхъ у ней вышло, какъ она сообщила великому чиновнику: бумажныхъ—70 пуд., а мѣдныхъ сто. Послѣ этого она отправляется съ сиротой за невѣстой на семи сняхъ, но по дорогѣ сталкиваетъ его и всѣхъ лошадей съ санями съ моста, чтобы не дать замѣтить ихъ об-

¹⁾ Ао. I, стр. 223; 59; также: II—374, 499 и пр.

манъ. Великій чиновникъ сказалъ однако, что кадыма ему не надо, такъ какъ онъ уже достаточно убѣдился въ богатствѣ сироты и готовъ отдать свою дочь за него и такъ. послѣ свадьбы они отправились обратно, а лисица побѣжала впереди поѣзда. На пути своемъ она встрѣтила домъ, въ которомъ жили змѣи; эти послѣднія поспѣшили попрятаться въ сѣно, гдѣ и были сожжены, а сирота поселяется въ ихъ домѣ и тутъ, справляя пиры, они семь сутокъ пили вино и семь сутокъ чай.—Эта сказка ничего новаго, конечно, не можетъ прибавить къ тому, что было сказано раньше, и мы указываемъ здѣсь на нее, какъ на лишнее и наглядное доказательство большой распространенности ея у тюркскихъ племенъ. Змѣи, которыхъ сожигаетъ въ сѣнѣ лиса и въ домѣ которыхъ поселяется ея сирота, мы противопоставимъ Змѣю Змѣвичу, выводимому въ русской сказкѣ о Бухтанѣ Бухтановичѣ или Зміулану въ Козьмѣ Скоробогатомъ, замѣтивъ при этомъ, что и тутъ татарскій разсказъ объ уничтоженіи этихъ змѣй гораздо проще, чѣмъ въ русскихъ, гдѣ Змѣя Змѣвича заворачиваютъ въ солому и бросаютъ въ воду, а Зміулана, спрятавшагося въ душѣ дерева, разстрѣливаютъ. Между прочимъ, это разстрѣліаніе и заставляетъ предположить, что передѣлка этого сюжета у русскихъ произошла сравнительно въ позднее время.

Основной сюжетъ другой сказки—у таранчей, подъ заглавіемъ „глупые“, также совершенно схожъ съ содержаніемъ татарской сказки объ умномъ сынѣ. Въ то время какъ мать одного умнаго человѣка доила корову, эта послѣдняя „пустила вѣтеръ“. Сначала мать, а потомъ и невѣстка ея, заплакали, такъ какъ имъ стало стыдно за корову, что это случилось помимо ихъ воли. Умный сынъ разсердился на нихъ и сказалъ имъ, что онъ убьетъ ихъ, если не найдетъ людей, которые были-бы глупѣе ихъ. Ему, дѣйствительно, пришлось наблюдать двѣ такихъ сцены, которыя заставили его успокоиться и возвратиться домой. Прежде всего онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ людей, которые старались протолкнуть въ дверь

дома бревно, держа его поперекъ входа. Умный сынъ научилъ ихъ, какъ надо было сдѣлать это, а самъ отправился далѣе и встрѣтилъ новую сцену: къ одному должнику залѣзъ въ хлопчатникъ верблюдъ и потопталъ его. Хозяинъ собралъ челоѣкъ 15—20 на помощь,—они связали верблюда и хотѣли втащить его, но умный, указавъ имъ на то, что они испортили хлопчатника гораздо болѣе, чѣмъ верблюдъ, посоветовалъ имъ развязать его и вывести на поводу. Послѣ этого онъ уже раздумалъ убивать своихъ родныхъ.

Таково содержаніе таранчинской сказки. Мы видимъ, что по духу своему она чрезвычайно близко подходитъ и къ вышеприведенной татарской и къ русскимъ (см. стр. 100—102) и какъ она, такъ и предъидущіе варианты живо напоминаютъ намъ русскіе народные рассказы о приключеніяхъ пошехонцевъ, представляющіе собой, по моему мнѣнію, очевидно литературную передѣлку ходячихъ сказокъ о походе дурара съ прибавкой собственныхъ измышленій автора этихъ рассказовъ. Оригинальность подобныхъ сказаній у тюркскихъ племенъ Востока подтверждается этимъ вариантомъ еще разъ, и если мы не можемъ все-таки отрицать самобытности ихъ у русскихъ, такъ какъ мотивъ къ ихъ созданію всегда имѣется на лицо у каждаго народа, то, въ свою очередь, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію полная оригинальность ихъ и у тюркскихъ племенъ.

Безъ сомнѣнія, инородческимъ сказкамъ нельзя отказать въ томъ громадномъ значеніи, которое онѣ имѣютъ не только для изученія религіознаго міровоззрѣнія, вѣрованій и обычаевъ нашихъ инородцевъ—татаръ, чувашъ, башкиръ, сартовъ и пр. и пр., но и для болѣе вѣрнаго разрѣшенія спорнаго вопроса о причинахъ сходства сказокъ у различныхъ народовъ, вопроса объ ихъ происхожденіи. Понятно, что подобные вопросы могутъ быть рѣшены лишь послѣ самаго детальнаго изученія инородческихъ словесныхъ произведеній, такъ какъ не только вся наша исторія и въ прошломъ и въ настоящемъ тѣсно связана съ судьбой разныхъ инородцевъ, но и въ самомъ языкѣ

нашемъ наблюдается громадное количество инородческихъ словъ и названій предметовъ самаго обыкновеннаго употребленія въ домашнемъ быту, въ сельскомъ хозяйствѣ и пр. Однако, мы видѣли, что уже и простое сопоставленіе сказокъ можетъ не рѣдко освѣтить намъ ихъ происхожденіе, составные элементы. Хотя, говоритъ *Кирпичниковъ*, „теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода, но, если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

канунѣ свадьбы. — Свадьба. — Послѣ — свадебные обычаи, — циркъ. — подарки. — Дѣти. — Разводъ.

А лек тор ов ъ, А. Е. — Скотоводство киргизовъ. — «О р е н б у р г с к і й Листокъ», 1838 г., № 17—19.

Почти единственнѣйшій источникъ богатства и любимѣйшее занятіе киргизъ-кайсаковъ — скотоводство. Въ скотоводствѣ проходитъ, можно сказать, вся жизнь киргиза съ его ранняго дѣтства до глубокой старости. Много скота у киргиза, и онъ богатъ; онъ счастливъ; ему больше ничего и не надо, — мало скота, онъ бѣденъ, несчастливъ; вся жизнь его горемычная.

Больше всего изъ скота киргизы имѣютъ овецъ. Стада этихъ животныхъ поражаютъ васъ въ ордынскихъ степяхъ своею многочисленностію. Едва ли найдется гдѣ-нибудь въ мірѣ другая такая страна, въ которой бы видно было ихъ больше, чѣмъ здѣсь. Богатѣйшіе изъ киргизовъ имѣли въ старину по двѣнадцати, пятнадцати и даже двадцати тысячъ овецъ. Теперь это время прошло! Въ овечьихъ стадахъ держатъ киргизы и козъ; козы ихъ въ большинствѣ случаевъ безрогиы. Киргизскія овцы, безобразны на видъ, отличаются величиной и силой, такъ-что десяти—двѣнадцати лѣтнія дѣти могутъ ѣздить въ хорошее время года на нихъ для забавы верхомъ. Растутъ овцы эти выше только-что родившагося теленка и настолько бываютъ гучны, что старыя изъ нихъ лѣтомъ и осенью вѣсятъ обыкновенно отъ четырехъ до пяти съ половиною пудовъ; у нихъ кривые горбатые носы; нижняя губа длиннѣе передней, большія повислыя уши и по мочкѣ на шеѣ; у нѣкоторыхъ барановъ бываетъ по пяти и шести роговъ. Въмѣсто хвоста, киргизскія овцы имѣютъ курдюки, которые вѣсятъ отъ 30 до 40 фунтовъ; курдюки эти даютъ отъ 20 до 30 фунтовъ сала. Шерсть на овцахъ длинная, особенно на задней части, растетъ клочками и до того груба, что едва-ли можетъ быть употреблена на самое толстое сукно; стригутъ и осенью, цвѣта она темноржавого. Принося большую частію вдругъ по два ягненка, овцы въ степяхъ чрезвычайно быстро размножаются переносить съ удивительною крѣпостію непогоду, голодъ и жажду. Хотя зимою отъ недостатка въ кормѣ онѣ и бываютъ очень тощи, но за то весною быстро поправляются и гучнѣютъ отъ соляныхъ травъ. Выгоды, получаемыя киргизомъ отъ овецъ, чрезвычайно важны: онъ питается мясомъ ея; онъ укрывается отъ холода шубою, сдѣланною изъ ея кожи; покрываетъ жилище свое войлоками изъ ея шерсти, — получаетъ отъ нея молоко и любимѣйшій свой крутъ. Овца служила и служить еще доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизу для опредѣленія цѣны вещамъ вмѣсто денегъ и, наконецъ, она же составляетъ главнѣйшій предметъ торговли со всеми сосѣдами и едва-ли не главнѣйшую цѣль ихъ связей съ ними. Короче сказать: овца киргиза кормитъ, одѣваетъ и, знакомя съ сосѣдами, доставляетъ ему все нужное и полезное.

Не смотря на разнообразіе и многочисленность выгодъ, приносимыхъ киргизу овецю, онъ почти не могъ бы существовать безъ верблюда, который, при благодѣтельной для степей способности — переносить жажду и голодъ, возитъ на себѣ всё имущество и даже домъ его, котораго шерсть придется и употребляется на одежду, молоко и мясо — въ пищу, а молодая шкура —

на шубы и шапки. Животное это справедливо называлъ Бюффонъ кораблемъ пустыни. Верблюды у киргизовъ—двугорбне; одnogорбныхъ (*dromadaïres*) рѣдко держатъ потому, что климатъ степей считаютъ для нихъ слишкомъ суровымъ, да и двугорбныхъ въ жестокіе холода обшиваютъ обыкновенно войлоками. Молодымъ верблюдамъ, около года послѣ рожденія или еще и прежде, прокалываютъ носовои хрящъ и вѣшаютъ въ отверстіе палочку или кость къ обоимъ концамъ которой привязываются веревки, служащія вмѣсто узды и поводьевъ для управленія; потомъ учатъ ихъ становиться на колѣна и вставать по данному хозяиномъ знаку. Приученный верблюдъ послушенъ, какъ нельзя болѣе: закричать ему чокъ, и онъ тотчасъ же становится на колѣна; положить на него вьюкъ, говорятъ ему—атчу или просто махнутъ, и онъ немедленно встаетъ. Ноша или вьюкъ верблюда обыкновенно раздѣляется на двѣ равныя части, которыя, лежа на бокахъ, соединяются на спинѣ и которыя въ большихъ путешествіяхъ не превышаютъ общаго вѣсу 16 или 18 пуд. вѣсу. На расстояніяхъ близкихъ навмичиваютъ и болѣе. Въ послѣднее время занимающіея хлѣбопашествомъ киргизы съ успѣхомъ стали употреблять верблюдовъ для полевныхъ работъ и для перевозки тяжести въ упряжи. Одинъ день обыкновеннаго верблюжьяго хода, составляющаго общую вѣру путешествій въ степяхъ, равняется разстоянію отъ 40 до 50 верстъ. Верхомъ на верблюдахъ ѣздятъ преимущественно женщины. Богачи имѣютъ нередко до 100, 200 и 300 верблюдовъ. Особенно много этихъ животныхъ у киргизовъ, кочующихъ въ нескль южной полосы, гдѣ они болѣе необходимы и гдѣ климатъ для нихъ болѣе благопріятенъ.

Дромадеры и двугорбне верблюды часто скрещиваются между собою, и дѣти ихъ бывають иногда съ однимъ, а иногда съ двумя горбами. Дромадеръ всегда бурого цвѣта, а двугорбне верблюды бывають иногда и бѣлые.

Овца и верблюдъ являютъ, такимъ образомъ, самыми полезными для киргизскаго народа животными, но не самыми любимыми; любимый скотъ этого народа—лошадь.

Въ широкихъ безпредѣльныхъ степяхъ центральной Азіи по бѣлымъ коврамъ роскошнаго козыля солонцамъ, покрытымъ горькою пылью, а гдѣ и по несчастнымъ пустынямъ заросшимъ рѣдкою козличкой и джизганомъ, бродятъ и день и ночь подъ открытымъ небомъ громадные косяки полудикихъ лошадей, бродятъ на волѣ, а все-таки подъ зоркимъ присмотромъ и охраною косоглазыхъ комадовъ—табунщиковъ. Эти малорослые, крѣпкіе кони, жемчугомъ съ короткими шестыми ушами, съ огненными бойкими взглядохъ, со стальными ногами, не знаютъ усталости и разстоянія,—нетъ имъ дѣти степей! Не прихотливые на кормъ, легко переносящіе продолжительныя голодовки и жажду, не боящіеся ни жара палищаго лѣтнаго солнца, ни рѣзкаго холода и непогодъ степной зимы. Эти кони не знаютъ ни теплыхъ загоновъ и конюшенъ, не знаютъ легкаго заранѣе приготовленнаго запасливимъ хозяиномъ корма, они родились въ степи подъ открытымъ небомъ, переживаютъ трудныя мѣсяца лѣтскаго похвата и страданія зимомъ, крѣпнутъ, вырастая на волѣ не легко дрессируются, понавъ подъ арканъ челоука, но за то всю жизнь вѣрно и преданно служатъ своему хозяину.

Въ косякахъ лошади живутъ, хотя и подъ присмотромъ табунщиковъ но живутъ свободно, своимъ разумомъ: онѣ разбиваются на группы и въ каждой группѣ повинуются главному своему вожаку—табунному жеребцу, который и беретъ на себя бдительный надзоръ за безопасностью доверившихся ему матокъ и жеребятъ. Пока тѣ мирно пасутся, жеребецъ—вожакъ зорко оглядываетъ стениное пространство и во-время замѣчаетъ малѣйшій признакъ опасности. Храбро, съ полнымъ самоотверженіемъ жеребецъ идетъ на встрѣчу врагу, въ какомъ бы видѣ ни появился онъ изъ своей воровской засады.. Похищеніе жеребятъ волками, бродящими въ стени иногда громадными стадами, явленіе почти небывалое. Стенины лошади выработали въковымъ опытомъ даже способъ общій обороны, въ случаѣ если бы волки вздумали атаковать ихъ массами. Онѣ быстро собираются въ тѣсный кругъ головами внутрь, загоняютъ въ середину все молодое, слабое, а сторожевой жеребецъ богатыремъ прыгаетъ и носится внѣ этого круга, и горе несчастному голодному хищнику, если онъ не увернется изъ-подъ его желѣзныхъ копытъ, изъ-подъ безпощадной зубной схватки.

Шерсть киргизскія лошади бываютъ различныхъ, но болѣе свѣтлыхъ; вороная очень рѣдко, потому-что выгораетъ отъ непрерывнаго дѣйствія солнечныхъ лучей.

Въ сѣверной части киргизской стени лошади крѣпче и многочисленнѣе, нежели въ южной. Первая имѣетъ болѣе луговъ и вообще изобиліе кормовъ, который составляетъ прекрасный конскій кормъ. Въ южной части травъ мало и жаръ дѣлаетъ часто лошадей безплодными. Бывшая средняя орда богаче лошадьми, нежели прочія. Есть киргизы, которые считаютъ въ табунахъ своихъ по 1000—2000 и больше лошадей.

Лошадь и ея достоинства опредѣляются киргизами прежде всего по ея виду при наружномъ осмотрѣ. Правильность (или удовлетворительность) тѣлосложенія (или склада) лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначенія или употребленія лошади, такъ что одна и та же лошадь совершенно правильнаго тѣлосложенія, годная для одного рода употребленія,—при другой потребности признается совершенно невыгодною или неспособною.

Бэркъ, джурдэкъ и джюйрикъ—вотъ виды или сорта, на которые раздѣляютъ киргизы своихъ лошадей. Бэркъ—крѣпкій, плотный конь, джурдэкъ—конь ходкій, а джюйрикъ—скаковой.

Лошади перваго сорта бываютъ преимущественно небольшого роста, но большей части крѣпки, жирны и мясисты, въ тому же очень дѣливы, съ толстыми ногами, большимъ животомъ, а иногда, впрочемъ, подтавутны; хвостъ, грива и шерсть у нихъ густые; для быстрой ѣзды онѣ не способны, но при тихой ѣздѣ неутомимы. Главное достоинство подобныхъ лошадей заключается въ томъ, что онѣ довольствуются всякимъ, даже недостаточнымъ кормомъ и поиломъ, не скоро теряютъ тѣло, а потому и чрезвычайно выносливы, какъ для продолжительной работы, такъ и для перенесенія суровостей зимы и невгодъ тебеневки. Въ продажѣ эти лошади, по некачеству ихъ вида и роста, цѣнятся невысоко, но за то въ стениномъ хозяйствѣ, при употребленіи для безпрестанныхъ домашнихъ и полевыхъ работъ, онѣ чрезвы-

чайне полезны и даже рѣшительно незаменимы. Получая съ другими одинаковое содержаніе и неся одинаковыя тяжести, одна подобная лошадь можетъ выслужить, не худѣя и не истощаясь въ тѣлѣ, за двѣ—за три лошади другого сорта. Такія качества этихъ лошадей доставили имъ особенное предпочтеніе у киргизовъ, которые прилагаютъ много заботъ къ сохраненію и разведенію въ своихъ табунахъ возможно большаго числа лошадей этого «разбора».

Джурдэкъ—лошадь средняя между скаковою и крѣпкою. Эти лошади повыше ростомъ и тоньше бэрка. Онѣ считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній степного коневодства и имѣютъ репутацію неутомимыхъ скакуновъ для верховой, продолжительной ѣзды. Побычка джурдэка большею частію проворная, скорая и нетряска: лучшія изъ нихъ бывають довольно рысisty, вслѣдствіе того, что ихъ упражняютъ постоянно въ ѣздѣ рысью. Когда киргизу нужно переѣхать скоро какое-нибудь дальнее разстояніе или когда онъ пускается въ погоню, напрямѣръ за похитителями его скота, то обыкновенно садится на джурдэка съ полной увѣренностью, что проѣдетъ на этой лошади хоть двѣсти верстъ, не кормя, въ теченіе одного только лѣтняго дня. Изъ опытовъ киргизовъ видно, что на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ этого сорта можно проѣхать до восьмисотъ верстъ въ теченіе пяти сутокъ. Впрочемъ, самый дальній переѣздъ, который можно сдѣлать въ одинъ день на джурдэкѣ, не превышаетъ разстоянія въ двѣсти шестьдесятъ верстъ. Изъ этого вида лошадей преимущественно передъ прочими выдаются лошади чрезвычайно способныя и для упряжной ѣзды; онѣ могутъ возить по цѣлымъ суткамъ тяжести отъ 60 до 70 пудовъ. Джурдэкъ былъ бы болѣе всего удобенъ для кавалерійскаго рѣмонта, если бы обладалъ нѣсколько болѣе высокимъ ростомъ и арганаекскимъ складомъ. Лошади, подходящія къ этимъ двумъ послѣднимъ условіямъ, называются у киргизовъ сулу-атъ (красивая лошадь); онѣ бывають преимущественно изъ метисовъ—казанатовъ; шеп у нихъ слагается съ очень красивымъ «зарѣзомъ».

Если у европейцевъ и вообще у цивилизованныхъ народовъ принято признавать рысаковъ лучшими представителями упряжныхъ лошадей, то у киргизовъ признается образцомъ или даже идеаломъ верховыхъ лошадей скаковой конь джюйрыгъ. Сложеніе и наружныя признаки скаковыхъ лошадей бывають разнообразны. Въ скаковыхъ лошадяхъ киргизы цѣнятъ быстроту бѣга и неутомимость въ продолжительныхъ скачкахъ. Ростъ ихъ можетъ быть всякій, но рослѣйшія и красивѣйшія изъ нихъ цѣнятся выше. Для познанія скаковой лошади не достаточно одного только нагляднаго пониманія правильности ея склада, но для этого необходима еще достаточная опытность въ тренерскомъ искусствѣ. Хорошіе знатоки лошадей и тренеры всегда пользовались между киргизами особеннымъ почетомъ. Искуснѣйшимъ тренеромъ въ Букеевской ордѣ былъ въ 60—70 годахъ Аукатимъ, имя котораго и доселѣ произносится киргизами съ особеннымъ уваженіемъ. Этотъ Аукатимъ до такой степени вѣрно умѣлъ опредѣлять достоинство и способности лошади, что каждый разъ, при выводѣ скакуновъ на скачки, онъ заранѣе безошибочно предсказывалъ, за кѣмъ останется побѣда на состязаніи. Онъ нерѣдко покупалъ плохихъ съ виду лошадей и потомъ создавалъ изъ нихъ знаменитѣй-

ших скакуновъ,—предсказывалъ будущность лошадей въ ихъ молодомъ возрастѣ, т. е. на первомъ и второмъ годахъ, и потомъ предсказанія эти всегда оправдывались на дѣлѣ. Послѣ Лукатыма оставилъ по себѣ также весьма почетную славу отличнаго знатока лошадей и тренера киргизъ Черкешевъ рода Джакаува отдѣленія, по имени Айдабуль.. Его полуторо-годовалый жеребенокъ Зымыръ (двуглавый орелъ) выигралъ на состязаніи со взрослыми лошадьми первый призъ во сто барановъ. Изъ султановъ болѣе другихъ отличался, какъ опытный знатокъ лошадей, въ ближайшее къ намъ время Абулгазы, состоявшій при послѣднемъ ханѣ Внутренней орды Джангерѣ Букеевѣ. Разъ какой-то киргизъ привелъ къ хану полуторо-годоваго жеребенка, который предназначался на убой. Въ то время, когда ханскіе мясники, приготовились было повалить и прирѣзать этого жеребенка, подошелъ Абулгазы и попросилъ ихъ приостановиться; затѣмъ онъ отиравался къ хану и объявилъ ему, что, по его соображеніямъ, изъ этого жеребенка можетъ выйти хорошая скаковая лошадь,—выпросилъ его себѣ. Изъ жеребенка, дѣйствительно, вышелъ впоследствии отличный скакунъ, о которомъ и теперь еще рассказываютъ, какъ о необходимомъ или «сто-нѣбдномъ».

Скаковыя лошади дѣлятся у киргизовъ на три разряда: 1) каргинчиль, 2) качаганчиль и 3) джуйрюкъ—байгаты. Каргинчиль—гончая, приткая на короткую дистанцію—до 8 верстъ лошади; такія лошади между киргизами нисколько не цѣнятся, если не имѣютъ свойствъ джурдэка Качаганчиль—гончая или укрючая лошадь. На лошадяхъ такого рода ѣздятъ табунщики или гоняются, когда нужно поймать въ табунѣ какую-нибудь лошадь. Онѣ проскакиваютъ очень быстро небольшія разстоянія, но главное ихъ достоинство заключается въ томъ, что онѣ очень поворотливы и смѣтливы, ихъ создаетъ преимущественно хорошая выѣдка опытнаго джигита—табунщика. Этотъ родъ лошадей цѣнятся также невысоко, какъ и каргинчиль, около 45 и 75 рублей за голову. Джуйрюкъ—байгаты или скакуны—лошадь способная для скачекъ.

Киргизы очень заботливо относятся къ лошадямъ своимъ, особенно на которыхъ ѣздятъ. Когда киргизъ достигнетъ цѣли своей поѣздки, чтобы лошадь не ѣла травы и не испортилась, привязываетъ узду къ луцѣ сѣдла. При скоромъ ѣздѣ одинъ человекъ беретъ двухъ лошадей и пересаживается съ одной на другую.

Кобылы случаются приблизительно въ одно время и жеребятся въ апрѣлѣ и маѣ.

Рогатый скотъ, хотя и разводится нѣкоторыми киргизами въ значительномъ количествѣ, однако же, въ общемъ, можно сказать, что киргизы ихъ не богаты, потому что присмотръ за нимъ, особенно во время зимы, требуетъ много трудовъ, а выгоды отъ него не значительны. Къ тому же падежъ часто истребляетъ его. Лѣтъ 185 тому назадъ киргизскія орды, говорить, совсѣмъ не имѣли рогатаго скота, но послѣ развели его отъ каракалпачковъ и отбили стада его у проходившихъ черезъ земли ихъ въ 1774 году изъ Россіи въ Джунгарію калмыковъ. Ростомъ киргизскія коровы низки, сложены не красиво, но очень крѣпки, молока же даютъ мало. Быки—широкогруды.

Козь держатъ киргизы только потому, что онѣ служатъ путевода-телями стадамъ овецъ, такъ какъ эти послѣднія по привычкѣ или по ихъ при-родному свойству, не двигаются съ мѣста иначе, какъ когда пойдетъ передъ ними нѣсколько козъ. Если козы тронулись, то стадо овецъ ничѣмъ нельзя уже остановить. Вторая польза отъ козы — пухъ. Изъ этого-то пуха киргиз-скія женщины готовятъ не только для себя, но и для продажи платки и шарфы, далеко не изящной, впрочемъ работы.

Весь хозяйственный интересъ киргизовъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно менше въ теченіе круглаго года кормить скотъ сѣномъ; впро-чемъ, при такомъ множествѣ овецъ, лошадей, рогатаго скота, козъ и верблю-довъ, какое покрываетъ киргизскія степи, едва ли можно продовольствовать скотъ весь сѣномъ. Сѣно заготавливается киргизами въ весьма незначи-тельнѣмъ количествѣ и главнымъ образомъ для рогатаго скота и верблюдовъ; остальной же скотъ — лошади, овцы и козы круглый годъ пасутся въ степи, добывая сами себѣ кормъ и зимой. Этотъ способъ продовольствія стадъ и табуновъ во время зимы называется тебеневкою. Если зима не очень сурова и, по выраженію киргизовъ, благополучна, тебенюютъ верблюды и рогатый скотъ, которые выпускаются на тебеневочныя мѣста вслѣдъ за лоша-дями. Лошади сѣдаютъ обмененно верхушки травъ, верблюды и скотъ рогатый — середину стеблей, а нижняя часть достается овцамъ, которыхъ вы-пускаютъ послѣ верблюдовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть саксаулъ, верблюды и овцы питаются во время зимы иглами саксаула. Само собою разумѣется, что отъ такой весьма скудной пищи животныя не тучируютъ, но она поддерживаетъ ихъ жизнь, а въ этомъ заключается все, что нужно для скота киргизовъ, привыкшаго переносить холодъ и голодъ, жажду и всѣ перемены погоды.

Киргизы, при оцѣнкѣ земель своихъ, дѣлятъ ихъ на двѣ, такъ сказать, категоріи: 1) годныя для зимовокъ и 2) годныя для лѣтнихъ пастбищъ.

Для зимовокъ киргизовъ необходимы бываютъ слѣдующія условія: 1) возможность заготовленія нужнаго количества сѣна для верблюдовъ и рогатаго скота, 2) достаточное количество топлива, которое требуется обыкновенно въ подспорье къ кизяку, и 3) тебеневка для лошадей, барановъ и козъ, добывающихъ, какъ мы видѣли, кормъ изъ-подъ снѣга. Въ очень немногихъ мѣстахъ удобства эти бываютъ соединены вмѣстѣ, въ большинствѣ же слу-чаевъ ординецъ строитъ свою землянку тамъ, гдѣ можно накопить доста-точное, по его мнѣнію, количество сѣна и наити топлива, тебенюющій же скотъ — лошадей, овецъ и козъ отгоняетъ на нарочно не вытравленные имъ въ лѣтнее время мѣста. Если же скудность кормовыхъ травъ, истребленіе ихъ саранчемъ или другія какія-нибудь невзгоды попрепятствуютъ киргизу сохранить собственную тебеневку, то онъ заблаговременно обращается къ ближайшимъ съ ордою сосѣдямъ и условливается съ ними относительно пере-пуска скота зимою въ ихъ земли.

Камышныя и луговныя мѣста считаются лучшими зимовками. Худшими затѣмъ считаются зимовки при пескахъ, какъ по болѣе скудному пропзра-станію здѣсь травъ на сѣнокосныхъ участкахъ, такъ въ особенности по тѣмъ соображеніямъ, что въ случаѣ суровой и продолжительной зимы, при недо-статкѣ заготовленнаго сѣна, киргизы всегда рискуютъ здѣсь подвергнуться

неминуемому бѣдствію — лишиться скота. такъ какъ не у кого бываетъ при пескахъ приобретать сѣно, перегонять же переходный скотъ для продовольствія на дальнее разстояніе весьма опасно, — можетъ открыться дорогой надеждѣ его. Съ другой стороны — пески выказываютъ то преимущество по отношенію къ зимовкамъ киргизовъ, передъ твердымъ грунтомъ, что на нихъ снѣгъ не такъ долго держится, какъ на твердомъ грунтѣ, и растительность такого сорта, что появляется еще при холодахъ — въ началѣ марта.

Лѣтнія пастбищныя мѣста раздѣляются у киргизовъ на два рода: твердый грунтъ — каткылъ и мягкій грунтъ — кунгиръ. Твердый грунтъ цѣнится выше мягкаго: онъ состоитъ изъ обыкновенной степной почвы, поросшей болѣе или менѣе густымъ ковылемъ, и изъ солонцеватой, на которой произрастаютъ травы только солонцеватыя и особаго рода полынь (джусанъ, саронгъ, кукнекъ, мзинъ); на первыхъ пасется скотъ весной, лѣтомъ и осенью, а на послѣднихъ — тебенюсть до самаго появленія свѣжей растительности. Солонцеватыя травы и полынь, пока онѣ въ соку, до того горьки, что ѣдятся одними только верблюдами и баранами; послѣ первыхъ же морозовъ горечь въ нихъ значительно пропадаетъ, и онѣ обращаются въ хорошій — довольно питательный кормъ для всякаго рода скота.

Какъ лѣтнія пастбища, такъ и тебеневочныя мѣста уничтожаются иногда полосами — на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи: первая — саранчею, а послѣдняя — гололедницей. Эти два бича кочеваго народа до того ему страшны, что пострадавшіе отъ нихъ встрѣчаютъ общее народное сочувствіе, а по мѣрѣ возможности и помощь. Такъ въ 1859 году саранча родилась на песчаныхъ буграхъ Каспійскаго побережья. Киргизы въ то время уже отхлинули отъ моря на лѣтнія кочевныя мѣста; истребить саранчу было некому, и она появилась въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что пошла всѣ травы пастбищныхъ мѣстъ въ первомъ и во второмъ округахъ прикаспійскихъ киргизовъ. Тогда все населеніе этихъ частей цѣлою массой двинулось къ сѣверу и встрѣтило гостепріимный пріютъ въ Калмыцкой и Торгунской частяхъ, менѣе пострадавшихъ отъ саранчи, и оставалось тамъ со всѣмъ своимъ скотомъ почти цѣлый мѣсяць, пока благотворные дожди не вызвали на югъ новую растительность. Послѣдствія гололедницы бывають еще губельнѣе саранчи: ударить оттепель, потомъ заморозить, ледъ не только бараны и козы, но и лошади пробить не могутъ; такъ и гибнетъ скотъ отъ голода.

Не мало горя причиняють киргизамъ и зимнія вьюги — бураны. Уже съ октября мѣсяца начинаются въ степи постоянныя сѣверо-восточныя вѣтры — этотъ страшный бичъ всего живого рѣзкій холодъ этихъ воздушныхъ періодическихъ теченій леденитъ почву, вымораживаетъ быстро жалкіе остатки степной флоры, гонитъ и гонитъ кочевника къ его теплымъ зимовкамъ. Въ этотъ періодъ времени, особенно въ началѣ осени, рѣзкіе контрасты между жаромъ дня и холодомъ ночей вредно вліяють на здоровье молодыхъ, еще не окрѣвшихъ жеребятъ, — въ это время приходится наибольшая цифра убитаго молодого конскаго поколѣнія. Въ концѣ ноября морозы усиляются, выпадаетъ снѣгъ и сплошнымъ бѣлымъ покровомъ застилаетъ безпредѣльную степь. Мохнатые, понурившіе свои толстыя головы, степняки уныло бродятъ

добывая себе из-под снѣга корешки растений, гложут вѣсохшіе стебли, торчащіе из-под снѣга, оглаживают колючія вѣтви саксаула и джузгана, — ихъ крѣпкіе зубы способны выносить эту работу, привычные желудки способны переваривать бурьянъ и хворостъ, стальные концы способны пробивать даже небольшую ледяную кору. За лошадьми также уныло бредутъ овцы и козы: онѣ до самой земли расчищаютъ копытцами снѣгъ и добываютъ остатки жидкой травы. Но это еще ничего, — это полугорь, не настоящее горе: настоящая бѣда приходитъ въ январѣ и въ первой половинѣ февраля. Она налетаетъ съ того же сѣверо-востока вмѣстѣ съ чудовищными метелями — буряномъ! Навѣтъ горы снѣгу, до травы дориться не легко и холодъ дожимаетъ несчастный скотъ! Отгощаетъ барашъ; кормиться ему нечѣмъ: онъ по вѣтру по стене идетъ, не зная сагъ куда: буряномъ его гонитъ и гонитъ... Сколько овецъ пропадаетъ зимой! Застигнутый въ открытомъ мѣстѣ, сбитый съ пути и толку, ошеломленный, одичавшій табунъ во время бурана несется зря, гонимый страшнымъ воемъ и ревомъ метели... Горе коню, выбившемуся изъ снѣгъ и навшему на бѣгу: черезъ нѣсколько минутъ лишь громадный сугробъ обозначаетъ мѣсто его могилы. Понадется стѣнная балка на пути этой бѣшеной скачки — кони залетятъ туда одинъ на другого и часто жестоко калѣчатся. Все сильное выбирается къ затѣнью и изнеможенное отдыхаетъ, сбившись въ плотныя кучи, а слабое предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному счастью.

И долго еще, спустя сутки и болѣе послѣ улегшейся зимней непогоды, тамъ и сямъ въ степи чертятся разбросанные остатки косяка, мало-по-малу скопляя опять въ общую массу.

Иныя зимы выдаются счастливыя — малоснѣжныя, не буряныя, но зато случаются и такія, что каждый день какая-нибудь невзгода, и послѣ такихъ роковыхъ зимъ, когда проглянетъ веселое мартовское солнце, быстро сгонитъ остатки снѣга и льда, вызоветъ изъ-подъ согрѣтой земли первые побѣги молодой зелени, въ оттощавшихъ, еле двигающихся табунахъ владѣльцы ихъ находятъ много недочета — легли костыли за зиму кони ихъ отъ холода, голода и всякаго калѣчья. Но дивная природа весенней степи быстро залѣчиваетъ раны, быстро насыщаетъ все голодное и также быстро пополняетъ недочетъ новымъ веселымъ, рѣвнымъ поколѣніемъ.

Надежъ скота во время зимы отъ буряновъ и вслѣдствіе гололедницы называется у киргизовъ жуть или джуть. Старикамъ-киргизамъ еще и доселѣ памятенъ 1851—52 годъ, когда отъ жестокости зимы и буряновъ, свирѣпствовавшихъ главнымъ образомъ въ концѣ октября мѣсяца на вершинахъ рѣкъ Плека, Эмбы и Темира, въ восточной и западной частяхъ Малой орды, въ Джагаибалинскомъ и Джурткаринскомъ родахъ средней части той же орды погибла масса скота — болѣе 4734 верблюдовъ, болѣе 17739 лошадей, около 12110 головъ рогатаго скота и болѣе 257425 барановъ. Въ то же время прикаспійскіе киргизы лишились почти всего своего скота и питались исключительно рыбой. Затѣмъ не менѣе памятенъ старикамъ — киргизамъ и коня — жимъ — 1856 годъ, когда, вслѣдствіе барановъ и охватившей большое пространство гололедницы, пало множество скота. Съ этой поры киргизы стали заботливо косить и заготавливать на случай бурянной зимы для скота своего

сно. Весьма сильный падеж скота был еще в 1879 году. Зима 1860—61 года, в отношении гололедицы и бурановъ, прошла какъ нельзя болѣе благополучно, но зато, по случаю неурожая травъ, зима эта была неблагоприятна для приплодовъ въ лошадиныхъ косякахъ, потому что весьма значительная часть жеребыхъ матокъ, по худобѣ своей, выкинула плодъ; вмѣстѣ съ тѣмъ хозяева разорились на покупку сѣна и дорого заплатили за наемъ тебеневочныхъ мѣсть.

Киргизскія стада и табуны страдают и истребляются довольно часто сибирскою язвой, которая, умерщвляя рогатый скотъ и лошадей, почти не дѣйствуетъ, однако, на овецъ. Пазлассъ приписывалъ это густотѣ шерсти, покрывающей овцу. Сибирскую язву киргизы лечатъ обыкновенно, прижигая зараженное мѣсто раскаленнымъ желѣзомъ.

Назовемъ по-киргизски нѣкоторыя болѣзни, которымъ подвержены въ лошади, кромѣ сибирской язвы: олуу тійди, мангка, туйнѣкъ (кара—туйнѣкъ), кара—гарми, куртоу. Олуу тійди—болѣзнь, состоящая въ задержаніи у лошади мочи и полита. Мангка—санъ. При болѣзни каратуйнѣкъ свертываются у лошади кишки. Кара—гарми—пораженіе желудка. Куртоу—болѣзнь, при которой нападаютъ на задницу лошади черви. Кромѣ этихъ болѣзней въ киргизскихъ табунахъ появляется иногда эндемическая болѣзнь, въ которой пухнетъ спина у шеи или около хвоста, и лошадь вскорѣ околѣваетъ. Заболѣть такою болѣзнию покиргизски жамалдаты. Нерѣдко лошади страдаютъ еще воспаленіемъ легкихъ и язвынницей. Эта послѣдняя болѣзнь (ашуръ) не имѣетъ, впрочемъ для лошадей гибельныхъ послѣдствій, но сильно изнуряетъ ихъ.

Потертую спину лошади киргизы лечатъ въ большинствѣ случаевъ сочнымъ стеблемъ вонючки изъ рода асса-фетидъ (*Ferulaeae*). Это однолѣтнее растеніе, высотой иногда въ ростъ человѣка, имѣетъ толстый прямой стебель и зончатую верхушку. Издали, особенно при миражѣ и рѣзаніи нижнихъ слоевъ нагрѣтаго воздуха, кустъ вонючки кажется цѣлымъ деревомъ и чрезвычайно оживляетъ голодную степь, гдѣ это растеніе всего болѣе изобилуетъ. Наши солдаты прозвали вонючку бухарскою канустой; молодые побѣги ея кочевники употребляютъ въ пищу. Старые стебли вонючки настолько отвратительно пахнутъ, что непривыкшіе люди не знаютъ, куда дѣваться отъ запаха.

Верблюды околѣваютъ нерѣдко отъ употребленія въ пищу ядовитыхъ травъ и имѣютъ особаго рода болѣзнь, называемую сармиъ, отъ которой ноги ихъ пухнутъ, кожа на подошвахъ трескается и изъ трещинъ вытекаетъ гной. Излѣчиваютъ эту болѣзнь, обрѣзывая подошву и обвязывая ноги въ сырую кожу; затѣмъ больное животное водятъ взадъ и впередъ съ тѣмъ, чтобы испорченные соки, спускаясь внизъ, вытекали изъ ранъ. Отъ корости и нарщивости (касмгы) верблюдовъ киргизы лечатъ взваромъ изъ травы, называемой несъя моча (*poligonum frutescens*). Тотъ же отваръ дается прочему скоту, какъ слабительное средство. Акъ-шелекъ—болѣзнь, въ которой верблюды валяются и умираютъ. Въ восточной части степей существуетъ почти постоянно у верблюдовъ болѣзнь, сопровождающаяся скопленіемъ въ сердечныхъ сосудахъ желчной жидкости, отъ чего верблюдъ гибнетъ въ нѣсколько дней, и никакія почти мѣстныя пособія не дѣйствительны противъ этой эндеміи.

Особенно сильна была она въ 1850—51—52—53—54 годахъ по Тургаямъ съ окрестными мѣстами въ Аргинскомъ и Китакомъ родахъ.

Тюлюкь—болѣзнь, истребляющая десятками барановъ. Коргукъ-кила у барановъ.

Алубке—истребляющая рогатый скотъ чума. Окра-шурда—заходящая подъ кожей у скота червь.

Алекторовъ, А. Е.—Праздничныя игры и забавы киргизовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1838 г., № 42.

Описываются скачки, алтынъ-кабакъ (стрѣльба изъ ружья пулей въ мелкую монету, привязанную на конскій волосъ къ шесту), борьба и бѣгъ (въ перегонки). Аудариснакъ—игра, въ которой киргизы стараются стащить одинъ другого съ лошади. Арка-сокиакъ—игра, въ которой одинъ ложится въ кругъ играющихъ; его бьютъ жгутомъ, и онъ долженъ угадать, кто его ударилъ. Далѣе описаны игры орамаль жасырмакъ, канъ ойну, колъ тузакъ, соку-теке (родъ жмурокъ), кокъ-накылъ и атпакылъ.

Алекторовъ, А. Е.—«Земледѣліе у киргизовъ». — «Оренбургскій Листокъ», 1838 г., №№ 50, 51 и 52.

Приводится мнѣніе начальника Оренбургской губерніи Волкова (въ 1763 году) о томъ, нужно ли для киргизовъ земледѣліе. — Законъ 19 мая 1854 года.—Современное состояніе земледѣлія у народа киргизскаго.—Роды хлѣба, закупаемаго киргизами.—Обработка полей.—Орошеніе.—Уборка хлѣба.—Возможность широкаго развитія земледѣлія на Сырѣ и что для этого нужно.—Статья заслуживаетъ вниманія.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизы-казаки. Историческій очеркъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1839 г., №№ 30, 32, 42, 44, 45, 47, 51 и 52.

Обзоръ историческихъ событій и постепенное водвореніе между киргизами русской гражданственности составляетъ содержаніе очерка. «Мы рекомендуемъ брошюру г. Алекторова, говоритъ Д. Висковъ, тѣмъ образованнымъ киргизамъ, которые желали бы узнать свое прошлое и видѣть, какимъ образомъ предки ихъ вступили на путь гражданского развитія» (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ, 1890 г., № 30).

Алекторовъ, А. Е.—Какъ мы ищемъ теперь ученныя книги.—«Оренбургскій Листокъ», 1839 г., №№ 33, 34, 35, 37, 38, 39 и 41.

Подробно разбирается трудъ г. Харузина—«Киргизы Букеевской орды». Слѣдуетъ отмѣтить взглядъ автора на хана Джангера и некоторыя подробныя небезынтересныя свѣдѣнія о школахъ, доселѣ не бывшія въ печати.

Алекторовъ, А. Е.—Образъ жизни киргизовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 16 и 17.

Говорится о кочевой жизни киргизовъ, при чемъ авторъ подробно описываетъ кибитку и кнстау; далѣе идетъ рѣчь о надѣлѣ земли, о невзгодахъ зимы и, наконецъ, передается извлеченіе изъ сочиненія Макъ-Гахана (Военныя дѣйствія на Оксусѣ) о перекочевкѣ киргизовъ. (А. Н. Харузинъ).

Александровъ, А. Е.—Киргизская пѣсня.—Оренбургскій Листокъ, 1890 г. № 18.

Краткая замѣтка о пѣснѣ киргизовъ.

Александровъ, А. Е.—Чѣмъ питаются киргизы.—Оренбургскій Листокъ, 1890 г. №№ 19, 20, 23, 29 и 30.

Говорится о питаніи киргизовъ, отчасти о способѣ употребленія пищи и о приготовленіи кумиса на основаніи указаній Варадинова (Леченіе кумисомъ—Библиотека медицинскихъ наукъ). Дала, Ягмина (Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители) и Островскаго. Употребленіе кумиса полезно въ слѣдующихъ страданіяхъ: 1) въ періодъ выздоровленія послѣ тяжкихъ, изнурительныхъ болѣзней, при истощеніи отъ чрезмѣрныхъ занятій и *abusus in venere*.—2) при различныхъ видахъ анеміи, хлороза, гидрехіи, *anginae pectoris* и *palpitatio cordis*, не зависящихъ отъ органическаго порока сердца.—3) при цингѣ, золотухѣ и англійской болѣзни.—4) при хроническомъ катаррѣ бронховъ кумисъ улучшаетъ питаніе, разжижаетъ и облегчаетъ выведеніе воспалительныхъ продуктовъ.—5) при хроническомъ воспаленіи легкихъ и при бугорчаткѣ кумисъ улучшаетъ также питаніе, ассимиляцію, разжижаетъ и облегчаетъ выведеніе воспалительныхъ продуктовъ, уменьшаетъ кашель, прекращаетъ носовъ, понижаетъ температуру; въ данныхъ страданіяхъ кумисъ представляетъ одно изъ лучшихъ средствъ, и если онъ не излѣчивается вполне, то во всякомъ случаѣ часто задерживаетъ и ограничиваетъ болѣзненные процессы; кумисъ даетъ силу и матеріалъ для противодѣйствія имъ: этимъ свойствомъ онъ обязанъ своею извѣстностью и славой.—6) при хроническихъ катаррахъ желудочно-кишечнаго канала кумисъ даетъ блестящіе результаты; онъ дѣйствуетъ въ этихъ страданіяхъ, какъ питательная, удобоваримая пища, укрѣпляетъ больной организмъ.—7) при острыхъ и хроническихъ выпотахъ въ полость плевры кумисъ, кромѣ вышеозначенныхъ качествъ, усиливаетъ метабофозъ, разжиженіе и обратное всасываніе, т. е. выведеніе воспалительныхъ продуктовъ.—8) при хроническихъ катаррахъ слизистой оболочки матки и рукава, хроническомъ уретритѣ.—9) при различныхъ невралгіяхъ, причинами которыхъ заключаются главнымъ образомъ въ упадкѣ питанія и въ малокровіи; затѣмъ—10) отъ сухотки, происходящей отъ нервическаго расслабленія, отъ онанизма, кровотеченій и другихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ приостанавливается плодотвореніе,—11) въ водяной болѣзни, протекающей отъ общаго расслабленія тѣла и отъ завала печени,—12) въ дѣвической немочи и 13) послѣ всѣхъ вообще тяжкихъ и продолжительныхъ болѣзней.

А лектор овъ, А. Е.—Гини (мѣсто центрального управленія Внутреннею киргизскою ордою).—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 22 и 23.

Описывается Ханская ставка (Астраханской губерніи).—Есть на Руси города, села, деревни, поселки, хутора, а есть и такія населенныя мѣста, къ которымъ не примѣнимо ни одно изъ этихъ названій и къ числу которыхъ относится, именно, рины, или Ханская Ставка (подъ 40° 45' 55" сѣв. шир. и 65° 14' 30" вост. долг.). Это—ни городъ, ни село, ни хуторъ,—это мѣсто центрального управленія Внутреннею киргизскою ордою, гдѣ, кромѣ чиновниковъ, живутъ по билетамъ крестьяне, мѣшане и купцы. Основаль Ставку Букей. Здѣсь смну этого хана—Джангеру на казенныя средства былъ востроенъ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ. Послѣ смерти Джангера здѣсь же учрежденъ былъ Временный Совѣтъ и поминѣ управляющій съ 1845 года киргизами Букеевской орды. Рины—мѣстность весьма печальная, «юдолю мертвого безмолвія, не представляющая взору ничего, какъ выразился въ 1830 году Сабанчиковъ, кромѣ скучнаго единообразія».

А лектор овъ, А. Е.—Баранта.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 22 и 23.

Внутренніе разборы между киргизами производились бѣлыми (почетными людьми) и асакалами (старѣйшими). по словеснымъ рѣшеніямъ. При этихъ разборахъ въ отношеніи преступленій принимался въ основаніе древній, какъ говорятъ, еще Чингизъ-Ханомъ установленный законъ (шариатъ), по которому убійство наказывалось убійствомъ, а другія, меньшія преступленія, возмещались въ пользу обиженнаго плато или пени (кунъ). Кто воровалъ, напримѣръ, лошадь,—долженъ былъ заплатить за нее хозяину втрое. Если воръ отказывался отъ платежа, а родъ или аулъ не поуждалъ его,—обиженному разрешалась баранта, т. е. отысканіе удовлетворенія силой. Онъ могъ набрать дружину, отправиться съ нею на поискъ и употребить всѣ средства къ нанесенію вреда врагамъ. Съ теченіемъ времени баранты уклонились отъ первоначальной цѣли и обратились, наконецъ, въ ужасное зло. Люди буйные, корыстолюбивые всегда находили къ нимъ предлоги и стали производить ихъ безъ согласія старѣйшинъ. Теперь баранта на закатѣ своихъ дней; пройдетъ еще десятокъ два-три лѣтъ, и станетъ она только преданіемъ.

А лектор овъ, А. Е.—Экономическое положеніе осѣдлаго и кочевого населенія степныхъ областей.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 25. Продолженіе въ № 69 «Листка Объявленій», а окончаніе въ № 26 «Оренбургскаго Листка».

А лектор овъ, А. Е.—Султанъ Плекей Касимовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 26 (перепеч. «Особымъ прибавленіемъ къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 29).

А лектор овъ, А. Е.—Отъ Оренбургской Пограничной Комиссіи объявленіе киргизамъ Оренбургскаго Вѣдомства о выдачѣ пѣнныхъ, данное 22 декабря 1851 года.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 26.

Вслѣдствіе этого объявленія, въ началѣ 1852 года 214 человекъ получили свободу, по 194 изъ нихъ, по желанію, остались между киргизами, а всѣ остальные были отправлены на родину; между пѣнными довольно много находилось афганцевъ, хивинцевъ, персіянъ, казаринцевъ и армянъ.

А лектор овъ, А. Е.—Паз исторіи отношеній казаковъ къ киргизамъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 28, 29 и 30.

Отношенія разсматриваются на почвѣ экономической.

А лектор овъ, А. Е.—Кочевали ли киргизы между Волгою и Ураломъ до прихода сюда съ Букеемъ въ 1801 году.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 30.

Историческая справка относительно киргизовъ Внутренней орды. Здѣсь же (въ № 30) находится замѣтка «О раздѣлѣ и имущества хана Джангера» (по архивнымъ свидѣніямъ).

А лектор овъ, А. Е.—Рецензія на книгу В. П. Витевскаго «Н. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край въ предметъ его составѣ до 1758 г.»—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 31.

А лектор овъ, А. Е.—Какъ и чѣмъ способствуемъ мы укрѣпленію мусульманства въ киргизахъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 45, 46, 47 и 48.

Авторъ затрогиваетъ весьма живой вопросъ о распространеніи среди киргизовъ (первоначально измичниковъ) мусульманства и тѣхъ мѣрахъ, которыми мы невольно содѣйствовали распространенію ислама. Нельзя не отметить того интереса, который представляетъ эта статья своею фактическою стороною (Н. Харузинъ).

А лектор овъ А. Е.—Къ исторіи развитія школьнаго дѣла въ киргизской Букеевской орды.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 49—51.

А лектор овъ, А. Е.—Болѣзни киргизовъ и средства врачеванія ихъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., №№ 2, 3, 4, 5 и 7.

Лѣченіе бакси (знахаря).—Лѣченіе муллъ.—Таубы (врачи).—Сифилисъ.—Псы (родъ проказы).—Сухтане, кучча, куйдурга (лихѣть сходство съ сибирской язвой).—Сибирская язва.—Оспа.—Пакожины болѣзни.—Парши на головѣ.—Лихорадка.—Горячка.—Грудныя болѣзни, — брюшныя.—Укушеніе тарангула, фаланги.

А лектор овъ, А. Е.—Рецензія на книгу А. Махшеева—«Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія».

нія въ него русскихъ. С.-Петербургъ, 1890 г.—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., № 10.

Алекторовъ, А. Е.—О рожденіи и воспитаніи дѣтей у киргизовъ, о правахъ и власти родительской.—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., № 31, 33 и 34.

Въ этой довольно обстоятельной статьѣ, изданной отдѣльной брошюрой, авторъ говоритъ между прочимъ о беременности женщинъ,—о рожденіи дѣтей,—объ именахъ и обрѣзаніи,—о воспитаніи мальчиковъ,—о воспитаніи дѣвочекъ,—о правахъ и власти родителей, объ усыновленіи,—о наследствѣ и объ опекунахъ.

Алекторовъ, А. Е. Рецензія на брошюру гори. ниж. Дрейера —«О зарощеніи летучихъ насекомыхъ».—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., № 10.

Алекторовъ, А. Е.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ говорится о киргизахъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1892 г., №№ 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 42, 44, 47, 48 и 51, — 1893 г., №№ 3, 6, 8, 11, 12, 18, 21, 22, 23, 25, 44, 45, 46, 50, 51 и 52.

Алекторовъ, А. Е.—По поводу разсказа В. П. Желиховской. —«На Смиеморскихъ буграхъ».—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., № 27.

Алекторовъ, А. Е.—Выборное начало у киргизовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., №№ 34, 36, 39, 40 и 43.

Въ статьѣ г. Алекторова говорится между прочимъ о составѣ и административномъ раздѣленіи Сибирской киргизской степи,—объ управленіи въ киргизскихъ областяхъ, о реформѣ 14 іюля 1867 года,—о судѣ и судопроизводствѣ, о выборахъ изъ среды народа волостныхъ управителей и старшинахъ,—о вредѣ, приносимомъ выборнымъ началомъ у киргизовъ,—о характерѣ выборовъ,—о злоупотребленіяхъ выборныхъ и объ удаленіи большинства изъ нихъ отъ должностей за лѣность, бездѣтельность и дурные поступки.

Алекторовъ, А. Е.—Наши домашніе дѣла.—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., №№ 33, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45 и 46 и прибавленіе къ «Оренбургскому Листку». № 57.

Дѣтъ 45 тому назадъ, сознавая скудость своихъ понятій о религіи киргизы говорили, что съ нихъ вполне достаточно ограничивать молитву возможно частымъ повтореніемъ слова «Алла», которое одною святостью своею имѣетъ великую искупительную силу. Но этотъ религіозный компромиссъ существовалъ въ душѣ народа до того лишь момента, пока въ степи не появились татары-проповѣдники; тогда киргизы цѣлыми толпами шли къ нимъ для очищенія грѣховъ, и если проповѣдники неотразимо умѣли дѣйствовать на душу киргиза художественно развернутой картиной будущей жизни или мрачными красками изобразить надеженіе современнаго благоче-

стія, комадь благоговійно внималъ каждому ихъ слову и подъ ихъ руководствомъ исполнялъ религіозные обряды. Есть историческія свѣдѣнія, относящіяся къ бунту киргизовъ въ 1368 году.

А лекторовъ, А. Е.—Лебединая пѣсня Шійшибъ-акина.—«Оренбургскій Листокъ», 1894 г., № 38.

Приводится почти дословно записанная пѣсня Шійшибъ-акина, отличающаяся большой этнографическій интересъ, такъ-какъ яркими штрихами обрисовываетъ нравственное міроозрѣніе киргизовъ и отношеніе ихъ къ русскому народу.

А лекторовъ, А. Е.—Вопросы инородческаго образованія.—«Оренбургскій Листокъ», 1899 г. № 22.

Авторъ разсматриваетъ помѣщенныя въ «Народникъ Образованія», за 1899 годъ (кн. I, II и IV) статьи С. Г. Рибакова объ инородческомъ образованіи, преимущественно у киргизовъ Тургайской области, Внутренней Букевской орды и Туркестанскаго края, и заканчиваетъ обзоръ слѣдующими словами: — «Трудны эти—инородческіе вопросы, и кто не беретъ въ настоящее время за разрѣшеніе ихъ? И специалисты, и дилеттанты, и даже люди не понимающіе самихъ вопросовъ, какъ г. Рибакъ».

А лекторовъ, А. Е.—Корреспонденція изъ Ханской ставки.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Вѣдомостямъ», 1889 г., № 25.

Въ этой корреспонденціи говорится о томъ, что прибывшіе на «ханскую ярмарку» правители, старшины и аксакалы всѣхъ частей и округовъ Внутренней киргизской орды, собравшись 15 мая 1889 г. для совершенія благогодарственнаго молебствія въ день священнаго корокованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и вознесъ многочисленнымъ духовенствомъ во главѣ горячія молитвы по случаю чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ и Августѣйшаго семейства отъ угрожавшей 17 октября 1888 года опасности, обратились къ предсѣдателю временнаго совѣта по управленію Внутреннею киргизскою ордой съ просьбою повергнуть черезъ г. астраханскаго губернатора къ стопамъ Его Императорскаго Величества върноподданческія чувства населенія киргизской орды, которое черезъ представителей своихъ пожертвовало для увековѣченія памяти о чудесномъ событіи 4250 рублей на улучшеніе учебныхъ пособій въ школахъ Внутренней орды.

А лекторовъ, А. Е.—Экономическіе врачы киргизовъ Внутренней орды.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1889 г., № 33.

Врачами въ замѣткѣ этой указываются поселившіеся между киргизами въ Ханской Ставкѣ, деревни Новой Казанкѣ и въ Толуви татары.

А лекторовъ, А. Е.—Нуженъ ли судъ бѣвъ?—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 2.

Введенный въ заблужденіе заинтересованными въ сохраненіи суда бievъ киргизами, авторъ призналъ этотъ судъ необходимымъ; теперь же, когда имѣлъ онъ возможность присмотрѣться дѣлу, основательно находить, что судъ бievъ (народный судъ) тяжело ложится на карманы киргизовъ и заглушаетъ въ народѣ одно изъ лучшихъ чувствъ — чувства справедливости.

Алекторовъ, А. Е.—Ханская Ставка —Корреспонденція.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 5.

Въ корреспонденціи говорится, что киргизы не заботятся о томъ, чтобы имѣть лишнюю кофѣяку «про черный день» и что не пониманіемъ, или вѣрнѣе — безпечностью ихъ пользуются обыкновенно ростовщики ближайшихъ селеній и городовъ, которые при случаѣ—въ неожиданной нуждѣ берутъ съ киргизовъ, давая деньги, до 10% и болѣе въ мѣсяцъ.

Алекторовъ, А. Е.—Въ степи.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 16.
Корреспонденція о шлохомъ урожаѣ травъ въ Букеевской ордѣ.

Алекторовъ, А. Е.—Ранніе браки.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 28.

Ранніе браки разсматриваются, какъ причина преждевременной старости у киргизовъ.

Алекторовъ, А. Е.—Три брата. Киргизская сказка.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1892 г., №№ 7 и 8.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1294.

Алекторовъ, А. Е.—Какъ отомстилъ Алатикъ за убійство своей матери. Киргизская сказка.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1892 г., № 17. См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1302.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія сказки: 1) Одинъ да лучше девяти. 2) Лисица и старикъ. 3) Два барана и 4) Скуной Ушь-Терекъ.—«Киргизская Степная Газета», 1892 г., №№ 38 и 39. См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1253.

Алекторовъ, А. Е.—Библиографія.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 30.

Рецензія на книгу г. Васильева: «Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе». Оренбургъ, 1896 г.

Алекторовъ, А. Е.—Батырь Нарыкъ и его сынъ. Киргизская народная сказка.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 33.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизская сказка.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 37 и 38.

Вариация сказки «Старикъ, ханъ и джигиты». См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1302.

Алекторовъ, А. Е.—Карагай. Киргизская народная сказка.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., №№ 40 и 41.

Алекторовъ, А. Е.—Последнее сказанье. Въ отвѣтъ г. Добросмыслову.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 5.

Статья написана по поводу книги г. Васильева—Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и его современное состояніе и не окончена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Алекторовъ, А. Е.—Женская доля. Киргизская пѣсня.—«Киргизская Стенная Газета», 1893 г., № 15.

Обрисованъ счастливая дѣвичья доля и горькая женская участь:

Родители, когда дома была дѣвица

Не будили ее рано,

А теперь (въ замужествѣ), не выспавшись достаточно,

Встаетъ до зари она...

И много будетъ толковъ,

Если она не откроетъ тумановъ

И не разведетъ огня...

Надѣвши передникъ,

Идетъ рано дѣлать кивекъ,—

Донтъ корову, таскаетъ воду

И не видитъ отдыха до поздней ночи,—

Скучаетъ о родителяхъ и роднѣ,

Какъ соколъ, попавшійся въ сѣти,

И льетъ слезы изъ глазъ

Въ удивленіи и степномъ просторѣ...

Алекторовъ, А. Е.—Библиографическая записка.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 470.

Рецензія на книгу В. Н. Витевскаго—Н. Н. Неняевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Казань, 1891 г. В. ил. III.

Алекторовъ, А. Е.—Народная литература киргизовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г. № 1177: Краткій этнографическій очеркъ.—Общій взглядъ на пѣсни киргизовъ (Объясненіе слова—батырь).—№ 1181: Элементарныя народныя пѣсни (Объясненіе словъ—барканы, керге, келниъ, бій, кумисъ, кибитка, бай, джилки, джигитъ).—№№ 1183 и 1189: Лирическія пѣсни киргизовъ (Объясненія словъ: домбра, тюрѣ, ку-

рай, сандугачь, канмакъ, катыкъ, шайтанъ). — №№ 1195, 1201, 1206: Родо-
вля, свадебныя и похоронныя пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—ирь, са-
лау, баранта, уранъ, туй, лю, женги, саукале, бѣтъ-ашаръ икуланъ).—Опи-
саніе похоронной церемоніи. № 1212: Образцы причитаній.—№ 1216: Полити-
ческія пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—закетчи, кусенъ). № 1222. Пѣсни
—поэмы.—О Кемисаръ-батырѣ (Объясненіе словъ—байкушъ, урусь, буруты,
бура, кобызь, акынъ, карымбай).—№№ 1228, 1233, 1241, 1247: Вліяніе новыхъ
условій жизни на пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—серкеръ, амлякдаръ,
мултукъ, тамыръ, амаръ, байга, турсукъ, перште, джатакъ).— № 1253: Кир-
гизскія сказки: Хитрость лучше богатирства.— Два барана.—Лухманъ Хакимъ.
— №№ 1267, 1274: Айтуганъ-батыр (Объясненіе словъ—тебеневаць, крутъ,
конакъ).—№ 1281: Киргизскія сказки: Мулла-Омаръ,—Джаринше-Шешень и
Алдаръ-Косе.—Саксаулъ да сосна.— № 1288: Сказки: Змѣи полосатый и О
томъ, что было давно, очень давно (Объясненіе словъ—калымъ, куржумъ,
ганаша).—№ 1294: Три брата.—Шикъ-Бирмесъ Шгайбай и Алдаръ-Косе,—
сказка муллы Адикова.—№ 1302: Старикъ, ханъ и джигиты,—Какъ отождилъ
Алатымъ за убійство своей матери,—Славный батыръ Эргосай,—Лисица и
заяцъ (Объясненіе словъ: кувардакъ, жапракъ, чагръ).—№ 1308: Царь Сулей-
манъ,—Небылица,—Родные братья (Злой Калий).—№ 1310: Святой мальчикъ
(Объясненіе словъ: альчики, жалмаузъ Кемпиръ, курукъ).

Александровъ, А. Е. Движеніе смучихъ песковъ—«Астрахан-
скій Вѣстникъ», 1893 г., № 1183.

Безпрепятственно двигающіеся неумолимые пески засыпаютъ степи
киргизовъ Внутренней орды; направленіе ихъ съ юго-запада на сѣверо-во-
стокъ. I и II приморскій округа давно уже представляютъ собою холмо-
образную песчаную мѣстность, гдѣ иногда на цѣляхъ сотни зерстъ глазъ
не встрѣчаетъ совсѣмъ почти никакой растительности, за исключеніемъ
молодая да шельюги. Песокъ забираетъ теперь Наринскую часть и Калмыц-
кую и пробирается незамѣтно въ Камышъ-Самарскую и Таловскую, намѣ-
реваясь собраться съ силами у границы Самарской губерніи и засыпать еѣ.

Александровъ, А. Е.—Книжина новости.—Оренбургъ, 1893 г.—
«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г. № 1185.

Рецензія на брошюру А. И. Добросмыслова—О овцеводство
и его значеніе въ экономіи киргизскаго населенія
Тургайской области.

Александровъ, А. Е.—На все воля Аллаха.—«Астраханскій
Вѣстникъ», 1893 г., № 1198.

Разсказъ изъ жизни киргизовъ.

Александровъ, А. Е.—Русско-киргизская школа.—«Астраханскій
Вѣстникъ», 1893 г., № 1227.

Сообщается, что въ селѣ Большомъ Ганюшкиномъ, Красноярскаго
уѣзда, Астрах. губ., открывается съ 1 октября русско-киргизская двухклас-
сная школа, деревянное зданіе для которой, специально построенное, обо-

шло около 13500 рублей. При школах интернатов на 40 человек. Средствами для постройки послужили 9000 руб., пожертвованные для этой цели киргизами, а остальные 4500 р. ассигнованы Министерством Народного Просвещения из остатков на содержание ординских школ. Заведывавший училищем приглашен на жалование в 470 руб., помощник его с окладом в 300 руб., при готовности, возьма удобить, квартиру, отопление и освещение.

Алекторовъ, А. Е.—Нѣсколько словъ «Терджиану».—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1290.

Въ статьѣ есть выписка изъ Всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Внутренней киргизской орды за 1860 годъ, гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее:

Надобно радоваться тому, что киргизы до такой степени привязаны къ народнымъ своимъ обычаямъ, что, при разбирательствахъ и рѣшеніи дѣлъ, прибѣгаютъ къ нимъ, а не къ шаріату, который, вмѣстѣ съ исламизмомъ, такъ усердно пытался ввести покойный ханъ Джангеръ. Въ настоящее время, говорится въ отчетѣ, только по дѣламъ о наследствѣ и брачныхъ, прибѣгаютъ киргизы къ разбирательству муллъ по шаріату, остальные же всѣ споры и тяжбы разбираются и рѣшаются бѣями—по народнымъ обычаямъ.

Алекторовъ, А. Е.—Преданія киргизовъ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1331, 1338 и 1351.

Легендарныя сказанія о происхожденіи киргизовъ. Легенда о происхожденіи султановъ. Вѣкъ человека. Человекъ и собака. Мухель. Тазъ-Тагъ. Большое Богдо. Хазорабандъ. Ханъ. Акджанна. Видѣніе братьевъ. Хошлыкъ увеселительный.

Алекторовъ, А. Е.—Учебное дѣло въ Буковской ордѣ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., №№ 1335, 1340, 1345, 1349 и 1360.

Содержаніе:—Соотвѣтствуетъ-ли количество школъ во Внутренней киргизской ордѣ потребностямъ въ нихъ.—Школьныя помѣщенія Буковской орды.—Преподаватели школъ Буковской орды.—Количество учащихся.—Средства содержанія школъ.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія пословицы.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1369.

Алекторовъ, А. Е.—Письменная литература киргизовъ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1377.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія рукописи.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1383.

Моя исторія.—Утебалій.—Математика.

Алекторовъ, А. Е.—Хасанъ.—Киргизская сказка.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1510.

Алекторовъ, А. Е.—У Мирзи Акбаева.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1517.

Юмористическій рассказъ изъ бита киргизовъ.

Алекторовъ, А. Е.—Ильгезеръ-батырь.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2543.—Киргизская сказка.

Содержаніе сказки заключается въ слѣдующемъ. У Имангазы-Буруна была чудная кобылица, приносящая каждый день по жеребенку; только не доставались жеребята Имангазы-Буруну: налетала туча и уносила жеребятъ. Младшій сынъ Имангазы-Буруна—Ильгезеръ-батырь, въ погоню за этой тучей, встрѣчается съ двумя великанами, побѣждаетъ ихъ и возвращается домой съ красавицами—женами побѣжденных имъ великановъ и съ ихъ имуществомъ.

Алекторовъ, А. Е.—Изъ записной книжки.—«Астраханскій Вѣстникъ» 1899 г. № 2976.

Любопытно описываетъ г. Алекторовъ встрѣчу свою съ учителемъ Наринской школы во Внутренней киргизской ордѣ г. Семченко. Отворивъ первую понавшущую дверь, говоритъ авторъ, я вошелъ въ холодное, сырое и совершенно пустое помѣщеніе. Нашло гнилью и плѣсенью. Пришлось ощупывать руками стѣны, чтобы найти другую дверь или, по крайней мѣрѣ, ту, черезъ которую я вошелъ. Оказалось, что это была нежилая половина школьнаго зданія, которую наполняли исключительно крыси; онѣ скреблись и пищали; я слышалъ, какъ онѣ ежеминутно шуршали, перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Вскорѣ, черезъ рядъ заброшенныхъ комнатъ, меня провели въ квартиру учителя. Учителемъ оказался молодой человекъ, лѣтъ 17—18, изъ V класса гимназіи.

—Семченко,—отрекомендовался онъ.

Квартира Семченко состояла изъ одной комнаты съ столомъ, двумя вѣсистыми стульями и кроватью. На стѣнѣ висѣла небольшая этажерка собственной работы учителя, занимавшагося вышивкой.

—Ахмедъ! Эй, Ахмедъ, самоваръ!

Въ ожиданіи самовара мы подѣли къ столу и не прошло нѣсколько минутъ, какъ между нами завязалась самая оживленная бесѣда.

—Школа моя, говорилъ Семченко, находится среди совершенно пустынной мѣстности; кромѣ станціи, здѣсь нѣтъ ни одного человѣческаго жилья. Ближніе киргизы живутъ въ 25—30 верстахъ отсюда. Я пріѣхалъ недавно—всего два мѣсяца. У меня 7 учениковъ и сторожъ. Я не знаю киргизскаго языка, киргизы—русскаго. Вотъ мое положеніе! Натуральный методъ не помогаетъ,—умираю съ голода и отъ скуки; мнѣ хуже, чѣмъ Робинзону.

Дѣйствительно, видъ этого Робинзона былъ ужасный.

—Ахмедъ! Эй, Ахмедъ, самоваръ!

Явился сторожъ съ огромныхъ позеленѣвшихъ самоваромъ, принесъ затѣмъ чайникъ и стаканы и еще какой-то удивительный круглый пред-

метъ. Я принялъ этотъ предметъ за археологическую находку и мнѣ показались даже кувшинскія надписи.

— Табá, табá, — говорилъ Ахмедъ, — жемчугъ (кушайте)!

— Это — лепешка, пояснилъ Семченко. Нѣтъ-ли у васъ топора разрубить ее? — обратился ко мнѣ онъ. Лицо Семченко было совершенно серьезно. — Ножъ ее не возьметъ.

— Попробуйте, — сказалъ я, можетъ быть, и возьметъ.

Учитель взялъ ножъ, но киргизъ — сторожъ остановилъ его.

— Болмайдн (ничего не выйдетъ).

— Какъ-же ее бить?

— Вильмеймнѣ (не знаю).

Сторожъ улыбнулся во весь широкій свой ротъ, показывая рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, готовыхъ сокрушать не только эту, но желѣзную лепешку, если-бы таковая была.

— Не лучше-ли воспользоваться молотъ мѣшконтъ? спросилъ я Семченко.

Мы достали хлѣбъ и закуски и семейно расположились за чайнымъ столомъ.

— Да, очень тяжело здѣсь жить.

Семченко глубоко-глубоко и грустно вздохнулъ.

Мнѣ стало жаль этого несложившагося еще юношу.

— Вы перепросились-ли на другое мѣсто, не клиномъ съѣтъ сошелся. Но онъ, казалось, не слушалъ меня.

— Иной разъ наложилъ-бы руки на себя, только вотъ она и спасаетъ. Онъ махнулъ рукой по направленію къ этажеркѣ.

Я взглянулъ туда-же, полагая, что гдѣ-нибудь стоитъ бутылочка, эта русская утѣшительница, но увидѣлъ портретъ молодой дѣвочки съ навѣвающимъ улыбающимся личикомъ.

— Это моя невеста. Все думаю какъ-нибудь устроиться.

— Здѣсь-то?

— Конечно, лучше было-бы въ русскомъ селеніи, а здѣсь, какъ мой предѣстникъ, съ ума сойдешь. Сидѣлъ-сидѣлъ да и спятилъ бѣдняга. Какъ началась весна, онъ сталъ собирать прошлогодній сухой камышъ да таловня прутья и вить себѣ на крышѣ гнѣздо. И теперь оно тамъ — большое, страшное. Свилъ, залѣзъ и сидитъ и ничѣмъ не вызовешь оттуда. Какъ только подойдетъ кто-нибудь къ нему, онъ поднимаетъ вверхъ руки, точно птица крыльями взмахнетъ, да и закаркаетъ: каръ-каръ-каръ! Страшно было смѣрѣть. Киргизы говорили: шайтанъ въ русского вошелъ, но своему личику баксу (знахаря) кричали, да толку не вышло. Бакса на кобылѣ игралъ и въ лицо плевалъ больному. Сильный, говоритъ, чертъ вселился въ русского; я ему въ морду плюю, а онъ только посмѣивается.

Изъ темнаго угла вдругъ выскочили двѣ огромныя бурны крысы и стали драться. Семченко вздрогнулъ, и я, взглянувъ на лицо его, несколько подумалъ: ну, и этотъ не далеко отъ гнѣзда, чего добраго — весной сидеть

— Не могу помириться съ этими отвратительными животными, — заговорилъ онъ, — ихъ здѣсь тысячи. Они доводятъ меня до сумашествія и ничего не боятся.

Я не спалъ всю эту ночь. То шумѣли и нычали крысы, то представлялся учитель въ гнѣздѣ, то вырисовывалось личико невесты Семченко, а самъ онъ тоже сидѣлъ въ гнѣздѣ и каркалъ, какъ мельникъ въ «Русалкѣ». Вычталѣннѣ было тяжелое. Наконецъ, приблизился разсвѣтъ. Я поднялся и разбудилъ Семченко, спавшаго тревожнымъ сномъ. Снова появился самоваръ и неизмѣнная табѣ, а затѣмъ были поданы лошади. Тройка захудалыхъ клячь, никогда достаточно нескормленныхъ, съ потертыми плечами и спинами, неподвижно стояла у крыльца. Мы распростлились. Я сѣлъ въ экипажъ. Ямщикъ началъ нахлестывать коней, но они не думали подниматься съ мѣста. Слегка буранило..

—Еще разойдутся, говорилъ ямщикъ,—рысью пойдутъ,—надо только размяться..

Эй, вы—шайтани!

Онъ всталъ съ козеля, взялъ подъ узцы коренника, кричалъ и махалъ кнутомъ, но лошади только патились назадъ.

—Еще разойдутся,—рысью пойдутъ. Эй вы, тврѣ ѣдтеъ!..

Александровъ, А. Е.—Что нужно для обрусѣннѣ инородцевъ. «Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 207. Авторъ говоритъ по поводу напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1892 г. статьи П. Н. Смирнова «Обрусѣннѣ инородцевъ и задачи обрусительной политики». Въ то время, какъ г. Смирновъ своимъ девизомъ на знамени обрусителей ставилъ «христіанство для инородцевъ», г. Александровъ «школа для инородцевъ, какъ средство обрусѣннѣ». Школа подготовила бы почву и для воспрнѣтнѣ христіанскихъ идей, о которыхъ здѣсь говорили бы и котормъ здѣсь проводили бы въ жизнь и учителя, и книги. Тогда, говоритъ г. Александровъ, пусть явятся миссіонеры и бросать сѣмена на воздѣланную почву. Статья посвящена въ значительной степени вопросу о просвѣщеннѣ киргизовъ Внутренней орды.

Александровъ, А. Е. Библиографическая замѣтка. «Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 250.

Рецензія на Буиваръ для киргизовъ. Казань, 1892 г.

Александровъ, А. Е.—Матеріалы для исторнѣ Астраханскаго края. Изъ письма Хана Джангера къ графу Перовскому, — «Астраханскій Листокъ», 1892 г. №№ 258 и 259.

Александровъ, А. Е.—Злой Калій. Изъ разсказовъ Бахти—Гирея Ай-Ханъ—Султанова. — «Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 1.

Очеркъ жизни киргизовъ.—Киргизская сказка.

Александровъ, А. Е.—Ханская Ставка.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 11.

Корреспонденція объ открытнѣ при Ставочномъ двухклассномъ русско-киргизскомъ училищѣ первой въ Букеевской ордѣ публичной библиотеки.

Алекторовъ, А. Е.—Нѣз киргизской степи.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 13.

Говорится, что въ Букеевской ордѣ сдѣлано запрещеніе продавать запасъ сѣна. Распоряженіе вызвано желаніемъ мѣстной администраціи обезпечить орднискій скотъ на случай, если бы зима была сурова, продолжительная и бурная. Въ корреспонденціи ставится вопросъ—что же дѣлать съ сѣномъ тѣмъ изъ киргизовъ, у которыхъ скотоводство стало только преданіемъ, или тѣмъ, у которыхъ сѣна болѣе, чѣмъ нужно имъ для скота.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскій романъ.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 13.

Очеркъ жизни киргизовъ.—Составленная киргизской дѣвушкой, Ханъ-Ханнмъ, пѣсня: «Съ тобой мы дѣлили радость и горе»...

Алекторовъ, А. Е.—Нѣз киргизской степи.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 30.

Сообщается, что въ Наринской части Внутренней—Букеевской ордн лѣтомъ 1892 года былъ неурожай кормовыхъ травъ и что киргизы съ половини декабря кормили уже скотъ своей овсою, покупаемнхъ въ Ханской Ставкѣ и въ деревнѣ Новой Казанкѣ. Многіе погнали табунн слонъ въ сѣвднія части—Камышъ-Самарскую и Торгунскую. Бѣднне съ осени двннулись въ приморскіе округа, надѣясь что-нибудь заработать тамъ на вагатахъ или у зажиточныхъ киргизовъ.

Алекторовъ, А. Е.—Книжный Листокъ.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 162.

Рецензія на Краткій русско-киргизскій словарь. Оренбургъ, 1893 г.

Алекторовъ, А. Е.—Книжный Листокъ. Отчетъ переводческой Комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества, учрежденной при братствѣ св. Гурія въ г. Казани. Казань, 1893 г.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 168.

Указываются книги, изданныя на киргизскомъ языкѣ, при участіи и подъ руководствомъ г. В. В. Катаринскаго ¹⁾.

Алекторовъ, А. Е.—Годъ «Зайца». «Московскія Вѣдомости», 1891 г., № 313

Наибольшая мѣра времени у киргизовъ «мучель», равняющаяся двѣнадцати годамъ, которые имѣютъ названія животныхъ, при чемъ особенно тяжелымъ является почему-то 4-й годъ—«Зайца» (голь-жиги).

¹⁾ Получилъ образованіе въ Казанской духовной академіи,—состоитъ окружнымъ инспекторомъ нноредческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія земли. «Московскія Вѣдомости», 1892 г., № 33.

О неправильномъ распредѣленіи между киргизами Внутренней орды земель послѣ несправедливой раздачи и распродажи ихъ послѣднимъ ханомъ орды Джангеромъ Букеевымъ.

Алекторовъ, А. Е.—Букеевская орда.—«Московскія Вѣдомости», 1892 г., № 68.

Въ статьѣ говорится о недостаткахъ мѣстнаго управленія.

Десятью лѣтъ, протекшія со времени переселенія киргизовъ изъ степей зауральскихъ, говорятъ Алекторовъ, скользя только по поверхности ихъ, не задѣвъ никакой внутренней жизни киргизовъ, не поставивъ ихъ въ близкое общеніе съ окружающимъ русскимъ народомъ. Жили они все время какъ-то особенно, представляя собой въ нѣкоторомъ родѣ отдѣльное княжество, платившее Россіи «подати». Сначала имъ не смѣли сдѣлать преобразованія своимъ что-нибудь непріятное хану Букею, благодарные ему за то уже, что онъ перешелъ съ подвластными киргизами на правый берегъ Урала, отдѣлившись тѣмъ самымъ отъ безпокойной, постоянно волнующейся массы соплеменниковъ, а затѣмъ имъ были поставлены въ ложное положеніе ханомъ Джангеромъ. По смерти его было уничтожено ханское достоинство и былъ учрежденъ временный совѣтъ, во главѣ котораго былъ поставленъ братъ покойнаго хана Адиль Букеевъ, а членами были Менгли-Гирей Букеевъ и Чука Нуралиевъ; кромѣ того командировался въ качествѣ члена временнаго совѣта чиновникъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Совѣтомъ вѣдался дѣла, зависяція отъ разсмотрѣнія и разрѣшенія хана, а составляющіе орду киргизскіе роды управлялись каждый особымъ родоуправителемъ или султаномъ, а части или отдѣленія родовъ—«старшинами», изъ простыхъ киргизовъ; для присутствованія же при сѣдствіяхъ по дѣламъ ординцевъ съ «пограничными» ихъ сосѣдями, опредѣлялись на извѣстныхъ инстанціяхъ «депутаты» (консулы) изъ султанскаго рода.

Такой порядокъ вещей, съ управляющимъ ордой киргизомъ во главѣ, который былъ чуждъ русскимъ началамъ и, по возможности, тормозилъ всякое благое начинаніе со стороны высшей мѣстной администраціи, продержался до 1858 года; въ этомъ же году, 24 января, предсѣдателемъ совѣта по управленію ордой назначенъ былъ русскій чиновникъ и штату совѣта, въ отношеніи административнаго управленія, предоставили кругъ дѣйствій палатѣ государственныхъ имуществъ, а въ отношеніи судебномъ—уѣзднымъ судамъ.

Поставленный во главѣ управленія народомъ киргизскимъ, временный совѣтъ считалъ, конечно, прямою своею обязанностью поддерживать интересы киргизовъ, защищая культуру ихъ, самобытность и не допуская къ нимъ народно-русскій элементъ; открывалось широкое поле для проходимцевъ—муллъ и процвѣтали народные суды «биевъ»; азіатскій поря-

докъ царилъ по широкому лицу Букеевской степи и не было мѣста вопросамъ на счетъ обрусѣнія края.

Становились иногда во главѣ управления и такія личности, которыя, понимая преимущество однородности въ составѣ государства предъ разноплеменностью, разноязычностью и разнорічьемъ и зная, что у киргизовъ не было никогда и быть не можетъ собственной культуры, дѣйствовали въ духѣ объединенія киргизовъ съ русскими, но имъ на пути становились чиновники изъ киргизовъ, которые, въ сущности, заправляютъ дѣлами орды. Мы разумѣемъ здѣсь управителей.

Еще въ 1860 году Букеевская орда раздѣлена была на 7 частей: 1-ю Прикаспійскую, 2-ю Прикаспійскую, Камышъ-Самарскую, Паринскую, Калмыцкую, Таловскую и Тургунскую. Каждую изъ этихъ частей теперь завѣдуетъ особый правитель изъ мѣстныхъ ординцевъ, въ кругъ обязанностей котораго входятъ, во-первыхъ, ближайшій полицейскій надзоръ за киргизами, въ предѣлахъ части его кочующими, наблюденіе за тишиной и порядкомъ, сборъ и взносъ податей и, во-вторыхъ, рѣшеніе мѣстныхъ спорныхъ дѣлъ по народнымъ обычаямъ, при участіи старѣйшихъ общества; при каждомъ изъ правителей состоитъ помѣщикъ, писмоводитель и толмачъ (или переводчикъ). Каждая часть Внутренней орды дѣлится на «старшинства», «старшинства» — на «аулы»; старшинствами завѣдуютъ «старшины», избираемые обществами, они находятся въ непосредственномъ подчиненіи управляющимъ. Эти послѣдніе, вкупѣ съ помощниками (тоже киргизами), депутатами (консулами), старшинами и переводчиками составляютъ поистинѣ темное царство, куда едва ли когда-нибудь можетъ проникнуть лучъ свѣта; здѣсь конецъ всякому русскому вліанію.

Вотъ сущность статьи А. Е. Алекторовъ, который выражаетъ желаніе, чтобы съ преобразованиемъ орды, по возможности, были устранены туземные чиновники. Статья перепечатана Астраханскимъ Вѣстникомъ — №№ 776 и 777 и Астраханскимъ Листкомъ № 44.

Алекторовъ, А. Е.—Задачи русской школы въ инородческой ордѣ.—Московскія Вѣдомости, 1895 г., № 261.

Говоря о задачахъ русской школы въ инородческой ордѣ, какъ лучшимъ проводникѣмъ обрусительныхъ началъ, авторъ касается вопроса объ образованіи киргизовъ Тургайской области, которые далеко опередили въ этомъ отношеніи своихъ сосѣдей, т. е. киргизовъ другихъ степныхъ областей. Не элементъ случайности, говоритъ г. Алекторовъ, преобладалъ въ развитіи дѣла образованія киргизовъ Тургайской области на русской почвѣ и въ русскомъ духѣ, а сознаніе учебнымъ начальствомъ и областной администраціей государственной важности этого дѣла и, вслѣдствіе этого, послѣдовательное проведеніе началъ образованія въ темную и враждебную намъ по духу и строю жизни среду мусульманъ. Путемъ упорныхъ методическихъ усилій въ Тургайской области достигли того, что киргизы съ полнымъ довѣріемъ стали относиться къ русской школѣ и ко всему русскому. На ряду съ этимъ стало замѣчаться колебаніе мусульманской школы, гдѣ иное киргизское поколѣніе воспитывалось и воспиты-

вается въ ненависти къ Россіи, какъ странѣ невѣрныхъ, и гдѣ взоры дѣтей обращаются на Стамбуль (Константинополь).

А. лекторовъ, А. Е. — Исламизмъ и киргизы. — «Московскія Вѣдомости» 1897 г., № 301.

Авторъ въ своей статьѣ обращаетъ вниманіе на то, что киргизы, этотъ способный и весьма воспримчивый народъ, все болѣе и болѣе омуслиманиваются и отатариваются. Этому, говоритъ авторъ, не мало способствовала въ старое доброе время и наша русская администрація — постройкою мечетей и открытіемъ мусульманскихъ школъ. Затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько документовъ, доказывающихъ это. Татары, поощряемые самимъ правительствомъ, разводили вездѣ свои училища — медресе и мектебе, обученіе въ которыхъ, оставляя учениковъ крайне неразвитыми, сильно дѣйствуетъ на нравственную сторону учениковъ, возбуждая въ нихъ фанатизмъ и слѣпое вѣрованіе въ правила ислама. Мы же, говоритъ авторъ, съ сожалѣніемъ, остановились на однихъ благихъ намереніяхъ и предположеніяхъ обрусенія киргизовъ, и вотъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ дальше этихъ камѣней мы не идемъ, но пока мы думаемъ да гадаемъ, нами же пробужденные сторонники ислама уже дѣйствуютъ. Изъ этихъ сторонниковъ ислама авторъ приводитъ наиболѣе виднаго — г. Памала Гаспринскаго, редакторъ-издателя «Переводчика», проповѣдующаго на страницахъ своей газеты, что «Россія дѣлается все болѣе и болѣе мусульманскимъ государствомъ, и все предсказываетъ, что въ будущемъ она станетъ однимъ изъ величайшихъ мусульманскихъ государствъ» («Переводчикъ», 1893 г., № 24). Этими же г. Гаспринскимъ и другими видными дѣятелями мусульманами строятся новыя и реформируются прежнія мусульманскія училища въ Ялыгскомъ уѣздѣ, въ Балхисарай, въ Θεодосіи, Симферополѣ, Касимовѣ, Плецкѣ, Оренбургѣ, Казани, Уфѣ, Тарѣ, Семипалатинскѣ, Пензѣ, Самаркандѣ, Вяткѣ, Пермь, Симбирскѣ и всюду, гдѣ крѣпко засѣли татары. Вотъ какимъ путемъ, говоритъ въ заключеніе авторъ, идетъ объединеніе мусульманскихъ народовъ Россіи. Теперь желѣзнымъ кольцомъ окружили татары и киргизскую степь и скоро не будетъ выхода степнякамъ на широкій просторъ. Уже слышится всюду татарская рѣчь; самый образъ жизни на половину отатаренъ. А что мы за это время сдѣлали, чтобы Россія была болѣе христіанскимъ, чѣмъ мусульманскимъ государствомъ? Мы, русскіе, не можемъ самовольно устраивать педагогическихъ курсовъ, не можемъ самовольно командировать учителей, мы, русскіе, не можемъ самовольно устраивать школы... Все это могутъ дѣлать только татары мусульмане. Это спасаетъ отчасти наше самолюбіе, но что выйдетъ въ концѣ концовъ? Можетъ ли кто поручиться, что въ этихъ самовольныхъ и неизвѣстно гдѣ открытыхъ медресе и мектебе не раздается проповѣдь, отъ которой не поздоровится Россіи? И неужели мы будемъ продолжать бездѣйственно смотрѣть на то, какъ все крѣпче сжимается желѣзное кольцо, которымъ опоясали татары киргизовъ, этотъ способный и весьма воспримчивый народъ?

Алекторовъ, А. Е.—Наши просвѣдительныя задачи въ Средней Азіи.—«Московскія Вѣдомостя», 1898 г. №№ 300 и 301.

Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Для достиженія культурныхъ цѣлей въ Средней Азіи необходимо, прежде всего, ввести русское законодательство тамъ, гдѣ дѣйствуетъ туземное судопроизводство. Такъ называемые народные суды—слишкомъ темныя учрежденія и судьи—лихоимцы. Русскій судъ требуетъ само населеніе. Когда, съ введеніемъ въ дѣйствіе Стенного положенія 1891 г., отъ русскаго судопроизводства отняли брачныя дѣла, туземцы положительно растерялись и доселѣ не знаютъ, что дѣлать—отъ своихъ судовъ правды не добьешься, а уѣздный начальникъ и губернаторъ жалобъ не принимаютъ, и вотъ посыпались прошенія въ разные мѣста и учрежденія. Передъ авторомъ лежитъ прошеніе киргиза № 4 аула Аракарагайской волости, Кустанайскаго уѣзда, Сента Сексенбаева. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1898 г., пишетъ онъ, я взялъ себя въ замужество дочь татарина г. Кустаная Камала Ахтямова—Шамсію и вѣнчалъ меня мулла Забировъ; я выдалъ въ калымъ лошадь въ 60 рублей товару купилъ на 20 рублей, деньгами выдалъ 10 рублей, за вѣнчаніе далъ 3 рубля, купилъ барана—8 рублей, 1 ф. чаю и 4 ф. сахару на 2 р. 22 коп., а всего израсходовалъ 103 р. 22 коп. Въ настоящее время Ахтямовъ дочь свою взялъ, а имуществомъ моимъ воспользовался. Нашъ судъ, кто больше дастъ, того и признаетъ правымъ, а я—человѣкъ бѣдный и дать ничего не могу, кромѣ одного барана, а что одинъ баранъ значитъ? Войдите въ защиту мою, никто не принимаетъ прошенія,—все говорятъ не ихъ это дѣло; чье же дѣло, какъ не нашихъ начальниковъ? Такихъ случаевъ десятки тысячъ. Затѣмъ—необходимо поставить на должную высоту русскую школу, какъ единственный проводникъ въ темную среду инородцевъ просвѣдительныхъ началъ. Русскихъ училищъ, гдѣ они поставлены болѣе или менѣе правильно, туземцы не боятся. Въ приѣздѣ указывается Тургайская область. Въ заключеніе авторъ останавливается на колонизаціи степей. Русскій переселенецъ, гдѣ онъ есть, внесъ уже новыя начала, новый строй жизни въ среду кочевниковъ, которые охотно стали заниматься земледѣліемъ и ведутъ уже почти осѣдлую жизнь.

Алекторовъ, А. Е.—Чудесный ножъ, киргизская сказка—«Оренбургскій Край», 1893 г., № 87.

Алекторовъ, А. Е.—Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій и степные походы въ управленіе его Оренбургскимъ краемъ.—«Оренбургскій Край», 1893 г. №№ 109, 112, 115, 118 и 121.

Есть историческія данныя, которыя касаются киргизовъ,—подданство ихъ русскому народу, грабительства въ степи и высылка легкихъ отрядовъ въ 1836 и 1837 годахъ, для наказанія непокорныхъ киргизовъ,—бунтъ Исетага Тайманова, Каина Галиева и Джуламана, — Кеисара Касимовъ и т. д.

Алекторовъ, А. Е.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ говорится о киргизахъ.—Тургай-

ская Газета», 1895 г., № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 43 и 45.
Указатель касается 1893 года.

Алекторовъ, А. Е.—Въ гостяхъ у старика Утетлеу. — Тургайская Газета», 1895 г. № 9.

О пожертвованіи Байгундинимъ деревяннаго зданія подъ аульную школу

Алекторовъ, А. Е.—Сказка Тлеули. Этнографическій очеркъ.— «Тургайская Газета», 1895 г. № 11.

Алекторовъ, А. Е.—Рецензія на книгу В. Н. Витевского—И. Н. Пеплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Казань, 1895 г., вып. IV—«Тургайская Газета», 1895 г., № 25.

Алекторовъ, А. Е.—Курманбай.—«Тургайская Газета», 1895 г., № 39.

Карагайлысайская лощина—одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Кустанайскаго уѣзда. Лѣтомъ она покрыта роскошною муравой, а по взгорью раскинулся перелѣсокъ. Играетъ легкій степной вѣтерокъ, колышетъ густую траву, шумитъ березами и такъ пріятно провести здѣсь, на лонѣ природы, жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Но киргизы въ Карагайлысай только зимуютъ. Имъ лѣтомъ нуженъ просторъ, степная ширь, и въ зимнее время—уютный тихій уголокъ, какъ эта Карагайлысайская лощина, куда не скоро заберется сѣверо-восточный холодный вѣтеръ и гдѣ не доймутъ свирѣпыя зимніе бураны.

Въ Карагайлысай зимуетъ Курманбай-пѣвецъ,—онъ славится на всю Киньаральскую волость, да и за ея предѣлами имя его между киргизами довольно популярно. Въ молодости своей Курманбай билъ въ Акмолинской и Семирѣченской областяхъ, гдѣ слушалъ лучшихъ пѣвцовъ и самъ пѣлъ. Ему теперь за 40 лѣтъ; онъ средняго роста съ маленькою бородкой; зимую на немъ всегда овчинныя шаровары и черныя бешметы. Поетъ Курманбай рѣдко, только по просьбѣ заѣзжихъ гостей, но поетъ увлекательно, весьма пріятнымъ голосомъ; иногда онъ, какъ и большинство киргизскихъ пѣвцовъ, пронзительно взвизгиваетъ, но это не портитъ пѣнія и совершенно гармонируетъ съ окружающею обстановкой. Мало умѣть пѣть,—киргизскому пѣвцу, необходимо еще быть человекомъ умнымъ, который могъ бы отвѣтить всегда на запросы жизни. Таковъ и Курманбай. Домбра у него старая, заклеенная листками «Тургайской Газеты», но онъ не пренебрегаетъ ея, вѣроятно, ни на какую новую. Какъ жалобно поетъ онъ, когда рассказываетъ о путешествіяхъ, далеко ушедшихъ отъ родины и скучающихъ на чужбинѣ. Возвратъ описывается свѣтлыми красками; быстрее и быстрее перебираются струны домбры и все веселѣе звучитъ голосъ Курманбая. У слушателей физиономіи расплываются въ радостную улыбку. Еще немного и—покажется дымъ изъ каминотокъ,—уже близокъ родной аулъ. Далѣе—трогательное свиданіе, и пѣніе заканчивается ниромъ. Курманбай представляетъ слѣдующихъ пѣвцовъ Ток-

жана и Жуматах, при чемъ страшно ворочаетъ глазами, такъ-что ужасъ окватываетъ ребятншекъ и жутко становится взрослымъ. Оригинально и забавно поется «быкъ». Быкъ идетъ, поводитъ глазами. Явственно слышится ревъ разъяренного животного, сначала вяли, а потомъ—все ближе и ближе,—онъ роетъ рогами землю; слушатели улавливаютъ въ ильин шорохъ разбрасываемой земли. Раздается протяжный сильный ревъ, легкое мычанье, фирчанье... Передать «быка» нельзя, — надо видѣть и слышать эти бесконечно-разнообразные оригинальные бе-бо-бо-бе-бе-бе. Съ быкомъ сравниваются люди — упрямые и глупые. Слушатели неистово хохочутъ. Интересенъ одинъ молодой человекъ — влюбленный. Онъ идетъ взглянуть на предметъ своей страсти. Тощій конь его еле передвигаетъ ноги, а онъ мечтаетъ о томъ, какъ увидитъ свою красавицу, обовьетъ руками гибкій станъ ея и бесконечно будетъ смотрѣть въ черные глубоки глаза; конь уже спотыкается, а влюбленный все мечтаетъ о свиданьи; ни хлѣба, ничего уже нѣтъ,—хочется ѣсть, а онъ все мечтаетъ... Наконецъ, становится ясно, что не доѣхать ему. Нашелся клочекъ бумаги, и молодой человекъ пишетъ письмо:— «Милая моя, дорогая! О, скоро-ль увижу тебя? Радость моя, ненаглядная, безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизньъ... Тутъ увидѣлъ онъ одну дѣвушку и, вмѣсто прежней, отдалъ ей письмо. Таковы ильини чувства у современной молодежи. Чрезвычайно тяжелое впечатлѣнiе произвела на меня ильини дѣвушки; при выходѣ замужъ за немилаго, она до того плачетъ—разливается, что вы представляете всю картину и какъ бы видите склонившуюся на руки матери эту дѣвушку и жалко вахъ се. Представляетъ Курмайбай ильини калмыка, сарта, татарина, башкира. Татары осмѣиваются, какъ замкнутыище свои ильини и пайфым у русскихъ.

Ой, люблю, люблю косари,—

Бульно рано почали...

Ой люблю, люблю косари,—

Люблю стин бас....

И все это подъ музыку съ разнообразными инвертами и съ самою добродушною насмѣшкой.

А лекторовъ, А. Е.—Ничто о рублѣ.—«Тургайская Газета», 1896 г., № 76.

«Просвѣтлѣнiе и поиски знанiй не миловали и сѣверо-восточнымъ мусульманъ Россiи. Въ Казани думаютъ устроить общественную читальню, а въ Троицкѣ крѣпко заняты упорядоченiемъ преподаванiя и улучшенiемъ быта учащихъ. Тутъ особенно ратуютъ за это дѣло Абдували Яушевъ, обаятельный почетный шейхъ Зейнулла Эфендиѣвъ.

Казалось-бы, говоритъ авторъ, это извѣстiе, взятое изъ «Переводчикъ», должно произвести чрезвычайно прiятное впечатлѣнiе; можетъ быть, на кого-нибудь оно и произвело такое впечатлѣнiе, но меня, живущи русскими началами и близко знакомаго съ строемъ и направлениемъ жизни мусульманъ, оно только покорило. Не думайте, читатель, что въ Казани, въ этомъ центрѣ умственного просвѣщенiя восточной Россiи, нѣтъ ни одной

общественной читальни и что мусульманамъ принадлежитъ инициатива открытія, — имъ надо свою собственную народную читальню, гдѣ получались бы татарскія газеты и имѣлись бы татарскія, турецкія и арабскія книги, гдѣ не нахло бы, такъ сказать, русскимъ духомъ. Не думайте также, чтобы въ Троицкѣ заняты были упорядоченіемъ преподаванія въ общепринятомъ смыслѣ и чтобы Абдуveli Яушевъ ратовалъ за русское дѣло, за русскую школу, — ничуть не бывало! Троицкъ-городъ почти исключительно мусульманскій. Мы уже не однажды писали, продолжаетъ авторъ, что отсюда быстрыми шагами распространяется въ степи татаризація киргизовъ, а потому вся забота троицкихъ мусульманъ направлена именно въ эту сторону, т. е. къ развитію и расширенію медресъ и мектебовъ и къ привлеченію въ нихъ большаго количества инородцевъ-киргизовъ и башкиръ. Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ ученики «старшаго круга», во главѣ съ мудрарисами, ишанами и шенхами, расходятся по ауламъ киргизовъ, неся проповѣдь мелама и отрицая все не мусульманское; особенно сильно ратуютъ противъ русской школы, которая завоевываетъ расположеніе тургайскихъ киргизовъ. По осени проповѣдники снова возвращаются въ Троицкъ — въ медресе и мектебы, нѣкоторые же остаются въ аулахъ въ качествѣ муллы и вѣроучителей и живутъ въ степи, по нѣскольку лѣтъ. Борются съ зломъ, ими распространяемымъ, почти невозможно: съ одной стороны, татары страшная денежная сила — и на рынкѣ, и въ думѣ, и въ банкахъ, и вездѣ, а съ другой — они слишкомъ изворотливы, чтобы полагаться. Опорнымъ пунктомъ для вліянія на киргизовъ троицкіе татары избрали г. Кустанай, этотъ русскій Чикаго. Какъ ни жестоко боролась съ ними областная администрація, они все-таки пробрались сюда и крѣпко засѣли, какъ клоны въ разбитый мочальный тюфякъ.

При чемъ же тутъ рубль? Спрашиваетъ авторъ.

— Рубль нѣсколько впередъ.

Изъ Кустаная татары проникли въ Тургай и затѣли — въ Пргиизъ и Карабутакъ. Всюду, гдѣ они появлялись, открывали мектебы и учили киргизскій народъ мусульманской вѣрѣ, проводя идеи, съ которыми русской администраціи приходится усмеленно бороться. Въ одномъ Кустанай появилось около 6—7 мектебовъ. Муллы переходили изъ дома въ домъ, и трудно было опредѣлить — гдѣ собственно школа и какая. Наконецъ, въ ноябрѣ или декабрѣ 1894 года мѣстная полицейская власть услѣдила три училища и были составлены акты о самовольномъ и незаконномъ ихъ открытіи. Ниязъ Багій Бектемировъ, Гатаулла Абдуллатиповъ и Ягуда Хабибуллинъ привлечены были къ отвѣтственности въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1049 ст. Ул. о Нак.

Вотъ тутъ-то мы и подходимъ къ рублю.

Съ 5 января 1895 года началась судебная волокита. Дѣло разбиралось 2 ноября 1895 года, а постановленіе суда о закрытіи мектебе объявлено, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ, т. е. чрезъ три мѣсяца. Ниязъ Багій Бектемировъ, Гатаулла Абдуллатиповъ и Ягуда Хабибуллинъ признаны троицкимъ окружнымъ судомъ виновными и подвергнуты денежному взысканію въ пользу капитала прирѣнія лицъ, приобрѣтшихъ право на обученіе юнше-

ства въ частныхъ домахъ, въ размѣрѣ одного рубля каждый, а при несостоятельности—аресту при полиціи на одинъ день.

Судъ нельзя сказать, говоритъ авторъ, чтобы особенно былъ скорый, но милостивый вполне. Мы не позволимъ себѣ, замѣчаетъ онъ, конечно, назвать такое рѣшеніе насмѣшкою надъ правосудіемъ, но что такое рубль, читатель знаетъ; это—монета по нашему времени, не имѣющая почти никакой цѣны въ родѣ стариннаго ломаннаго гроша. Если-бы Иванъ украсть у Сидора лошадь, у него, т. е. у Ивана, отобрали-бы ее и не зачли-бы это въ наказаніе за воровство; такъ и закрытіе незаконно открытаго мектеба не есть наказаніе открывшему,—все дѣло значитъ въ рублѣ! Автора встрѣтилъ татаринъ Абдулъ-Гамидъ Хамидовъ и говоритъ:

— Ай-ай, русскій судъ бульня хуроша, теперь наше дѣло малъ-малѣ впередъ поидеть... Годъ-два, учимъ «акту» (име. актъ) составлять,—годъ-два судить, рублевку штрафа возмутъ, а въ 4 года плохой мулла заработаетъ 1000 рублей, 999 рублей, значитъ, въ барышахъ... Моя брата муллою пустилъ, свата пустилъ, племянника пустилъ и самъ мектебъ открываю... Бульня хуроша!

Алекторовъ, А. Е.—Тулегенъ. Киргизская сказка.—«Тургайская Газета», 1896 г., № 96.

Алекторовъ, А. Е.—Отрывокъ изъ дневника учителя аульной школы. «Тургайская Газета», 1897 г. № 7, 8 и 9.

Отрывокъ представляетъ собою нѣкоторый этнографическій интересъ.

Алекторовъ, А. Е.—Местъ. Разсказъ.—«Тургайская Газета», 1897 г. № 129.

Въ этомъ разсказѣ г. Алекторова яркими красками обрисовано безотрадное положеніе киргизской женщины, лишенной права свободнаго выхода замужъ (С. Гарденинъ).

Алекторовъ, А. Е.—Тургайская область. Естественныя и производительныя силы области, хозяйственная дѣятельность ея населенія и народное образованіе. Статистическіе очерки.

Приложеніе къ № 2, 3 и 4 «Циркуляра по Оренбургскому учебному округу» въ 1891 годѣ,

Для читателей, говоритъ авторъ, не имѣвшихъ случая познакомиться съ тургайскою областью лично или изъ официальныхъ источниковъ, область эта должна представляться не иначе, какъ terra incognita,—тѣмъ болѣе, что случайно появившіяся въ печати свѣдѣнія о Тургайской области заключаютъ въ себѣ часто весьма рѣзкія несообразности; такъ, напримѣръ, въ издаваемомъ Гоппе «Всеобщемъ Календарѣ» въ росписи городовъ Россійской имперіи нѣсколько лѣтъ сряду появлялся Ирғизъ, населенный 2775 лицами мужскаго и женскаго пола, между тѣмъ объ этомъ же самомъ Ирғизѣ въ известной брошюрѣ «Пески Кара-Бумъ по отношенію къ средне-азиатской желѣзкой

дорогѣ» утверждается, что онъ имѣетъ жителей только 123 души обоого пола. Официальные источники, хотя и ближе подходили къ истинѣ, но послѣдняго десятилѣтія и они не могли считаться удовлетворительными, такъ какъ, по отсутствію въ области всякой статистики основывался не на точныхъ изслѣдованіяхъ, а на гадательныхъ предположеніяхъ. Только въ послѣднее время, благодаря стараніямъ центральной областной администраціи, дѣло статистики получило нѣкоторое развитіе, результатомъ сего и является настоящій трудъ, основанный, съ одной стороны, на официальныхъ данныхъ послѣдняго времени, съ другой стороны—на рассмотрѣніи печатныхъ источниковъ и рукописей и съ третьей—на личныхъ мнѣніяхъ наблюденіяхъ.

Содержаніе книги «Тургайская область» составляютъ слѣдующія главы:—Что представляетъ собою для читателя Тургайская область—На основаніи чего составлено статистическое описаніе этой области.—Границы ея.—Характеръ мѣстности, которую занимаетъ Тургайская область.—Растительное царство.—Площадь Турганской области и административное ея раздѣленіе.—Г. Тургай.—Г. Иргизъ.—Фортъ Карабутаекскій.—Акъ-Тюбе.—Уѣздныя управленія.—Скотоводство киргизовъ.—Дѣсоводство.—Соль.—Горная промышленность.—Численность кочевого населенія Тургайской области.—Численность осѣдлаго населенія.—Поселеніе Кустанай.—Величина уѣздныхъ городовъ, по количеству построекъ въ нихъ.—Подати.—Земскія повинности.—Содержаніе земскихъ трактовъ и почтового. Дѣло народнаго образованія.—Оспонриваніе.—Содержаніе джигитовъ.—Покрываютъ ли расходы киргизы Тургайской области доходами.—Организація медицинской помощи.—Народная нравственность.—Нѣсколько словъ по поводу одной замѣтки газеты «Переводчикъ» и нѣсколько словъ по адресу «Степной Газеты».

А лекторъ вѣ А. Е.—Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея въ Ставочномъ двухклассномъ русско-киргизскомъ училищѣ 6-го декабря 1891 года.—«Циркуляръ по Оренбургскому учебному округу», 1892 г., № 1.

Нельзя не отмѣтить здѣсь приведеннаго въ подлинникѣ письма хана Джангера къ редактору Чукѣ Нуралиеву о пользѣ просвѣщенія. Мы выпишемъ только послѣднія строки письма.—«Я увѣренъ, писалъ Джангеръ Нуралиеву, что вы употребите надлежащія старанія къ вразумленію родныхъ и друзей вашихъ и всѣхъ, кого слѣдуетъ, что если и инші науки приносятъ столь великую пользу, то вникаемъ нашимъ и хорошо жить безъ нихъ нельзя будетъ, что безграмотныхъ и по-русски незнающихъ вовсе не будутъ опредѣлять въ родоначальники и другія должности, что намъ весьма полезно и выгодно имѣть дѣкарей изъ киргизовъ, что всякое стараніе, всякая издержка денжная принесутъ во сто разъ болѣе плода, если они будутъ употреблены на обученіе юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дѣло, что лучше употребить денегъ нельзя, какъ на то, чтобы приобрести знаніе закона Божьяго и правды его и чрезъ развитіе въ наукахъ благородно и честно служить Великому Государю Русскому и народу». Эти строки были написаны 10 апрѣля 1841 года, а 6 декабря того же года

въ день тезоименитства Государя Императора въ Бозѣ почившаго Николая Павловича торжественно было открыто Джангеромъ русско-киргизское училище. По смерти хана, всегда отзывчивое къ нуждамъ народа наше правительство взяло школьное дѣло подъ свое покровительство, на свое почти исключительное попеченіе. Количество образовательныхъ учреждений увеличилось въ Букевской ордѣ до девяти, и въ нихъ обучается болѣе 200 дѣтей обоего пола, большинство изъ которыхъ получаетъ казенное содержаніе.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Отчетъ о состояніи садовъ, огородовъ и насаждъ при школахъ Тургайской области.—Ц и р к у л я р ъ по О р е н б у р г с к о м у учебному округу за 1897 г.. № 11—12.

Природа Тургайской области, за исключеніемъ Кустанайскаго уѣзда и частью Актюбинскаго, весьма бѣдна растительностью и въ этомъ отношеніи производитъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе; Кустанайскій же уѣздъ представляетъ собою счастливое исключеніе. Здѣсь—плодородная почва, хорошая растительность и всюду разбросаны лѣсные колки. Такое положеніе Тургайской области въ отношеніи растительнаго царства обязываетъ, съ одной стороны, бережливо относиться къ дарамъ природы, а съ другой—улучшать эту природу тамъ, гдѣ она плоха и мало пользы приноситъ человѣку. Но киргизы не привыкли еще лелѣть природу, для того же, чтобы заботиться объ улучшеніи ея—они слишкомъ нервобитны; гражданность въ степи до послѣднихъ пяти-шести лѣтъ развивалась въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, русскій элементъ не всегда удачныхъ поселенцевъ мало вносилъ знаній, администрація же не располагала средствами установить болѣе или менѣе правильное отношеніе человѣка къ природѣ, да и не входила это въ ея прямыя задачи. Чтобы поставить дѣло на твердую почву, необходимо воспитать въ любви къ природѣ молодое поколѣніе,—слѣдовательно, школа должна играть здѣсь наиболѣе видную и важную роль. За послѣднее время въ городѣ Оренбургѣ неоднократно устраивались, по инициативѣ учебно-окружнаго начальства, курсы по садоводству, на которыхъ были вызываемы и учителя школъ Тургайской области. Это дало толчекъ къ занятію садоводствомъ и огородничествомъ при школахъ Тургайской области, но до 1895 года разводились садки только при Кустанайскомъ двухклассномъ русско-киргизскомъ и при Кустанайскомъ женскомъ также русско-киргизскомъ училищахъ; затѣмъ было приобрѣтено подъ огородъ соседнее усадебное мѣсто въ $\frac{1}{6}$ десятины для Джитыгаринско-Чубарской волостной школы. Садъ при Кустанайскомъ женскомъ училищѣ уничтоженъ пристроями для женской прогимназіи. Въ 1895 году отведено было г. военнымъ губернаторомъ Тургайской области 20 десятины земли для сельско-хозяйственныхъ занятій учителя и учениковъ Ауліекульской волостной школы, 5 десятины для Буртинской, $5\frac{1}{2}$ для Актюбинскаго двухкласснаго русско-киргизскаго училища, $\frac{1}{2}$ для Жуковской и $\frac{1}{6}$ для Александровской школъ. Въ то же время учителямъ школъ Тургайской области разъяснено было, чтобы каждый изъ нихъ дѣлалъ по садоводству, огородничеству и пчеловодству, что могъ, не дожидаясь особнхъ на этотъ предметъ и при томъ зна-

чительныхъ ассигнованій, такъ какъ не требуется устройство обширныхъ садовъ, питомниковъ и огородовъ, а требуется прежде всего забота о прирѣдѣ, въ какихъ бы размѣрахъ и видахъ ни проявлялась она. У кого есть большія школьныя средства, пусть сообразно съ средствами и разводитъ садъ, огородъ и насады; у кого меньше, пусть это дѣлаетъ въ меньшемъ размѣрѣ; у кого совсѣмъ нѣтъ средствъ, пусть дѣлаетъ то, что самъ можетъ, при помощи учениковъ—устроить при школѣ нарисованникъ, насадить древесныя породы во дворѣ, близъ забора, или гдѣ явится къ тому возможность.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Справедливъ ли былъ г. Харузинъ въ Ханской Ставкѣ?—«Волжскій Вѣстникъ». 1890 г., № 217.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Очерки Внутренней киргизской орды.—«Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ II. Оренбургъ, 1893 г.

Историческій очеркъ,—хозяйственно-топографическое описаніе степи,—скотоводство,—земледѣіе,—торговля,—народное образованіе.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Письмо въ редакцію.—«Нижегородскій Листокъ», 1896 г., № 179.

Письмо касается развитія народнаго образованія въ Тургайской области и написано по поводу статьи «Аульныя школы», помѣщенной въ «Нижегородскомъ Листкѣ», 1896 г., № 175. Обновленіе и оживленіе Азии, говоритъ между прочимъ г. Алекторовъ, надо ждать съ развитіемъ женскаго образованія, такъ-какъ женщины киргизовъ и другихъ магометанскихъ народовъ являются самыми ревностными носительницами всѣхъ возможныхъ преданій, суевѣрій и предрасудковъ, укоренившихся въ народѣ съ принятіемъ магометанскаго вѣроученія, и ярыми противницами образованія на русской почвѣ и въ русскомъ духѣ. Въ Тургайской области, при хорошей постановкѣ учебнаго дѣла, удалось побѣдить и это,—здѣсь существуетъ уже четыре женскихъ русско-киргизскихъ училища—Кустанайское, Тургайское, Карабутакское и Актюбинское, а также Александринская, въ честь Государини Императрицы Александры Феодоровны, женскаго русско-киргизскаго прогимназія, единственнаго во всей Россіи на трехъ-милліонный киргизскій народъ.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Внутреннія извѣстія.—Кустанай, Тургайской области.—«С-Петербургскія Вѣдомости», 1896 г., № 304.

Сообщается объ открытіи Яманчаловской аульской школы въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области. Почетный киргизъ Кустанайскаго уѣзда Исмагилъ Яманчаловъ, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ рожденіе Великой Книжныи Ольги Николаевны, пожертвовалъ на содержаніе этой школы 1630 руб. Киргизы, говоритъ въ замѣткѣ, всегда были отзывчивы къ нуждамъ народнаго образованія. Такъ, когда оренбургскій генералъ-губернаторъ въ 1865 г. возбудилъ вопросъ о постройкѣ русско-киргизскаго училища, бѣдъ

Чубарской волости, Николаевского (нынѣ Кустанайскаго) уѣзда, Тургайской области, Джанатай Емангазиевъ построилъ для училища въ станицѣ Михайловской домъ, который обошелся ему въ 15000 рублей.

Александровъ, А. Е. — У Аральскаго моря.—С-Петербургскія Вѣдомости, 1898 г., № 302.

Странный караванъ двигался въ началѣ сентября къ берегамъ Аральскаго моря. Никто не могъ опредѣлить, что за караванъ идетъ и чѣмъ нагруженъ верблюдами. Одна тропа пересѣкала другую, образуя безчисленное множество верблюжьихъ дорогъ, и неопытному человеку никогда не найти бы своей дороги, а караванъ шелъ увѣреннымъ шагомъ.. Всегда любопытные, встрѣчные киргизы напрасно всматривались въ тѣни — все имъ было непонятно. Верблюды нагружены были учебическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караванъ остановился на урочищѣ Талдышѣ. Здѣсь въ домѣ киргиза Масаганбергена Пирманова, въ аулѣ № 4, Тулагайской волости, Иргизскаго уѣзда, Тургайской области, предположено было открыть первую на Аральскомъ морѣ аульскую школу. Собравшіеся киргизы ошумивали руками мебель, развѣривали невѣданныя книги и погачивали головами. Школа открыта при 11 ученикахъ и 7 неступила на другой день. Учителемъ назначенъ окончившій курсъ кустанайскаго педагогическаго класса киргизъ Сералинъ. Такъ положено начало русскому просвѣщенію въ самыхъ отдаленныхъ и, если позволено будетъ выразиться, въ самыхъ дикихъ киргизскихъ аулахъ.

Александровъ, А. Е.—Изъ Кустаная, Тургайской обл.—«Русское Слово», 1897 г., № 50.

Сообщается, что на содержаніе учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1897 г. Кустанаемъ ассигновано 7342 рубля 50 коп., въ томъ числѣ 2230 руб. на Александринскую женскую русско-киргизскую прогимназію, 1432 р. 50 к., на городское двухклассное училище, 1044 р. на 1-е приходское, 1098 р. на 2-е приходское, 400 р. на третье, 968 р. на женское русское училище, 170 р. на вечернюю школу для взрослыхъ, 400 р. въ пособіе двухклассному русско-киргизскому училищу и 100 руб. обществу попеченія о начальномъ образованіи. Городскіе доходы исчислены въ суммѣ 22.976 р. 29 к.; слѣдовательно, городъ расходуетъ на нужды народнаго образованія болѣе 33% годоваго бюджета. Изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія расходуются 4.417 р. 90 к., изъ областного земскаго сбора — 3.910 р. 10 к., а все содержаніе учебныхъ заведеній г. Кустаная обходится въ 16.170 р. 50 к. Кустанайскія школы, пользуясь такими хорошими средствами, обставлены во всѣхъ отношеніяхъ выше удовлетворительнаго и вполне обеспечены какъ книгами, такъ и наглядными учебными пособиями.

Александровъ, А. Е. — Наши газеты о дѣятельности православной миссіи на русскомъ Востокѣ.—«Народъ», 1897 г., № 237.

Авторъ въ началѣ своей зачѣтки говоритъ, что многія изъ газетъ въ настоящее время переполнены статьями о дѣятельности нашихъ миссіонер-

ровъ среди плородцевъ Востока. Затѣмъ онъ приводитъ вкратцѣ содержаніе статей В. Скаго («Стен. Край»), г. Тихонова («Русскій Вѣстникъ») и С. Р. («Новое Время», № 7643). Находя справедливымъ выказанное г. Скагомъ, что киргизы, принявшіе христіанство, очень долго не могутъ отвыкнуть отъ привычекъ кочевой жизни и при обработкѣ земли являются совершенно безпомощными,—и г. Тихоновымъ, настаивающимъ на перенесеніи миссіонерскихъ станцовъ изъ городовъ въ деревни и селенія, такъ-какъ городская жизнь, полная всевозможныхъ соблазновъ, чрезвычайно дурно вліяетъ на новокрещенныхъ киргизовъ, г. Алекторовъ останавливается на замѣткѣ С. Р., касающейся Тургайской области. Здѣсь, по мнѣнію г. Р., самая благоприятная почва для развитія миссіонерскаго дѣла. Миссіонеръ Тургайской области,—говоритъ С. Р.—сообщаетъ, что послѣ чтенія христіанскихъ книгъ, когда заходила рѣчь между киргизами, что всѣхъ киргизовъ будутъ крестить, жена одного волостного управителя вмѣстѣ съ другими женщинами такъ говорила: «мы не станемъ противиться переходу въ русскую вѣру — чѣмъ русскіе хуже насъ? А будучи русскими и мы, и дѣти наши будемъ досита ѣсть хлѣбъ». Такое устойчиво-спокойное и разумное отношеніе къ православной миссіи даже киргизскихъ женщинъ, всегда консервативныхъ и упорно отрицающихъ всякую новизну не только въ дѣлѣ религіи, но даже въ мелочахъ семейной и общественной жизни, едва ли основательно. Далѣе г. Р. говоритъ, что наши миссіи имѣютъ прозелитовъ преимущественно бѣдиakovъ, не знающихъ какъ существовать среди кочевого быта своихъ сородичей. Принимая русскую вѣру, они надѣются на большее къ себѣ сочувствіе, чѣмъ отъ своихъ родичей, отъ которыхъ они теперь уже отрѣзаны, надѣются, что новое и по вѣрѣ родное имъ общество окажетъ большую поддержку въ устроеніи самостоятельной ихъ жизни и въ заведеніи хозяйства. Въ этихъ условіяхъ каждый киргизъ видитъ единственную возможность избавиться отъ вѣчной кабалы батрака, въ которой до того времени держать его богатые родичи. Останавливаясь на этихъ мысляхъ г. Р., г. Алекторовъ замѣчаетъ, что здѣсь-то и кроется коренная ошибка въ дѣятельности миссіи. Развѣ люди, принимающіе христіанскую вѣру не по убѣжденію, а вслѣдствіе возможныхъ, въ будущемъ, матеріальныхъ выгодъ—истинные и желательные пріобрѣтеніе для церкви?

Вообще, говоритъ Алекторовъ, крестить плородцевъ надо съ разборомъ и менѣе всего набирать новопросвѣщенныхъ христіанъ изъ околачивающихся около городовъ байгушей, а также изъ лицъ опороченныхъ, судившихся за воровство и мошенничество. Призывать къ вѣрѣ надо не загнанныхъ нуждою, полуголодныхъ работниковъ, потерявшихъ способность къ воспріятію новыхъ плодотворныхъ идей, а домохозяевъ, которые пользуются среди общества и почетомъ, и уваженіемъ. Правда, обратить зажиточнаго киргиза въ сотни разъ труднѣе, чѣмъ байгуша, но за-то результаты были-бы несравненно плодотворнѣе.

Алекторовъ, А. Е.—Пѣсня алашница Байтоки на смерть хана Джангера.—Извѣстія Общества Археологич., Историч. и Этно-

трафіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ XIV, выд. 6. Казань, 1893 г.

Этотъ памятникъ киргизской народной литературы, записанный въ одну изъ поѣздокъ по Внутренней (Букеевской) киргизской ордѣ въ Камнишъ—Самарской части, заслуживаетъ вниманія, какъ по своему содержанию, такъ и по отдѣльнымъ образнымъ выраженіямъ (Н. Ѡ. Катановъ).

Алекторовъ, А. Е. — Къ мудрости ступенька. Азбука для учениковъ начальнымъ русско-киргизскимъ школамъ. Москва, 1891 г.

Въ заключеніе предисловія авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «у насъ есть Первая книжка послѣ азбуки для дѣтей туземцевъ Туркестанскаго края, съ переводомъ словъ на киргизскій и сартскій языки, Ичника; есть нѣчто въ видѣ русской грамматики, примѣненной къ обученію киргизовъ, Алтисарина, но нѣтъ самаго главнаго, нѣтъ основнаго, — нѣтъ у насъ азбуки для обученія киргизовъ чтенію русскихъ книгъ. Вотъ почему доселѣ въ русско-киргизскихъ школахъ обученіе писму и чтенію ведется или по «Родному слову», Ушинскаго, или по книгамъ Бунакова, Паульсона, Корфа, Тихомирова и Вольнера. Какъ удивился бы Ушинскій, если бы увидѣлъ, что его книжка «Родное Слово» примѣняется въ тѣхъ школахъ, гдѣ учащіяся чужды русской рѣчи. Въ этихъ школахъ совсѣмъ непримѣнными учебныя книги извѣстныхъ нашихъ педагоговъ—Бунакова, Ушинскаго, Водовозова, Тихомирова и Корфа; матеріалъ ихъ обращается въ совершенно неудобоваримую пищу тамъ, гдѣ учатся дѣти киргизовъ. Хорошо владѣющіе языкомъ ихъ преподаватели кое-какъ сгужаются съ своею задачею, употребляя при обученіи чтенію, русскіе буквары, но учителямъ, незнающимъ киргизскаго языка, просто—бѣда! Трудно имъ безъ знанія этого языка, языка учениковъ своихъ, совершенно неопытныхъ русской рѣчи, расшевелить и развить органы слуха и произношенія для воспріятія чуждыхъ имъ звуковъ. Чтобы облегчить задачу учителей, особенно незнающихъ или малознающихъ киргизскій языкъ, мною и составлена предлагаемая азбука—«Къ мудрости ступенька». Къ азбукѣ приложенъ киргизско-русскій словарь.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизская хрестоматія. Сборникъ статей для переводовъ на русскій языкъ для класснаго и домашняго чтенія. Оренбургъ, 1898 г. Часть I.

1. Оку нѣрселери жана ойуншуктар.—Учебныя вещи и игрушки.
2. Тосек-орун жана идис-анак.—Мебель и посуда.
3. Тамак жана сусми.—Пища и напитки.
4. Смырт кѣм, кѣллек-кѣншек.—Платье, обувь и бѣлье.
5. Кару-курал жана ѣбзелдер.—Орудія и сбруя.
6. Журт-сарайлар, кеме-каныктар жана арба-шаналар.—Зданія, суда и экипажи.
7. Уй-кайуандар жана кыр-кайуандар (аңдар).—Домашнія животныя и дикіе звѣри.

8. Төрт-аяакгы кайуандар жана кустар.—Животниң четвероногія и птици.
9. Шөй жейти жана ет жейти кайуандар.—Животниң травояднык и плотояднык.
10. Балыктар, бака—шайандар, жана курт-кумурскалар.—Рыбы, гадк и насекомыя.
11. Саңрау-кулактар, шөптөр жана кыгадактар.—Грибы, травы и цвѣты.
12. Астыктар, бакшада өсөтүн жапрактар, азма агаштары жана жемистер.—Растенія хлѣбныя и огородныя, ягоди и плоды.
13. Иемис агаштары, жай агаштар жана шоктар.—Деревья плодовые простые и кусты.
14. Металдар, кымбат тастар, жай тастар, топрактар (жерлер).—Металзы и камни, драгоценныя и простые,—земли.
15. Адамдар, кайуандар, өсүм—шыгатын нәрселер, агаш шөптөр, тас-топрактар.—Люди, животныя, растенія и минералы.
16. Тәуликтинг бөлүмдөрү, жумалар, жылдык аумктары.—Части сутокъ, дни недѣли, времена года.
17. Жаздык, шилденинг, күздүнг, кыстынг айлары.—Мѣсяцы весеннїе, лѣтнїе, осеннїе и зимнїе.
18. Уакыттын, узундуктун, аурлыктын өлшөүдөрү.—Мѣры времени, длины и тяжести.
19. Үйдүнг, арба—шананынг, дөбгелектын, агаш-шөптөрдүн, жандыктардын бөлүмдөрү.—Части дома, экипажа, колеса, растенія, животнаго.
20. Кисилг депесенинг, кол-айагынын бөлүмдөрү.—Части человеческого тѣла, руки, ноги.
21. Бастын, беттин, аяактын, колдун бастарынын бөлүмдөрү.—Части головы, лица, ступни, кисти.
22. Көздүнг, муруннын, ауздынг бөлүмдөрү.—Части глаза, носа, рта.
23. Туускан жана тумалас.—Родство и свойство.
24. Түрлү жасгы, кесити адамдар.—Люди по возрастамъ и занятїямъ.
25. Орустардын аттары.—Русскія (христїанскїя) имена.
26. Калалар жана бзендер.—Города и рѣки.
27. Орундук.—Стуль.
28. Шкап.—Шкафъ.
29. Стакан мен кбршөк —Горшокъ и стаканъ.
30. Бутылка.—Бутылка.
31. Вшак.—Ножъ.
32. Сагат —Часы.
33. Өлшөүдөр.—Вѣсы.
34. Бирге туруга тар, жалыз туруга кана (кнйын).—Вѣстї тѣсно, а врозь скучно.
35. Бизинг үйдүнг иши.—Наша семья.
36. Баланынг таңертени.—Утро мальчика.
37. Школ.—Школа.
38. Оку нәрселери.—Учебныя вещи.

39. Клас—абзели.—Класная мебель.
40. Жалкау жана искер.—Лѣнливый и прилежный.
41. Бала-менен кѳкек.—Мальчикъ и кукушка.
42. Сагат-мен бала.—Мальчикъ и часи.
43. Нуржан бѳйдинг окудагы баласина жазган кат.—Письмо бѳя Нур-жана къ смну о пользѳ ученѳя.
44. Тѳрт тлек.—Четире желанѳя.
45. Уй кайуандары.—Домашнѳя животныя.
46. Жылкы —Лошадь.
47. Сыйыр.—Корова.
48. Кой.—Баранцъ.
49. Кырккан сармыка Кудай жылкы жиберди.—На стриженную овечку Богъ тепломъ нахнулъ.
50. Мысык.—Кошка.
51. Ит.—Собака
52. Ер ит.—Храбрая собака.
53. Бала-мен ит.—Мальчикъ и собака.
54. Шал-мен ит.—Старикъ и собака.
55. Айтмс.—Споръ.
56. Буги.—Олень.
57. Ат жана бѳгѳз.—Конь и быкъ.
58. Орман-мен тогай.—Лѳсъ и лугъ.
59. Ышкы жана каскыр.—Коза и волкъ.
60. Каскыр мен малшы.—Пастухъ и волкъ.
61. Шандагы каскыр.—Волкъ въ пшлѳ.
62. Каскыр-мен тѳлкѳ.—Волкъ и лисица.
63. Тѳлкѳ айласы.—Хитрость лисицы.
64. Карга-мен тѳлкѳ.—Ворона и лисица.
65. Тѳлкѳ-менен арыстан.—Лисица и левъ.
66. Арыстан, тѳлкѳ жана кѳкк.—Левъ, лиса и серна.
67. Тѳлкѳ-мен кумырша.—Лиса и кувшинъ.
68. Тыйны мен каскыр.—Бѳлка и волкъ.
69. Койаннг зары.—Жалобы зайца.
70. Камшат.—Бобръ.
71. Билъ.—Слонъ.
72. Кит.—Китъ.
73. Маймылдар.—Обезьяны.
74. Страус (тѳйѳ-кус).—Страусъ.
75. Кси.—Человѳкъ.
76. Сырткы бес сезип блегин карудар.—Пять чувствъ.
77. Кѳздѳр.—Глаза.
78. Кулактар.—Уши.
79. Мурун.—Носъ.
80. Ауз.—Ротъ.
81. Сыйпац блѳ.—Осязанѳе.
82. Колдар жана аяктар.—Руки и ноги.

83. Байлык — Богатство.
84. Шыл жана ӱзүм. — Старикъ и смерть.
85. Кала. — Городъ.
86. Уулдорду калам салады. — Какъ строить дома.
87. Етикши. — Сапожникъ.
88. Тигинши. — Портной.
89. Уста. — Кузнецъ.
90. Нанши. — Булочникъ.
91. Мана астик. — Номий хыбъ.
92. Менрам. — Праздникъ.
93. Школдагы балардыг окумантын кундору. — Праздники.
94. Езги кыз Марія. — Святаа Дѣва Марія.
95. Езги кыз Марія берстениг жаксы (куумишты) кабар айытуу. — Благовѣщеніе св. Дѣвы Маріа.
96. Исусъ Христостыг туум. Оган малшилар келли бас уруу. Рождество Христово. Поклопеніе пастуховъ.
97. Кудай Исусты каремдиб алуу. — Срѣтеніе Господне.
98. Исусъ Христостыг шоммашруу. — Крещеніе Господне.
99. Исусъ Христостыг жарыктануу. — Прображеніе Господне.
100. Исусъ Христостыг Іерусалимге кирүү. — Входъ Исуса Христа въ Іерусалимъ.
101. Исусъ Христостыг крестен алып каберге салуу (кѳмүү). — Снятіе со креста тѣла Исуса Христа и положеніе его во гробъ.
102. Христостыг тирилши туруу. — Воскресеніе Христа.
103. Исусъ Христостыг аспанга шигүү. — Вознесеніе Исуса Христа на небо.
104. Апостолдарга Святый Тын түсүү. — Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ.
105. Кудайдыг ӱдирли кресми тургузуу. — Воздвиженіе креста Господня.

Алтынсаринъ, П. ¹⁾ — Очеркъ бытаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ, похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства. — Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. I. Казань, 1870 г.

Статьи г. Алтынсарина — о свадьбѣ и о похоронахъ до настоящаго времени имѣютъ несомнѣнный интересъ, и по обилію подробностей, характеризующихъ бытовую особенность киргизской жизни, составляетъ богатый матеріалъ для этнографіи этого народа.

¹⁾ См. Ильминскій, Н. — Воспоминанія объ П. А. Алтынсаринѣ. Казань, 1891 г.

Алтисаринъ, Н.—Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку. Оренбургъ, 1879 г.

Руководство составлено для киргизовъ, поступающихъ въ русскія школы и незнающихъ по-русски. Оно содержитъ этимологию и синтаксисъ и образцы для переводовъ.

Алтисаринъ, Н.—«Киргизская хрестоматія». Оренбургъ, 1879 г.

Въ хрестоматіи помѣщены басни и національные рассказы, извлеченія изъ пѣсенъ и стиховъ лучшихъ киргизскихъ пѣвцовъ, а также пословицы и поговорки.

Альбрандтъ, Я.—Букеевская киргизская орда. «Вокругъ Свѣта», 1896 г. № 47—50.

Альджановъ, О.—Легенда о богатомъ Карунбай. — «Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 17. (срав. Коранъ XXVIII, 76—81).

Рассказывается, какъ богатого, но скупого Карунбая постепенно проглатываетъ земля, оставивъ на своей поверхности только его голову.

Альджановъ, О.—Собаченка и кошка. Киргизская басня.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 18.

Альджановъ, О.—Печальное положеніе современной киргизской женщины.—«Киргизская Степная Газета». 1894 г., № 33, 34 и 35.

На разрѣшеніе различныхъ учрежденій степныхъ областей, начиная съ суда бѣвъ и кончая высшею правительственною властью въ край, поступаетъ большое количество брачныхъ киргизскихъ дѣлъ. Самая многочисленность подобныхъ дѣлъ свидѣтельствуетъ уже объ известной ненормальности семейныхъ отношеній киргизовъ. Болѣе же близкое знакомство съ жалобами и просьбами этого рода обнаруживаетъ печальную картину грубаго произвола и деспотизма, тяготящихся надъ киргизскою семьей. Едва-ли даже будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что почти любая киргизская семья обязана своимъ происхожденіемъ акту произвола, дѣйствию чужой воли, помимо всякаго желанія лицъ, которымъ приходится вступать между собою въ бракъ. Можно себѣ представить, какая создается почва для всякаго рода семейныхъ неурядицъ, при дѣйствіи такихъ условій брачнаго права. Но вся тяжесть несчастныхъ послѣдствій, неизбежно вытекающихъ изъ подобнаго рода отношеній, прежде всего и больше всего падаетъ, разумѣется, на киргизскую женщину, какъ существо слабѣйшее и потому, какъ у всѣхъ некультурныхъ народовъ, безгласное и безправное.

Киргизы усвоили себѣ воззрѣніе на своихъ женщинъ не какъ на существа разумныя, одаренныя тоже, какъ мужчинами, тѣломъ и душою, въ груди которыхъ тоже бьется человеческое сердце, а какъ на существа низшія, сотворенныя Аллахомъ для удовлетворенія известныхъ потребностей. Но понятіямъ киргизовъ, женщины живугъ исключительно для размноженія

человѣческаго рода. Поэтому тѣ изъ нихъ, которыя побольше рождать дѣтей, заслуживаютъ и болѣе ласковаго обращенія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ не рождаются дѣти; послѣднія же презираются и имъ приходится оплакивать свою злую судьбу и просить Аллаха, чтобы онъ далъ имъ дѣтей. Въ общемъ, воззрѣніе киргиза на женщину проникнуто крайнимъ недовѣріемъ къ женскому разуму. «Не вѣрь дома женѣ, а въ полѣ коню» — гласитъ киргизская поговорка. Пренебреженіе киргиза къ человѣческому достоинству женщины изводитъ ее на степень вещи.

Альджановъ, О.—Полезныя книги для Киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 39.

Инспекторомъ инородческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, г. Катаринскимъ, при участіи учителей—киргизовъ, составленъ и частію изданъ цѣлый рядъ книжекъ для чтенія и элементарныхъ учебниковъ для изученія киргизами русской грамоты и русскаго языка. Встрѣчая съ глубокимъ сочувствіемъ этотъ добрый починъ въ дѣлѣ распространенія въ киргизской степи русскаго просвѣщенія, авторъ считаетъ долгомъ, хотя вкратцѣ, познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ изданій, въ виду того, что они могутъ принести существенную пользу не только киргизамъ при изученіи ими русскаго языка, но также и русскимъ, желающимъ научиться киргизскому языку. Важною особенностью всѣхъ этихъ книжекъ является то, что киргизскій текстъ напечатанъ въ нихъ русскими буквами. Этимъ достигается та выгода, что для учащагося киргиза до невѣроятности облегчается возможность научиться читать на родномъ языкѣ, если киргизскія слова изображены русскими буквами. Это потому, что русская азбука гораздо лучше и точнѣе передаетъ звуки киргизскаго языка, чѣмъ арабская, и при томъ одна и та же арабская буква имѣетъ нѣсколько начертаній, что представляетъ главное неудобство арабскаго алфавита.

Альджановъ, О.—Руза-гандъ въ степи.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 12.

Описываются праздничныя игры киргизовъ.

Альджановъ, О.—О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизовъ во время эпизоотій.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 48.

У киргиза Чирубай-Нуринской волости, Акмолинскаго уѣзда. Саткожа Бійбытова, на овцахъ появилась повальная болѣзнь—«топаланъ». Между киргизами издревле существуетъ повѣріе, что можно остановить такую болѣзнь,—стоитъ только достать черенъ какого-нибудь покойника, будь онъ родственникъ или чужой. Добытый черенъ слѣдуетъ закопать въ навозъ въ овчарнѣ. Послѣ этого будто-бы болѣзнь совсѣмъ прекратится. Саткожу Бійбытову напомнили объ этомъ повѣртіи и онъ, не долго думая, рѣшился достать человѣчій черенъ. Бійбытовъ досталъ черенъ, принадлежащій Кошкару, отцу своихъ одноульцевъ киргизовъ—Кошпеса и Тайжана Кашкаревыхъ. Черенъ былъ зарытъ куда слѣдуетъ. Существуютъ въ степи и другія повѣрья, которыя нерѣдко влекутъ за собою еще большее распространеніе

и:е поальной болѣзни. Такъ, при появленіи чумы на рогахомъ скотѣ, «топалама» на овцахъ, язвы на лошадахъ, киргизы весь скотъ на ночь угоняють на кладбище, гдѣ находится могила или чтиаго киргиза, человека извѣстнаго своей набожностью, справедливостью. Около его могилы разводять большой костеръ, куда бросаютъ овчины и кости навшихъ отъ болѣзни животныхъ. Загорѣвшіеся шкуры привязываютъ къ шестаиъ и ими пугаютъ животныхъ, гоня ихъ по нѣсколькx разъ вокругъ кладбища и костра. Иногда кусокъ сырого мяса навшаго отъ болѣзни барана съ семью круглыми маленькими камешками завертываютъ въ тряпку. Этотъ узелокъ подбрасываютъ въ котанъ (мѣсто стоянки аула) одного изъ сосѣднихъ ауловъ. Если «топаламъ» появился несномъ, то изъ стада выбираютъ только-что родившаго чернаго ягненка, котораго по нѣсколькx разъ водятъ вокругъ стада, обмазываютъ слюной больныхъ овецъ и оставляютъ его у какого-нибудь «зерка или рѣчки, куда другіе киргизы гоняють на водоной своихъ барановъ. При появленіи сибирской язвы на лошадахъ киргиза на «жель» (мѣсто, гдѣ привязываютъ жеребятъ и доятъ матокъ) сосѣднихъ ауловъ подбрасываютъ уздечки и потники. Много есть и другихъ подобныхъ суевѣрныхъ обрядовъ.

А л ѣ ж а н о в ѣ, О.—Еще шагъ къ просвѣщенію.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 3.

Сообщается объ открытіи въ селеніи Аккульско-Кизмылагачскомъ школы грамоты для дѣтей татаръ и киргизовъ, съ преподаваніемъ русскаго языка.

А л ѣ ж а н о в ѣ, О.—Эреже (постановленіе) одного чрезвычайнаго сѣзда народныхъ судей.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., №№ 48, 49 и 50.

I. Если высватанную невѣсту, къ которой на свиданіе ѣздилъ ея женихъ, отдадутъ замужъ за другого, то родители невѣсты пусть возвратятъ жениху весь полученный отъ него калымъ и кроиъ того пусть заплатятъ ему штрафъ: одну лошадь съ кафтаномъ и верблюда.

II. Если невѣста, къ которой ѣздилъ на свиданіе ея женихъ, умретъ, то жениху пусть будетъ возвращена половина уплаченнаго имъ калыма.

III. Если умретъ женихъ, а невѣста еще живетъ у своихъ родителей и если она не пожелаетъ выйти за кого-нибудь изъ его родственниковъ, то пусть весь уплаченный женихомъ калымъ будетъ возвращенъ его родителямъ.

IV. Если невѣста умретъ послѣ того, какъ ее увезетъ къ себѣ женихъ, и если послѣ себя она не оставитъ дѣтей, то ея приданое дѣлится на двѣ части.—одну часть пусть получаетъ ея отецъ, а другую—ея мужъ.

V. Вдова пусть по своей волѣ выходитъ замужъ.

VI. Послѣ смерти мужа (не оставившаго синовей) пусть вдова выдастъ третью часть его имущества братьямъ мужа; если же у вдовы останется дочь отъ умершаго мужа, то, не выходя ея (дочери) замужъ, пусть имущества ея отца идетъ въ пользу его родственниковъ.

VII. Достаточно уличенный въ воровствѣ пусть возвратитъ покраденное и, кромѣ того, пусть уплатитъ въ пользу потерпѣвшаго штрафъ—«привязанное къ шеѣ и къ хвосту» (разумѣется уплата двухъ лошадей).

VIII. Дѣла (исковья), возникшія за 15 лѣтъ, оставляются безъ разсмотрѣнія, а искн, которымъ прошло больше 10 лѣтъ, удовлетворяются въ размѣрѣ «тая»: претензій, возникновенію которыхъ мѣнѣе 10 лѣтъ, удовлетворяются въ доказанномъ размѣрѣ, прочія же дѣла, возникшія съ 1894 г. по 1895 г., подлежатъ удовлетворенію со штрафомъ.

IX. Исковья требованія скотомъ удовлетворяются по денежной стоимости: верблюды стоятъ 30 рублей, корова—12 рублей, бараны—2 р., лошадь двухлѣтняя—4 р., корова двухлѣтняя—4 р., бѣгунецъ и вноходець отъ 30 до 100 рублей.

Альжановъ, О.—Преданія объ Алаша-ханѣ и объ его смѣи Джачи-ханѣ.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г. №№ 13, 14 и 16.

Преданія записаны въ Атбасарскомъ уѣздѣ у киргизовъ рода «Баганалы».

Альджановъ, О.—Бесѣды воспитаніи киргизскихъ дѣтей. «Киргизская Стенная Газета», 1893 г., № 13.

Альджановъ, О.—Причины обидѣнія киргизовъ.—Киргизская Стенная Газета», 1898 г., №№ 19, 20, 22 и 24.

Альджановъ, О.—Танабай и Батыръ, рассказъ изъ киргизскаго быта.—«Киргизская Стенная Газета», 1898 г. №№ 41, 43, и 45.

Андріевичъ, В. К¹⁾. Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть I. С.—Петербургъ, 1889 г.

Въ VII главѣ книги Андріевича есть указаніе на развитіе сношеній нашихъ съ киргизами и на попытки прivity у нихъ земледѣліе.

Андре, Карлъ²⁾.—Направленіе торговыхъ путей въ Средней Азій.—«Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1859 г., № 12.

Анзимировъ³⁾.—Петрографическій очеркъ восточной части Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области. Омскъ, 1847 г.

¹⁾ Владиміръ Калистратовичъ Андріевичъ, генералъ-майоръ, писатель по исторіи Сибири, родился въ 1835 году, окончилъ курсъ Академіи генеральнаго штаба, съ Сибирью познакомился въ 1881 году, когда назначень былъ начальникомъ штаба войскъ Забайкальской области (Уиц. сл.).

²⁾ Карлъ-Теодоръ Андре—извѣстный географъ и публицистъ, родился въ 1803 г., умеръ въ 1875 г.

³⁾ Григорій Григорьевичъ Анзимировъ горныи инженеръ, окончилъ курсъ въ Горномъ корпусѣ въ 1860 г.

Образование въ киргизской степи горныхъ породъ: простыхъ, кристаллическихъ, массивныхъ, жильныхъ, вулканическихъ, сланцевыхъ и полуметаллическихъ.—Къ книгѣ приложены фотографіи: видъ сонки близъ озера Карагайлы; видъ кварцевъ, гранита, порфира и проч. (всего 20 видовъ).

Аничковъ, А.—По поводу образования киргизскихъ женщинъ въ Тургайской области.—«Тургайская Газета» 1895 г. № 46.

Привѣтствуя увеличеніе школъ въ Тургайской области к созданію женской прогимназіи въ г. Кустанаѣ, отъ души желая развитія и процвѣтанія этому доброму дѣлу, авторъ отмѣчаетъ и обратную сторону медали; вѣрнѣе, говорить онъ, тургайская администрація, давая починъ въ важномъ дѣлѣ образованія и очевидно сочувствуя ему, обратитъ вниманіе на положеніе дѣвочки, окончившей курсъ въ создаваемыхъ ею школахъ и это будетъ первымъ шагомъ къ улучшенію и къ раскрѣпощенію киргизской женщины, которая, на глазахъ русскихъ властей часто служитъ игрушкой въ рукахъ своихъ родичей и имѣетъ мало шансовъ выйти изъ своего рабскаго состоянія.

Аничковъ, П.—Женскій вопросъ въ киргизской степи.—«Православный Благовѣстникъ», 1894 г. № 23.

Среди степного кочевого племени, лучше сказать, въ настоящее время полукочевого киргизскаго народа женщина, поставленная въ условія самостоятельной хозяйки, на рукахъ которой лежатъ заботы о дѣтяхъ, скотѣ, пищѣ, приготовленіи одежды для разнаго времени года, поставкѣ юрты и прочее, не могла, конечно, быть настолько лишена относительной свободы и независимости, какъ у другихъ народовъ тюркскаго происхожденія, исповѣдующихъ исламъ. Кому извѣстны условія жизни киргиза, для того очевидно, что безъ извѣстной самостоятельности, предоставляемой женщинѣ, не могъ бы перекочевать, ни даже просуществовать ни одинъ киргизскій аулъ. Неискуду киргизка, являясь краеугольнымъ камнемъ благосостоянія аула, создала себѣ положеніе самостоятельности хозяйки, безъ совѣта которой мужъ или родовичъ никогда не предпринимаетъ какого либо рѣшительнаго шага. Поэтому въ экономическомъ отношеніи, положеніе киргизской женщины достаточно упрочено и вліяніе ея безусловно велико. Казалось, этого было бы достаточно, чтобы и въ социальномъ отношеніи она заняла подобающее ей положеніе; но тутъ то и является воздѣйствіе тѣхъ условій, которые сплетаются при выдачѣ замужъ киргизской дѣвушки; они парализуютъ то независимое положеніе, которое создаетъ киргизскій экономическій бытъ. Въ социальномъ отношеніи женщина, приобретенная за извѣстное количество калмына, выплачиваемаго съ дѣтства, частью семьей мужа, частью ближайшими родовичами, составляетъ принадлежность рода, изъ котораго она не имѣетъ никакого положенія; выхода ей нѣтъ, потому что она представляетъ собой цѣнность во столько-то головъ скота, которая должна быть возмѣщена, если предметъ ея стоимости переходитъ въ другія руки, помимо того круга родовичей, которые были заинтересованы въ унлатѣ за женщину калмына. До сихъ поръ калмыкъ у киргизовъ такъ великъ, что въ-

и-мъ является заинтересованной довольно большая группа людей и наблюдается склонность къ понижению его до того уровня, когда онъ переходитъ уже въ простой подарокъ или кладку на приданое дѣвницы. Но пока калымъ не вылился въ эту форму сдѣлки, доступной отдельной личности, женщины, за которую вылачивается столько, что цѣнность ея можетъ подъ частъ составлять состояніе цѣлой кибитки, всегда будетъ въ положеніи предмета купли и продажи, каковымъ она и является въ настоящее время, пока не надѣла «джаулыкъ». Цѣлый разрядъ дѣлъ, которыя составляютъ главный предметъ столь развитого у киргизовъ сутяжничества—это дѣло о калымѣ и послѣдствіяхъ его—въ той или другой формѣ. При этомъ однако отъ внимательныхъ наблюдателей киргизской жизни не можетъ ускользнуть то явленіе, что со стороны женщины является уже нѣкото- рый протестъ противъ такого закрѣпощенія, выражающійся въ частныхъ случаяхъ побѣговъ отъ мужа, увозѣ дѣвницъ, невѣрности своему господину и т. п. Къ сожалѣнію, русское законодательство совершенно игнорируетъ этотъ предметъ и предоставляетъ вполне теченію времени и обстоятельствъ разрѣшеніе этого важнаго вопроса. Но на что русский законъ закрылъ глаза, то мусульманскій шаріатъ бдительно наблюдаетъ; онъ незамѣтно проникаетъ въ киргизскій бытъ, котораго «адатъ» подъ вліяніемъ шаріата все болѣе и болѣе принимаетъ мрачный и узкій колоритъ мусульманства. Подъ вліяніемъ торговцевъ татаръ или сартовъ, ишановъ, суфій, а также доморощенныхъ муллъ, мусульманская точка зрѣнія все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду киргизскихъ массъ. Старжины, имѣвшіе возможность наблюдать киргизскую жизнь въ теченіе 15 лѣтъ, одинъ на границѣ Семирѣченской, а другой Тургайской областей, единогласно увѣряютъ, что отчужденіе женской половины отъ мужской и обряды совершенія молитвъ—намазовъ значительно прогрессировали на ихъ глазахъ. Мусульманская точка зрѣнія на женщину извѣстна, а потому законодатели модъ и вкусовъ въ степи—татары и сарты весьма легко, при похощи муллъ, передаютъ свое мировоззрѣніе восприимчивымъ и частью зависящимъ отъ нихъ степнякамъ, а взгляды этихъ пропагандистовъ таковы, что подчиненіе, замкнутость и отчужденіе женщины вполне ими санкціонируются и поощряются. Въ Туркестанѣ, напр., сплошь и рядомъ встрѣчается покупка, подъ видомъ калыма, главнымъ образомъ сартами киргизскихъ дѣвушекъ, послѣдствіемъ чего появился даже особенный типъ туземцевъ «чала-казаки», которые уже, конечно, плотно прикнули къ мусульманской культурѣ.

Аничковъ, П. В.—Киргизскій батыръ Джанходжа Нурмухамедовъ.—Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 1894 г., томъ XII, вын. 3.

Оканчивая статью, авторъ говоритъ: мы можемъ смѣло причислить Джанходжу къ другимъ извѣстнымъ киргизскимъ батырямъ и степнякамъ

героизмъ, въ родѣ Кенисаря, Исета Кутебарова и Саданка, послѣднимъ борцамъ за свободу и самостоятельность тюркскихъ племенъ въ Средней Азiи, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ степи и не смотря на явную несостоятельность своихъ замысловъ, старались при всякой возможности противодействовать русскому владычеству: при этомъ невольно бросается въ глаза, что почти всѣ эти послѣдніе герои среднеазиатскихъ войнъ и возмущеній или киргизы, какъ Кенисарь, Джанходжа, Исеть, Саданкъ, или кичаки (не тоже ли киргизы?), какъ Мулла-Аликуль, храбрый защитникъ Ташкента, убитый во главѣ своей конницы, которую повелъ въ атаку 9-го мая 1865 года въ дѣлѣ при Шоръ-Тюбе, или Абдурахманъ Автобачи, энергичный противникъ русскихъ въ ферганской войнѣ 1876 года, а не сарты или таджики; объяснить это, говоритъ Аничковъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью большимъ развитіемъ національнаго чувства у киргизовъ, чѣмъ у другихъ народностей Средней Азiи, у которыхъ оно вкрадено мусульманствомъ. При всемъ этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Джанходжа не былъ бѣлой кости (ак суйбк), онъ былъ простой киргизъ, видѣвшійся своими личными подвигами и всю жизнь положившій на защиту своихъ сородичей и на борьбу съ ихъ врагами: то онъ гонитъ кара-калпаковъ съ Яны-Дарьи, то нападаетъ на аулы киргизовъ родовъ Кичакъ и Аргинъ, то воюетъ съ кокандцами и ищетъ жестоко хивинцамъ за наслія, то вступаетъ въ неравную борьбу съ русскими и платится своею жизнью. Насколько онъ пользовался уваженіемъ среди киргизовъ, можетъ служить лучшимъ примѣромъ слѣдующій случай, который съ точки зрѣнія киргизскаго «адата» наиболее рельефно характеризуетъ его престижъ: какъ-то батиръ Джанходжа встрѣтился съ султаномъ-правителемъ одной части Малой Орды полковникомъ русской службы Джанъ-Арнстаномъ; не видя на то, что послѣдній былъ султанскаго рода, бѣлой кости (ак суйбк) и имѣлъ такой замѣтный чинъ, онъ, увидя батира, сблизъ съ лошади и сдѣлалъ ему «селямъ» первый. Что касается наружности батиря, то, по разсказамъ видѣвшихъ его и знавшихъ, онъ не былъ, какъ Исеть Кутебаровъ, большого роста и внушительной наружности,—напротивъ—имѣлъ небольшой ростъ, и не отличался видною наружностью. Джанходжа никогда не разставался съ своимъ оружіемъ: кинжаломъ, шашкой и айбалтой, которые всегда лежали около него, даже когда сидѣлъ онъ или лежалъ въ кибиткѣ.

Аничковъ, Н. В.—Поѣздка на киргизскія поминки въ 1892 году.—«Извѣстія Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», 1897 г., том. XIV, вып. 2-й.—«Православ. Благов.» 1897 г., №№ 16 и 17.

Поминки у всѣхъ киргизовъ играютъ большую роль; такъ-какъ дѣлаются обыкновенно въ память какого-нибудь родовитаго человека и служатъ мѣстомъ сборища людей разныхъ родовъ, гдѣ разрѣшаются иногда давніе споры, родовые счеты и разныя тяжбы. Поминки эти устраиваются при помощи родни и рода покойнаго; этимъ сильно поддерживается до сихъ поръ родовая солидарность между киргизами. Г. Аничковимъ описываются

поминок, бывших на Кувай-Дары, по весьма богатому и уважаемому киргизу рода Чумекей. Кары-баю; они назывались «Карыбайскими асомъ»; это были самые большіе и наиболее характерныя поминок. Не смотря на помощь родственниковъ, ближайшая родня умершаго, главнымъ образомъ его сыновья, построивъ мазарку и устроивъ «асъ», раззорились и долго послѣ этого не могли поправиться; но за то ихъ личное тщеславіе и родовая гордость сородичей были удовлетворены: они прославили память своего отца, собственную щедрость, а также силу и вліятельность рода, на всю степь.

Аминъ, П.—Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Часть II, С.-Петербургъ, 1879 г.

Положеніе объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской 21 октября 1868 г. (выдержки).—О передачѣ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія башкарскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ.—Объ учрежденіи должности инспектора школъ Внутренней Букеевской орды.

Аноповъ, О.—Легенды о горахъ Тологай и Борь-Тастаганъ, —«Киргизская Степная Газета», 1894 г. № 29.

Аноповъ, П. А.—Опытъ систематическаго обзоренія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи, С.-Петербургъ, 1889 г.

Есть нѣсколько свѣдѣній о Тургайскомъ Яковлевскомъ ремесленномъ училищѣ. Училище находится въ г. Тургай, —открыто въ 1883 году, по ходатайству инспектора киргизскихъ школъ Тургайской области и содержится на средства, въ количествѣ 1715 рублей, собираемыхъ съ киргизовъ. Въ училище поступають молодые люди въ возрастѣ 14—20 лѣтъ, безъ всякихъ познаній, и обучаются русскому языку и арифметикѣ (въ предѣлѣ программъ однокласснаго сельскаго училища) и, кромѣ того, черченію; на классныя занятія, какъ въ младшемъ, такъ и въ старшемъ отдѣленіяхъ назначено по 12 часовъ въ недѣлю; остальное время учащіеся посвящаютъ ремесленнымъ занятіямъ по столярно-токарному дѣлу. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ всякія занятія прекращаются.

Въ настоящее время въ училищѣ 20 интерновъ и содержаніе обходится въ 3017 рублей. Кромѣ столярно-токарнаго и портняжнаго ремесла, преподается кузнечно-слесарное.

Аноровъ, П.—Замѣчаніе о степяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерній.—«Синъ Отечества», 1839 г., т. VII.

Въ статьѣ содержится краткое описаніе характера почвы Оренбургской киргизской степи, говорится объ обработкѣ земли и о сильномъ истребленіи лѣсовъ (А. Н. Харузинъ).

А—из.—Коннозаводство въ Туркестанскомъ краѣ.—«Коннозаводство и Коневодство», 1890 г., № 51.

Описывая ежегодно устраиваемыя скаковыя состязанія, г. А—изъ говоритъ, что скачки устраиваются безъ всякой строго обдуманной идеи и, по мнѣнію туземцевъ, составляютъ ни болѣе ни менѣе, какъ томашу (развлеченіе). Затѣмъ авторъ статьи сильно стѣдуетъ на то, что въ Туркестанскомъ краѣ не принимается никакихъ мѣръ къ сохраненію вырождающейся породы карабауровъ и улучшенію киргизской лошади, изъ года въ годъ мельчающей.

А—овъ, О.—Баксы и дуаны.—«Киргизская Стенная Газета», 1894 г., № 36.

Званіе баксовъ переходитъ болѣею частью наследственно, затѣмъ вступаютъ въ ряды баксовъ люди, расположенные къ нервнымъ заболѣваніямъ, а иногда изъ матеріальныхъ выгодъ люди, совершенно здоровые. Цѣлое поколѣніе обыкновенно занимается профессіей баксовъ, преимущественно мужская линія. Отъ отца баксымакъ (профессія баксы) переходитъ къ кому-нибудь изъ сыновей, отъ послѣдняго къ внуку, отъ внука къ правнуку и т. д. Бываютъ случаи, что баксымакъ переходитъ отъ отца къ двумъ или болѣе сыновьямъ, но такіе случаи бываютъ рѣдко. Признаками склонности человѣка къ баксымаку служатъ нервное разстройство, припадки, угрюмость, которые повторяются въ ненастную погоду. Въ ненастные дни такіе субъекты часто раздражаются или впадаютъ въ меланхолію. Достаточно малѣйшей причины, чтобы вывести ихъ изъ себя и заставить пѣть заунывные и безсмысленныя пѣсни, въ которыхъ они обращаются главнымъ образомъ къ Богу, а потомъ и къ добрымъ духамъ, чтобы они не тревожили и не мучили ихъ. Послѣ продолжительнаго пѣнія болѣзненные субъекты съ пѣніемъ у рта впадаютъ въ безпамятство, произнося безсвязныя слова.

Въ настоящее время число баксовъ постепенно уменьшается и киргизы теперь имъ мало вѣрятъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ смотрятъ съ презрѣніемъ. Прежде названіе «бакса» было почетнымъ, а теперь оно скорѣе оскорбительное,—такъ напр., вѣтренныхъ и слабохарактерныхъ людей и болтуновъ киргизы называютъ баксами, чтобы выразить, что они не прилично ведутъ себя. Недалеко то время, когда о баксахъ останутся въ устахъ народа только одни горькія воспоминанія.

Въ тѣсной связи съ профессіей баксовъ находится дѣятельность дуановъ. Первоначальная дѣятельность дуановъ была направлена на благо ближняго. Они шествовали съ духовной цѣлью и помогали словомъ и дѣломъ бѣднымъ и сиротамъ. Основателемъ ордена дуановъ считается Шайхи-Бурхи, который по мнѣнію киргизовъ жилъ до Магомета. Онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ за бѣдныхъ и сиротъ; его мнѣшніе дуаны считаютъ своимъ покровителемъ. Поэтому каждый изъ нихъ считаетъ своею обязанностью часто восклицать «О, Шайхи-Бурхи, покровительствующій намъ дуанамъ!» Дуаны путешествуютъ не пѣшкомъ, какъ Шайхи-Бурхи, а верхомъ и при этомъ съ корыстною цѣлью. Они надѣваютъ на голову лебединый шапку, берутъ

въ руки посохъ, поютъ безтолковыя пѣсни, каждая изъ которыхъ начинается двустипіемъ:

Дуаны входятъ въ дверь,
А шайтаны выходятъ изъ дыръ (юрты)..

Подъѣжая къ какому-нибудь аулу, они нараспѣвъ сообщаютъ, что жителямъ аула грозитъ опасность, отъ которыхъ очень трудно спастись. Суевѣрные киргизы даютъ имъ что-нибудь, чтобы они молились за безопасность ихъ, а несуетвѣрные смѣются надъ ними.

Аппасовъ, А.—О ростовщикахъ.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 5.

Въ газетахъ, читалъ я, говоритъ авторъ, что ростовщики берутъ за домъ обыкновенно имущество и деньги, а у насъ (т. е. киргизовъ) берутъ людей. Нѣкто, сартъ по происхожденію и по имени С., взялъ за безцѣнокъ двухъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, выбирая изъ цѣлаго обнищалаго по его же милости рода; нѣкто чала-казакъ Д. взялъ себѣ также красивую дѣвушку, есть и много другихъ примѣровъ.

Аппасовъ, С.—Корреспонденція.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 45.

О воровствѣ, какъ особомъ промыслѣ киргизовъ.

Аппасовъ, Султанъ.—О необходимости образованія для киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 35.

Аппасовъ, Султанъ.—Встрѣча на базарѣ. Изъ дорожныхъ наблюденій.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 22.

Разсказывается исторія одного киргиза. Киргизъ этотъ когда-то былъ довольно состоятельнымъ и вліятельнымъ человекомъ. Но вотъ настали выборы, честолюбіе заговорило въ немъ—захотѣлъ онъ сдѣлаться волостнымъ управителемъ. По для этого нужно было не мало денегъ, а откуда ихъ достать, кромѣ ростовщиковъ. На него несчастье попалъ ему сартъ, который далъ ему 700 руб. съ условіемъ уплатить къ осени 1200 руб. Выборы прошли неудачно,—пятдесятники обманули. Киргизъ потерялъ не только 700 руб., но половину всего своего состоянія. Онъ по прежнему дружилъ съ сартомъ, который посоветовалъ ему обратиться къ адвокату-татарину, если онъ хочетъ отомстить своему счастливавому сопернику, на что киргизъ согласился съ радостью. Татаринъ этотъ выдумалъ на вновь избраннаго управителя массу небывалыхъ преступленій, выставилъ ложныхъ свидѣтелей и отправилъ прошеніе съ этими обвиненіями къ прокурору. Произошло, конечно, слѣдствіе, которое продолжалось цѣлый годъ. За то время оба судившіеся киргиза растратились ужасно, а киргизъ, знакомый Аппасова, потерялъ почти все свое состояніе, которое перешло въ карманы сарта и татарина.

Арандаренко, Г.—Значеніе власти аксакаловъ въ отдаленныхъ кишлакахъ.—«Туркестанскія Вѣдомости», 1874 г., № 25.

Арандаренко, Г. Между туземцами степного уезда.—Туркестанскія Вѣдомости, 1880 г., № 2, 3 и 3.

Арандаренко, Г.—Досуги въ Туркестанѣ. С.-Петербургъ, 1889 г.

Книга представляет сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ въ разное время и посвященныхъ преимущественно сельско-хозяйственному, экономическому и административному положенію страны. Этнографическія свѣдѣнія, имѣющія отношенія къ киргизамъ, можно найти въ первой главѣ—«Между туземцами степного уезда»: судъ, присяга, гостепримство, характеръ,—въ VII главѣ—«Народный Судъ» и X главѣ—«О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ» (А. Н. Харузинъ).

Арасанскій, Л.—Причины волненій въ Киргизскихъ степяхъ.—«Дѣятельность». 1869 г. № 98.—«Современная Литва», 1869 г., № 22.

Находимъ краткій очеркъ быта азіатскихъ киргизовъ.—Авторъ описываетъ административное устройство степи въ разное время, говоритъ о преимуществѣ административнаго устройства, уставовленнаго Чернышевскимъ, и о недостаткахъ «Положенія» 1867 г., которое имѣло слѣдствіемъ волненія въ степи. Волненія, по мнѣнію г. Арасанскаго, поддерживались султанами, утратившими свою власть; другая причина волненій—повышеніе подати съ 1 руб. 50 коп. съ кибитки на 7 рублей (А. Н. Харузинъ).

Аргымбаевъ, Турдмбекъ—Корреспонденція изъ Устькаменогорска.—«Особое приращеніе къ Акмолинскимъ Вѣдомостямъ», 1889 г. № 25.

Въ этой корреспонденціи говорится о воровской дѣятельности киргизъ.

Аристовъ, Н.—Паманганскій округъ Кокандскаго ханства.—«Вѣстникъ Туркестанскаго края», в. и. 2-й

Аристовъ, Н.—Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ—казаконъ Большой орды и кара-киргизовъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тагахъ, а также историческихъ дѣйствій и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій.—«Живая старина», 1894 г. в. III—IV.

Туркскія племена, говоритъ по поводу книги г. Аристова А. Н. Харузинъ, мало создали оригинальнаго, но уже издревле играли громадную роль въ жизни другихъ племенъ, въ ихъ территоріальномъ распредѣленіи, въ образованіи цѣлыхъ государствъ и складѣ ихъ политической жизни. Если турки и не были исключительно разрушающимъ элементомъ, то и не представляли собою въ жизни народовъ Европейско-Азіатскаго континента элементъ создающій. Быть можетъ, именно эти качества содѣйствовали нашему смутному представленію объ исторіи ихъ, происхожденіи, бытѣ, физическомъ типѣ. Для изученія древняго быта тюркскихъ племенъ пре-

неуместенно содѣствуетъ изученіе тѣхъ современныхъ тюркскихъ грубъ, которыя по своему образу жизни всего болѣе приближаются къ своимъ предкамъ,—изученіе тюрковъ—кочевниковъ. Киргизы, эти тюрки, кочующіе на громадномъ пространствѣ средне-азиатскихъ степей, отчасти по сію сторону Урала, хранящіе въ своихъ обычаяхъ, обрядахъ, воззрѣніяхъ много стѣдой старины, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди тѣхъ тюркскихъ племенъ, изученіе коихъ не только интересно, но и полно глубокаго научнаго значенія. Киргизы уже давно занимаютъ въ нашей литературѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ многіе другіе инородцы нашего отечества. Знакомясь съ исторією развитія литературы о киргизахъ, мы видимъ, что изученіе этого народа началось въ концѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, завоевали себѣ видное имя и здѣсь извѣстные изслѣдователи нашихъ окраинъ: Палласъ, Георги, Рычковъ, Лепехинъ. Съ начала текущаго столѣтія литература о киргизахъ не переставала прогрессивно развиваться. Свообразный вишній бытъ—вотъ что привлекло громадное большинство лицъ, писавшихъ о киргизахъ, вплоть до 20-хъ годовъ. Извѣстное сочиненіе А. Левшина: «Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей», сдѣлавъ эпоху въ изученіи интереснаго народа, подвинуло весьма значительно наше знакомство съ киргизами. Три-цѣтне, сороковые и отчасти пятидесятые годы, давшіе массу интересныхъ статей и сочиненій о киргизахъ, часто повторяя уже ранѣе въ литературѣ извѣстное, вдаются въ разсмотрѣніе обычаевъ, обрядовъ, религиозныхъ воззрѣній киргизовъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и обогащаютъ наше знаніе интересными фактами. Дальнѣйшія два десятилѣтія, богатая военными событіями, даютъ новое направленіе литературѣ о киргизахъ: вынуждаютъ изучать наше политическое отношеніе къ киргизамъ, ихъ исторію, политическій и соціальный строй. Литература семидесятыхъ годовъ, продолжая прогрессировать на пути этнографическихъ изслѣдованій киргизовъ, выдвигаетъ на первый планъ вопросы экономическіе. Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе характеризуется въ литературѣ о киргизахъ первыми попытками антропологическихъ изслѣдованій этого народа. Хотя литература о киргизскомъ народѣ, насчитывающая нынѣ свыше 1500 статей и сочиненій, и бѣдна по сіе время трудами, исчерпывающими всесторонне тотъ или иной вопросъ, но зато отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, преимущественно изъ области этнографіи,—фактовъ, ожидающихъ своего обобщенія и освѣщенія, накопилась, безъ преувеличенія, громадная масса. Текущее десятилѣтіе и характеризуется именно попытками нѣкоторыхъ авторовъ связать фактическія данныя въ извѣстную систему и представить читателю нѣчто стройное, цѣлое, освѣщающее данный вопросъ. Сочиненіе Н. Аристова, нѣсколько длинное заглавіе котораго, продолжаетъ г. Харузинъ, мы не повторяемъ здѣсь, слѣдуетъ отнести къ разряду трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые не ограничиваются перечнемъ фактовъ, а группируютъ факты въ подтвержденіе руководящей мысли. Н. Аристовъ останавливается исключительно на родовомъ устройствѣ киргизовъ Большой орды и каракиргизовъ. Родовое устройство названныхъ племенъ не составляетъ у автора собственно поле его изслѣдованія; но факты, добытые имъ отчасти оригинальными изысканіями, отчасти почерпнутые имъ изъ лите-

ратурныхъ источниковъ, онъ старается эксплуатировать для выводовъ объ этническомъ составѣ помянутыхъ народностей. На помощь недоговаривавшихъ фактамъ по родовому устройству авторомъ берутся данія историческія и народныя преданія. Преслѣдуя весьма сложную и трудно-разрѣшимую задачу детальнаго выясненія этническаго состава киргизовъ Большой орды и кара-киргизовъ, авторъ, какъ оно понятно, не исчерпываетъ предмета, но раскрываетъ—и этого нельзя не отметить съ особенныхъ удареніемъ—много новаго и въ высшей степени интереснаго. Трудъ Н. Аристова состоитъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей:—«этническій составъ Большой орды» и «роды и кости кара-киргизовъ». Къ послѣдней статьѣ примыкаетъ особая глава «типы кара-киргизовъ и начинающіеся антропологическія изслѣдованія». Говоря объ этническомъ составѣ Большой орды, авторъ останавливается на генеалогическихъ преданіяхъ киргизовъ и приводитъ легендарную родословную больше-ордынцевъ. Однинадцать именъ этой родословной не что иное, какъ имена современныхъ одиннадцати поколѣній Большой орды. Указавъ на численность отдѣльныхъ поколѣній и на мѣста ихъ современнаго жительства, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ извѣстіямъ о поколѣніяхъ Большой орды. Къ сожалѣнію эта глава не имѣетъ достаточной полноты, въ чемъ, впрочемъ, упрекнуть автора было бы не справедливо. Говоря собственно о четырехъ поколѣніяхъ—бузаты, канглы, сары-уйсуны, джалаиры,—авторъ знакомитъ читателя съ древнею исторіею этихъ поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда самостоятельными племенами. За симъ авторъ переходитъ къ интересному, но мало разработанному вопросу объ уранахъ, т. е. боевыхъ крикахъ, и о тамгахъ киргизовъ. На основаніи находившихся въ распоряженіи автора данныхъ, онъ старается опредѣлить родовой и племенной составъ Большой орды. Многочисленныя киргизскія тамги, свойственныя каждому киргизскому роду, сводятся по мнѣнію Н. Аристова на шесть основныхъ типовъ: а) прямая черта и ея удвоеніе, б) кругъ и его удвоеніе, в) полукругъ, г) сочетаніе двухъ прямыхъ, образующихъ уголь или крестъ, е) соединеніе подъ углами трехъ прямыхъ и ф) соединеніе четырехъ прямыхъ подъ прямыми углами. Сельмой типъ, приводимый Н. Аристовымъ, «соединеніе круга или полукруга съ одной, двумя и тремя прямыми», по мнѣнію г. Харузина, представляетъ сочетаніе первыхъ двухъ типовъ съ послѣдующими тремя. Н. Аристовъ придаетъ тамгамъ киргизовъ громадное значеніе. Это есть знакъ родовой, неизмѣнный, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени; но есть ли возможность даже при наличности достаточнаго матеріала возстановить родственную связь отдѣльныхъ родовыхъ группъ киргизовъ, какъ между собой, такъ и съ родовыми группами другихъ тюркскихъ племенъ,—по сіе время остается вопросомъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, изысканія Н. Аристова немаловажны на этомъ пути представляются новыми, въ высшей степени интересными и освѣщающими многія темныя мѣста, не только въ происхожденіи элементовъ, составившихъ киргизскую народность, но и во взаимномъ родствѣ ихъ съ кара-киргизами. Болѣе подробно, чѣмъ Большую орду киргизовъ, авторъ разсматриваетъ кара-киргизскую народность. Останавливаясь на народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи кара-киргизовъ, Н. Аристовъ переходитъ къ

историческимъ даннымъ. И тѣ и другія убѣждаютъ автора въ древнѣмъ происхожденіи «киргизовъ» (т. е. кара-киргизовъ) и въ примѣси къ этому народу мноплеменниковъ, преимущественно въ лицѣ наймановъ, катаевъ и кичаковъ,—племень, имѣвшихъ въ свою очередь древнюю исторію. Далѣе авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе тамгъ и родовыхъ именъ кара-киргизовъ и, на основаніи ихъ, выводитъ свои заключенія относительно болѣе или менѣе близкаго генеалогическаго родства кара-киргизовъ съ другими племенами и, въ частности, съ киргизами. Эти изысканія и служатъ Н. Аристову главнѣйшей задачей его труда. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что, просматривая имена родовъ разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ-то: киргизовъ, кара-киргизовъ, башкиръ, узбековъ, туркменъ, алтайскихъ тюрковъ и др., нельзя не видѣть общность многихъ родовыхъ именъ, встрѣчающихся то у тѣхъ, то у другихъ народностей. Нѣкоторыя изъ такихъ именъ болѣе распространены, иные менѣе. Есть авторы, которые склонны видѣть въ этомъ повтореніи родовыхъ именъ у разныхъ племенъ извѣстную случайность. Такой взглядъ ничѣмъ не мотивированъ и никоимъ образомъ не можетъ считаться правильнымъ. Сознывая это, другіе авторы въ своихъ трудахъ уже неоднократно отмѣчали повторяемость именъ отдѣльныхъ родовъ, но не давали этому явленію никакого объясненія, исключая тѣ случаи, когда объясненіе, какъ сказать, навязывалось само собою. Н. Аристовъ, пользуясь извѣстными ему списками поколѣній и родовъ, пользуясь данными историческими, которыми, къ слову будь сказано, вообще крайне скудны, прибѣгая къ изображеніямъ тамгъ, пытается возстановить генеалогическую связь, съ одной стороны, между кара-киргизами и киргизами Большой орды, съ другой же стороны между отдѣльными родами поколѣній. Задача эта крайне трудна: во-первыхъ, многіе рода новаго происхожденія, между тѣмъ время ихъ возникновенія не извѣстно; во-вторыхъ, сліянiе нѣкоторыхъ родовъ произошло уже давно, существованіе родовъ и поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ племенъ, относится нѣрѣдко къ весьма отдаленнымъ отъ современныхъ дней временамъ, восходя до начала (и даже ранѣе) нашей эры. Наконецъ, расселеніе разныхъ племенъ, встрѣчаемыхъ нами въ лицѣ поколѣній и родовъ тюркскихъ племенъ, въ свою очередь, происходило нѣрѣдко очень давно, при томъ крайне разно-временно и въ большинствѣ случаевъ и никакъ не датировано. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вѣрно и точно возстановить, такъ сказать, контуры генеалогіи современныхъ тюркскихъ племенъ, надо быть хорошо вооруженнымъ и знаніемъ языковъ, и историческими данными, и обильнымъ, звѣреннымъ и провереннымъ современнымъ матеріаломъ. Всѣ эти условія необходимы, а между тѣмъ обладаніе ими не всегда зависитъ отъ автора самого: вотъ почему мы далеки, говоритъ г. Харузинъ, отъ мысли упрекать Н. Аристова въ шаржированіи, если можно такъ выразиться, своего, по существу совершенно правильнаго метода. Вотъ почему мы не останавливаемся на деталяхъ добытыхъ имъ результатовъ. Нельзя не усмотрѣть, однако, заслуги Н. Аристова въ томъ, что имъ сдѣланъ починокъ въ совершенно новой—въ изученіи тюркскихъ племенъ—области, которую мы могли бы назвать рациональной генеалогіей. Всякому понятно, что генеалогія народа лишь до

известной степени способна раскрыть истинный состав данного племени: генеалогія даетъ качественный анализъ его, оставляя вопросъ о количественномъ составѣ до известной степени открытымъ; но, съ другой стороны, генеалогія племени служитъ могучимъ подспорьемъ для изученія ихъ исторіи и связанныхъ съ нею, дробленія и расселенія племени, для изученія бытовыхъ явленій и, наконецъ, физическаго типа. Кроме того генеалогія современныхъ племени служитъ подспорьемъ для изученія исторіи, этнографіи и антропологии уже исчезнувшихъ, часто загадочныхъ для насъ, народовъ, почитавшихся подъ часъ вымершими и исчезнувшими безслѣдно, между тѣмъ продолжающими существовать въ лицѣ поколѣній или родовъ современныхъ, но несущихъ совершенно иные наименованія народностей. Паукая на основаніи генеалогическихъ данныхъ, связанныхъ съ родовыми именами, составъ современныхъ тюрковъ, намъ представляется возможнымъ, такъ сказать, воскресить давно забытыя исторіей племена, какъ наймановъ, кангловъ, китаевъ, кичаковъ, дулатовъ, киреевъ, усюней, динлиновъ и др. П. Аристовъ удается на основаніи своихъ изысканій установить известную связь между нѣкоторыми нинѣ исчезнувшими племенами и ихъ отношеніемъ къ современнымъ кара-киргизамъ и киргизамъ Большой орды. Резюмируя наиболее осязательные результаты труда названнаго автора, ухѣстно помѣстятъ ихъ здѣсь, какъ представляющіе новый и выдающійся интересъ. Кара-киргизовъ П. Аристовъ считаетъ генеалогически прямыми потомками древнихъ усюней. Но усюнейскій народъ, занявшій за два вѣка до Р. X. западный Тяньшань, уже тогда не являлся цѣльнымъ, а представлялъ союзъ изъ тюркскихъ родовъ и киргизовъ; во главѣ этого союза стоялъ усюнейскій отдѣлъ киргизовъ. У усюней и киргизовъ (давшихъ современнымъ кара-киргизамъ свое имя) были общіе предки—древніе киргизы, происшедшіе, въ свою очередь, изъ смѣшенія тюрковъ съ длинноголовою и свѣтлоокрашенною расою динлиновъ. Большая орда киргизовъ образовалась преимущественно изъ исчезнувшихъ нинѣ кангловъ и дулатовъ съ присоединившимся къ нимъ кара-киргизами (киргизами), которые составили поколѣніе сары-уйгуновъ Большой орды. Присоединившіеся къ «киргизамъ» тюрки были родственные дулатамъ; сами же дулаты суть такъ-же, какъ и канглы, два особаыхъ тюркскихъ племени, отличныя отъ кара-киргизовъ; въ составъ дулатовъ вошла незначительная часть динлинскаго племени. Взвѣсивая по достоинству добытыя П. Аристовымъ результаты его научныхъ изысканій, оцѣнивая весь кропотливый трудъ, потраченный имъ при его работѣ, тщательность литературныхъ источниковъ и сотни сгруппированныхъ интереснѣйшихъ фактовъ, касающихся преимущественно родового устройства киргизовъ Большой орды и кара-киргизовъ, мы не можемъ, заканчивая статью свою г. Харузинъ, не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ интереснаго «опыта выясненія этническаго состава» названныхъ племени, не можемъ не пожелать почтенному автору успѣха въ его дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Аристовъ, П.—Печенѣги, половцы и тюрки до нашествія татаръ. Кіевъ, 1894 г.

Арсеньевъ ¹⁾.—Статистическіе очерки Россіи. С.-Петербургъ. 1848 г.

Артеменко, Ст.—Объ искусственномъ облѣсеніи степей.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 4.

Наиболѣе желательно подвергнуть облѣсенію ту часть Акмолинской области, въ которой слабо выражается естественное произрастаніе лѣса. Такими мѣстностями слѣдуетъ считать уѣзды Атбасарскій и Акмолинскій, гдѣ недостатокъ лѣса, въ особенности въ черноѣ изъ названныхъ уѣздовъ, такъ великъ, что киргизы вынуждены пріобрѣтать таковой даже для своихъ необходимѣйшихъ домашнихъ подѣлокъ изъ чрезвычайно удаленныхъ мѣстъ, лежащихъ нерѣдко въ другихъ уѣздахъ и областяхъ; по разведеніи же лѣса они сверхъ естественныхъ удобствъ, доставляемыхъ таковыми, будутъ имѣть еще даровое топливо. Въ особенности нуждаются въ облѣсеніи тѣ волости Атбасарскаго уѣзда, которыя расположены по прибрежьямъ рѣкъ Ишима, Терсакана и Каракегиря, а также на мѣстности Каркаралы и въ окрестностяхъ Улутава, а въ Акмолинскомъ уѣздѣ—волости: Акмолинская, Ишимская, Еременская, Коржункульская и Кызыл-Топракская.

Артеменко, Ст.—О наследственномъ землепользованіи у киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г. №№ 38, 39 и 40.

Основной принципъ русскаго законодательства о киргизскомъ землепользованіи сводится къ тому, что все пространство земель, занятыхъ кочевьями, всегда должно составлять государственную собственность, предоставленную временно въ пользованіе киргизскихъ обществъ, а не отдѣльныхъ кочевниковъ; въ видахъ же поощренія осѣдлаго образа жизни киргизовъ и занятія ихъ земледѣльческою культурою, законъ не возбраняетъ обществамъ раздѣлить свою землю между отдѣльными членами, при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которые серьезно занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и садоводствомъ, предоставлено право передавать обрабатываемые участки по наследству. Главнымъ образомъ, не запрещается передавать по наследству и участки, на которыхъ возведены постройки, указывающія на склонность владѣльца къ переходу къ осѣдлой жизни. Однако, во избѣжаніе изворотливости и обхода требованій закона недобросовѣстными киргизами, постановлено условіе, что право на наследственное пользованіе землею предо-

¹⁾ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ—статистикъ, историкъ и географъ, родился въ 1789 году въ семьѣ священника села Мирханова, Костромской губерніи. образованіе получилъ въ духовной семинаріи и Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1810 году. Въ 1817 году Арсеньевъ получилъ мѣсто адъюнкта-проф. въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1824 году былъ назначенъ редакторомъ комиссіи составленія законовъ и занималъ эту должность до 1828 года, когда на долю его выпала высокая честь стать преподавателемъ Наслѣдника престола. Съ 1832 года Арсеньевъ былъ членомъ совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1835 по 1853 г. заведывалъ работами статистическаго комитета, умеръ въ 1865 году.

ставляется владѣльцамъ до тѣхъ лишь поръ, пока отведенные имъ участки обрабатываются или заняты жилыми дѣйствующими хозяйственными постройками. Въ противномъ случаѣ, такіе участки переходятъ въ распоряженіе обществъ и могутъ быть отданы другимъ лицамъ. Права же на наследственное пользованіе землями, пожалованными въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ качествѣ частной собственности, точно опредѣлены въ ч. 1 т. X Закон. Гражд., и киргизы, владѣющіе такими землями, распоряжаются ими на общихъ основаніяхъ съ другими російскими подданными, имѣющими частную земельную собственность.

Артеменко, Ст.—О правѣ киргизовъ на бесплатное пользованіе казенными лѣсами.—«Киргизская Стенная Газета», 1895 г. № 41.

Артеменко, С. К.—О порядкѣ развѣдокъ и разработки ископаемыхъ на казенныхъ земляхъ степныхъ областей.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 11, 12, 13 и 14.

Артеменко, С. К.—Волкъ въ овечьей шкурѣ.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 17, 18, 19, 20 и 21.

Когда наши восточныя границы не были установлены прочно, этихъ пользовался предводителями разныхъ мелкихъ шаекъ, составленныхъ изъ буйныхъ барантачей-киргизовъ, не пожелавшихъ принять подданство покорившей ихъ Россіи. Совершая на русскую сторону набѣги и производя грабежи, шайки доставляли не мало хлопотъ вновь утвердившейся русской власти, не располагавшей въ первое время достаточнымъ количествомъ войскъ, для прекращенія подобнаго нежелательнаго явленія. Русскихъ консульствъ по ту сторону границъ еще не существовало и договоры съ соседними государствами объ обязательной поимкѣ и выдачѣ грабителей еще не были заключены. Появляясь внезапно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, барантачи наводили ужасъ на мирное кочевое населеніе, нарушая обычное теченіе его незатѣйливой жизни. Предусмотрѣть появленіе шаекъ и принять противъ нихъ своевременныя мѣры было рѣшительно невозможно, такъ-какъ, ихъ, во-первыхъ, было слишкомъ много, во-вторыхъ—они избирали для своей работы мѣстности наиболее удаленныя отъ расположенія русскихъ войскъ и, въ-третьихъ, войска, занятія другими неоконченными военными операціями, не могли до окончанія этихъ операцій выдѣлать изъ своего состава необходимыя части для усмиренія буяновъ. Первое время населеніе старалось отбиваться отъ барантачей собственными силами. Въ аулахъ имѣлись ружья, пикъ и сабли, которыми молодежь и киргизы средняго возраста владѣли въ тѣ смутныя времена довольно умѣло. Происходили ожесточенныя схватки съ барантачами и, хотя послѣдніе рѣдко брали верхъ, тѣмъ не менѣе частые набѣги ихъ причиняли постоянныя безпокойства и заставляли мирныхъ киргизовъ жить, такъ сказать, на военномъ положеніи. Г. Артеменко рассказываетъ о предводителѣ одной изъ грабительскихъ шаекъ Кереметѣ, челоуѣкѣ смѣломъ и безпощадномъ. Укрываясь по ту сторону границы, шайка его оставалась долгое время безнаказанною,

пока не населила укряншему еѣ государству, которое въ концѣ концовъ рѣшилось уничтожить еѣ. Кереметь былъ пойманъ и заключенъ подъ стражу. Его присудили къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Однако, пока хѣстныя власти были заняты поимкою его шайки, самому Керемету удалось бѣжать на русскую границу, и здѣсь онъ, какъ полкъ въ овечьей шкурѣ, проживалъ между киргизами въ качествѣ благочестиваго ходжи. Онъ былъ однако пойманъ и отправленъ въ вѣчную ссылку.

Артемьевъ, А. ¹⁾—Нѣсколько замѣтокъ о киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1859 г., ч. XXXVIII, кн. X, отд. III.

Излагается исторія нашихъ сношеній съ киргизами, описываются границы Малой орды, пространство и почва ея, климатъ, народонаселеніе, скотоводство, хлѣбопашество, земледѣльство и торговля. Здѣсь же находится очеркъ Букеевской орды: исторія возникновенія ея, границы, пространство, почва, управленіе, населеніе и скотоводство (А. Н. Харузинъ).

Артемьевъ, А. — Астраханская губернія. — Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1861 г.

Киргизамъ посвящается глава VI; свѣдѣній мало и тѣ всѣ устарѣли; въ этой же главѣ перепечатанъ изъ статьи Я. В. Ханникова—«Очеркъ состоянія Внутренней киргизской орды» (Зап. Императорск. Геогр. Общ., кн. II) списокъ урочищъ, при которыхъ кочуютъ букеевскіе киргизы.

Артикбаевъ, Сарсекей.—Изъ Павлодарскаго уѣзда.—Особое прибавленіе къ «Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 26.

«Архивъ Государственнаго Совѣта 1869 г.», С.-Петербургъ, т. I, ч. II.

Заключаетъ законоположенія, относящіяся до Астраханскаго края.

Асаиновъ, Джабенъ.—Корреспонденція изъ Каркаралинска.—Особое прибавленіе къ «Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 16.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Артемьевъ, историкъ, археологъ, этнографъ и статистикъ, родился 24 окт. 1820 г., умеръ 29 сент. 1874 г., воспитывался въ Казанскомъ университетѣ. Съ 1844 по 1852 г. Артемьевъ былъ редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ 1850 году избранъ членомъ корреспондентомъ Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, а также членомъ Русскаго Географическаго Общества, съ 1852 г. служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работалъ по статистикѣ Россіи. Какъ хороший знатокъ русской географіи и статистикъ, Артемьевъ участвовалъ въ составленіи «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи» (Казанской, Ярославской, Астраханской и др. губерній)

Асапъ—Кангм.—Корреспонденція (изъ Вѣрнаго).—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 4.

Объ устроенномъ киргизами Жиембаевыми тоѣ по случаю обрѣзанія синовей. Для гостей было заколото 50 лошадей, 100 барановъ и много израсходовано муки, чаю, рису и фруктовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1890 г., № 233.—Хитрость ребенка, киргизская побасенка.

Не смотря на свое киргизское происхожденіе, побасенка эта сильно напоминаетъ извѣстное дѣтямъ нашимъ повѣствованіе о мужикѣ и волкѣ, подъ заглавіемъ—«Старая хлѣбъ-соль забывается».

«Астраханскій Вѣстникъ», 1890 г., № 391.—Къ вопросу о миссіонерствѣ въ киргизской степи.

Говорится о томъ, что въ послѣднее время вниманіе нашего правительства обращено на религіозную жизнь киргизовъ, въ огромномъ числѣ кочующихъ въ степяхъ Азіатской Россіи, и что Св. Синодъ предполагаетъ основательно заняться дѣломъ распространенія среди кочевниковъ христіанскаго ученія—съ цѣлью ослабить, а въ послѣдствіи, при благопріятныхъ условіяхъ, и вовсе искоренить магометанство въ народѣ киргизскомъ. «Астраханскій Вѣстникъ» сомнѣвается, однако, въ успѣхъ этого дѣла, указывая въ примѣръ безуспѣшности на киргизское отдѣленіе основанной Макаріемъ Алтайской миссіи. Судя по этому, говоритъ «Астраханскій Вѣстникъ», надо думать, что букеевскіе киргизы окажутъ миссіонерамъ сопротивленіе, такъ какъ, находясь съ давнихъ поръ подъ вліаніемъ татаръ, успѣли настолько войти во вкусъ Магометова ученія, что въ данное время трудно встрѣтить въ Букеевской ордѣ семью, которая въ точности, съ самою отъявленной педагогичностью, не исполняла бы всего, что требуется отъ каждаго «добраго мусульманина».

Въ заключеніи газета говоритъ, что необходимо учредить какъ можно больше школъ съ преподаваніемъ дѣтямъ киргизовъ русскаго языка, причемъ учителями должны быть лица, хорошо владѣющія киргизскимъ языкомъ и получившія спеціально-педагогическое образованіе,—при такихъ только условіяхъ можно разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ, сильно тормозящимъ просвѣщеніе киргизовъ и держащимъ ихъ на степени полудикости.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 632.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника», въ зашѣткѣ «Сѣвѣрное сообщеніе» читаемъ слѣдующее:—«Въ послѣднемъ № «Справочнаго Листка» сообщалось, что предсѣдатель временнаго совѣта по управленію Внутреннею киргизскою ордой В. М. Лазаревскій, озабочиваясь обезпеченіемъ киргизской ордѣ запа-

¹⁾ «Астраханскій Вѣстникъ» издается съ 1889 г. Основанъ Н. А. Зеленскимъ. Въ 1894 г. изданіе перешло къ Н. Евф. Алекторовой. Редакторъ—издатель Н. А. Длинбергъ.

сами хлеба и сѣна въ предстоящую зиму, между прочимъ, сдѣлалъ уже распоряженіе о запрещеніи киргизамъ, впредь до особаго распоряженія, продажи и вывоза сѣна изъ киргизской степи за ея предѣлы. Къ этому сообщенію «Листокъ» прибавилъ даже, что мѣра вызвана особой предусмотрительностью, въ виду плохихъ урожаевъ сѣна въ настоящемъ году». Свидѣнія, говоритъ «Астраханскій Вѣстникъ», нами были проверены путемъ справки въ компетентномъ учрежденіи и оказались невѣрными: г. Лазаревскій до сихъ поръ еще не вступалъ въ должность предсѣдателя совѣта киргизской орды, почему и не могъ дѣлать никакихъ распоряженій по обезпеченію киргизскаго населенія ни хлѣбомъ, ни сѣномъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 732.—Ханская Ставка.

Говорится о томъ, что въ Ханской Ставкѣ 6 декабря происходило скромное празднованіе 50-ти лѣтняго существованія мужского двухкласснаго училища, основаннаго ханомъ Джангеромъ. Послѣ литургіи въ церкви, въ школѣ было открыто молебствіе въ присутствіи учебнаго персонала, членовъ совѣта и родственниковъ учащихся. Затѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ Внутренней орды А. Е. Алекторовъ прочиталъ письмо покойнаго хана къ дядѣ своему Чукъ Нураліеву о пользѣ для киргизовъ образованія въ русскомъ духѣ и въ слѣдомъ очеркъ познакомилъ присутствовавшихъ съ состояніемъ школы за минувшіе польза; между прочимъ указалъ на возрастающее среди киргизовъ стремленіе къ обученію въ русскихъ школахъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1892 г., № 901.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная хроника» сообщается, что, въвиду существованія холерной эпидеміи въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Внутренней киргизской ордѣ, въ Таласкомъ поселкѣ этой орды, августовская ярмарка въ 1892 г. отмѣняется.

Астраханскій Вѣстникъ 1895 г., № 1155. — Русско-киргизская школа ремесленныхъ учениковъ.

Сообщается, что 13 ноября, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія въ Государственный Совѣтъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи съ 1-го іюля 1896 г. Уральскаго русско-киргизскаго училища въ школу ремесленныхъ учениковъ, по штату 20 декабря 1893 г., съ начальнымъ при ней училищемъ и общежитіемъ на 35 киргизскихъ мальчиковъ. На содержаніе школы изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано въ 1896 г. 2732 р. 50 к., а начиная съ 1897 г.—по 5465 руб. въ годъ; кромѣ того, одновременно изъ казны отпущено на постройку двухъ флигелей для слесарной и сапожно-шорной мастерскихъ—8600 руб.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1202 —Военно-конская перенесь.

Уже за Оренбургомъ встрѣчаются кибитки киргизовъ, а верстахъ въ двадцати въ глубь степей начинаютъ попадаться табуны, которые отсюда на сотни верстъ, безъ перерыва, пасутся на безграничномъ пространствѣ средне-азиатскихъ равнинъ. Ближе къ Оренбургу, по приуральскимъ степямъ

въ Плецкомъ уѣздѣ, ходять табуны Малой и Средней орды. Здѣсь коневодство по преимуществу мелкое: рѣдко когда попадутся табуны въ 100 и болѣе головъ. Далѣе въ Николаевскомъ уѣздѣ, въ Большой ордѣ, коневодство до послѣдняго года было гораздо обширнѣе, и коневоды, владѣвшіе табунами въ 1000 и болѣе головъ, встрѣчались довольно часто, но въ настоящее время произведенная перепись указала, что численный составъ табуновъ сократился. Только по р. Ую, близъ г. Троицка, вокругъ озера Сары-Камышъ, кое-гдѣ по р. Тоболу и р. Карабутуку, Аргалѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ попадаются еще табуны головъ по 400—500. Причиной такого сильнаго и повсемѣстнаго сокращенія численности табуновъ послужилъ падежъ лошадей въ зиму 1891—1892 года и въ весну 1892 года, когда отъ недостатка корма, послѣ сухого и знойнаго лѣта, гололедицы и частыхъ бурановъ погибло въ Плецкомъ уѣздѣ около 82000, а въ Николаевскомъ—свыше 157000 головъ лошадей. Падежъ скота (джуть) въ киргизскихъ степяхъ бываетъ періодически, черезъ 10—12 лѣтъ. Однако, мѣстнаа киргизская лошадь не перевелась, и благодаря удивительной стойкости, крѣпости и необыкновенной выносливости, проявила, наоборотъ, рѣдкую способность, по минованіи неблагополучія, быстро возрождаться, давая обильный приростъ. Вслѣдствіе этого Тургайская область имѣетъ и долго еще будетъ имѣть всѣ основанія къ сохраненію обширнаго степнаго коневодства, хотя въ массѣ и мелкрослаго (около 1 арш. 15 верш.), но крѣпкаго выносливѣшаго и устойчиваго типа, весьма къ тому же пригоднаго для военнаго вѣдомства. Прекрасная качества киргизскихъ лошадей, въ связи съ обильными земельными угодьями и съ широко развитымъ вообще коневодческимъ промысломъ дали основанія государственному коннозаводству учредить въ Тургайской области три степныхъ конюшни съ штатомъ въ 1500 жеребцовъ съ цѣлью получить среди киргизскихъ лошадей запасъ хорошихъ ремонтныхъ лошадей. Государственное коннозаводство роздало также киргизамъ въ косяки, для постояннаго пользованія, до 600 производителей верховаго сорта, рожденныхъ въ степяхъ и выносливыхъ подходящихъ къ быту и характеру мѣстнаго киргизскаго коневодства. Сравнивая неутраченную киргизскую лошадь съ остальными нашими табунными лошадьми, донскими, кавказскими, калмыцкими, нагайскими, туркменскими, нельзя не придти къ заключенію, что она большинству изъ нихъ уступаетъ во многихъ; но за то киргизскія лошади превосходятъ всѣ породы нашихъ табунныхъ лошадей своей численностью, что, при замѣченной способности киргизской лошади давать быстро хорошія приплоды отъ улучшенныхъ производителей, придаетъ коневодству киргизовъ первостепенное значеніе. При цѣлесообразности мѣропріятій, обширныя табуны киргизовъ дѣйствительно могутъ не только въ значительной степени пополнить наши военныя потребности въ коневыхъ средствахъ, но и доставить хорошія запасы вообще прекрасныхъ и недорогихъ лошадей для населенія. Статья напечатана со словъ «Русскаго Ивалида».

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1255.—Интересное явленіе въ жизни киргизовъ.

Въ Царевское уѣздное по воинской повинности присутствіе 15 октября явились киргизъ Внутренней—Букеевской орды, Тургунской части, Ногайского рода, Бекбулатъ Мулдалиевъ и заявилъ желаніе поступить въ военную службу. На другой день онъ подалъ прошеніе воинскому начальнику, въ которомъ просилъ принять участіе въ выдачѣ ему со стороны отца письменнаго вида, который необходимъ ему для принятія православія и для поступления въ военную службу.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1261.—Убійство ловца. Между прочимъ сообщается, что на взморьѣ, въ запретной полосѣ, противъ поселка Васильева и острова Кирсанова объѣздки замѣтили нѣсколько лодокъ обловщиковъ, Объѣздки (до восьмидесяти человѣкъ) на двадцати косимыхъ пустились въ догонку за обловщиками, выдврая по пути сѣтки. Когда нѣсколько ловцовъ были настигнуты и у нихъ начали отбирать рыболовные орудія и рыбу—киргизы стали сопротивляться и завязалась драка. Киргизы были побиты веслами, при чѣмъ нѣкоторыхъ въ лодкахъ забуксировали и доставили на промыселъ; здѣсь многихъ высадили на берегъ и продержали до поздняго вечера.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1271.

Въ отдѣлѣ—«Общая Хроника» высказывается сожалѣніе о перемѣщеніи инспектора Оренбургской киргизской учительской школы, А. П. Тарнавскаго, на должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи. А. П. Тарнавскій былъ весьма полезный для просвѣщенія киргизовъ дѣятель.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1277.

Сообщается, что киргизы 2-го приморскаго округа Внутренней—Букеевской орды пожертвовали въ пользу двухкласснаго училища въ Большомъ Ганюшкиномъ ветхое школьное зданіе, за которое покупатели предлагаютъ отъ 400 до 450 рублей.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1279.—Киргизскіе табуны.

По даннымъ военно-конской переписи въ Николаевскомъ и Илецкомъ уѣздахъ, Тургайской области, и въ Букеевской ордѣ, Астр. губ., среди кочующихъ киргизовъ оказалось около 400.000 лошадей. Лошади не крупнаго роста, но вообще крѣпкаго сложенія, очень выносливы и не прихотливы на кормъ. Цѣна на киргизскихъ лошадей не велика, платятъ отъ 20 до 25 и отъ 40 до 50 рублей за лошадь хорошей рабочей силы и не стараго возраста.

Общее количество скота у киргизовъ 3.043 665 головъ, стоимостью около 60 мил. рублей; доходность отъ постьвовъ исчисляется около 2 мил. рублей.

Въ этомъ же номерѣ сообщается, что лѣсохранительный комитетъ обратилъ серьезное вниманіе на разведеніе лѣсовъ въ Астраханской губерніи. Строго стало наблюдаться, чтобы лѣса не уничтожались населеніемъ; особенно зорко слѣдятъ за кочевниками, которые въ недавнемъ прошломъ

уничтожали леса самым варварским образом. Самыми лучшими лесными плантациями в настоящее время считаются Тенгушинская и Яшкульская; на пути к развитию и Наринская плантация. Лесничество в Наринской части киргизской степи учреждено недавно, но уже результаты получаются удовлетворительные. Однако, достижение этих результатов сопряжено с большими хлопотами; особенно много хлопот было лесному надзору в первое время учреждения лесничества. Киргизы, хищники по природе, привыкшие издавна распорядиться всем, что есть в степи, безконтрольно, безнаказанно, — представляли много затруднений для наринской лесной стражи в деле охранения как оставшихся от прежних времен лесов, так и молодых. Стария деревья киргизы рубили, молодь травили скотом, продолжая делать это до тех пор, пока не уразумели, что лесной надзор не намренил с ними шутки шутить. Приняты были самые строгия мрмы к искоренению хищничества: штрафы за порубку, за выпас скота на мстах, отведенных под разведение лесов, штрафы немалые, заставили, наконец, киргизов одуматься, и в настоящее время случаи нарушения лесного устава встречаются сравнительно рже, хотя все-таки довольно еще часты. Высканіе штрафов производится без послаблений, иначе еще труднее было бы бороться с киргизским хищничеством, которое повинно в том, что существовавшие еще 50 тому назад в Наринской части богатые леса, совершенно уничтожены, и мстность, бывшая когда-то роскошною растительностью, превратилась в сычучіе пески. Лесничество в киргизской степи существует не более четырех лет, но уже и в такой короткій период времени сделано много в деле укрепления песков. В будущем, когда совершится поземельное устройство киргизскаго населения, площадь для разведения лесов должна будет увеличиться, равным образом и число лесничеств; теперь же дело пока ограничивается небольшим сравнительно пространством. В Калмыцкой степи лесоразведение идет гораздо усильнее, чему немало способствует и то обстоятельство, что калмыки менее хищнически, чм киргизы, относятся к растущим в степи деревьям, но все-таки далеко то время, когда Астраханская губернія, особенно ея обширныя степи, превратятся в покрытое растительностью пространство. Надо много сил и средств для этого; необходима самая энергичная борьба с летучими песками, площадь которых так велика, что составляет чуть ли не две трети губернии.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г. № 1297. — Къ юбилею Оренбургской классической гимназій.

На устройство этой гимназій зауральскіе киргизы пожертвовали более 40000 рублей и букеевскіе 30000 рублей. В настоящее время из букеевских киргизов в гимназій воспитывается не более 4—5 мальчиков.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1311. — Миссія въ Тургайской области.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1316. — Русская колонизація въ Чимкентскомъ уездѣ, Смы-Дарьинской области.

Всѣхъ селеній въ названномъ уѣздѣ имѣется 15, при 4880 жителей обоаго пола. Хотя большая часть селеній, говорится въ статьѣ, существуетъ не болѣе двухъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время крестьяне уже владѣютъ 6195 гол. скота. По главное пріобрѣтеніе мѣстныхъ селеній представляютъ сельскія школы. Въ шести поселкахъ 6 прекрасно устроенныхъ школъ, а въ остальныхъ обученіе дѣтей грамотѣ производится въ крестьянскихъ домахъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1453. — За коня. Изъ киргизскихъ сказаній.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1373. — Солиной промисель на Баскунчакѣ.

Солепромышленники часто злоупотребляютъ трудомъ рабочихъ киргизовъ: принимая отъ киргизовъ соль мѣшками, они считаютъ каждый мѣшокъ по 3 пуд.; въ дѣйствительности же онъ вѣситъ до 7 пудовъ. Киргизъ не протестуетъ... Трудъ его каторжный. Цѣлый день онъ въ озерѣ подъ палицами лучами солнца, погруженный по грудь въ разъядающую рану, и вечеромъ выходитъ на отдыхъ весь въ кровотоочивыхъ язвахъ. На озерѣ ежедневно копошится до 2000 рабочихъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1376. — Сельско-хозяйственные курсы на пользу кочевниковъ.

Говорится о курсахъ садоводства, огородничества, пчѣловодства и ручнаго труда, открытыхъ лѣтомъ 1894 г. въ г. Оренбургѣ для учителей народныхъ училищъ Оренбургской и Уфимской губерній и киргизскихъ школъ Уральской и Тургайской областей. Значительная доля статьи посвящается киргизамъ Внутренней Букеевской орды, весьма туго поддающимся культурѣ. На сѣверѣ этой орды, говоритъ авторъ, много мѣстъ, годныхъ для хлѣбопашества, но киргизы считаютъ болѣе выгоднымъ для себя сдавать эти мѣста въ аренду крестьянамъ, а сами хлѣбопашествомъ не занимаются. Въ 1889 г. напр., въ ордѣ всего на всего было посѣяно 10083 пуд. пшеницы и ржи и собрано 80191 пуд. Къ занятію огородничествомъ киргизъ тоже почти никогда не обращается, а садоводство считаетъ мало прибыльнымъ, а потому не заслуживающимъ вниманія. Чтобы изъ массы населенія Букеевской орды хотя нѣкоторая часть начала переживать вѣчно безпокойный образъ жизни на болѣе культурный, нужно сильное стороннее вліяніе—и это вліяніе можетъ быть оказано лишь наукой, распространеніемъ между кочевниками полезныхъ знаній тѣмъ или инымъ путемъ. Нужно доказать подрастающему населенію орды, что счастье и будущность этого народа не только въ томъ образѣ жизни, который до сихъ поръ онъ считаетъ единственно для себя возможнымъ, но что есть и другіе пути къ достиженію благостоянія. Изъ Букеевской орды были командированы на курсы два народныхъ учителя.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1497. — Ханская Ставка. Корреспонденція.

№. III-16317.

2832
1901

18) О стѣночныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Кавани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочневъ. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ раввалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Трошанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свидѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Мухомы, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Каванской губернии и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библиотекѣ. Составилъ И. О. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Арсимова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ казачковъ Ставропольской губернии до издавія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. О. Описание одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со снижкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Каванскомъ Университетѣ. Томъ I. 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и I-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ, равноты безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп.; вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб. — 3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI, вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томы I, II и VII, а равно и I-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и 3-й вып. XIII т. «Извѣстія» Общество принимаетъ обратно въ обѣтъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1899 годы по 25 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Кавань, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсона). б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14). в) Книжный магазинъ «Новіаго Времени» (Москва, Неглинный прѣздъ, д. Дебре). г) Н. Киммельъ въ Ругѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Кавань, Университетъ) пользуются 30% уступки и бесплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежѣмъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.

344900р

Въ 1901 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ серединѣ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ въ 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари и породческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія съ музеевъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: проф. Д. В. Айнадовъ, проф. А. И. Александровъ, А. Е. Алексеевъ (Кустанай), И. В. Аничковъ (Ташкентъ), проф. А. С. Архангельскій, о. Н. А. Архангельскій, Г. Ахмаровъ, проф. В. А. Богородицкій, В. Л. Борисовъ, проф. Е. Ф. Булле, Д. В. Васильевъ, В. Н. Витевскій, А. А. Диваевъ (Ташкентъ), И. А. Ивановскій, проф. Н. Ф. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, о. Е. А. Маловъ, проф. Ф. Г. Мищенко, В. А. Мошковъ (Варшава), А. Д. Нестеровъ (Казанскій), епископъ Никаноръ (Орелъ), Н. Н. Новокрещенныхъ (Пермь), Н. П. Остроумовъ (Ташкентъ), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ, Г. Н. Потанинъ (С-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, В. М. Теркинъ (Пенза), проф. А. А. Шугенбергеръ, И. Н. Юркинъ, проф. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

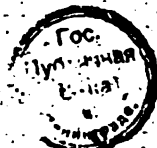
Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за персонажу не платятъ.

Цѣна этого выпуска 2 рубля.

16 71 1